

Annotation

Смуглой красавице из Луизианы Тристе досталась в наследство от матери горячая испанская кровь, но законы светского общества вынуждают ее таить страстное желание любить и быть любимой. Внезапно в жизнь Тристы вторгается Блейз – мужественный искатель приключений с манерами пирата. И вскоре девушке уже безразлично – осудит ли ее свет, ославят ли ее распутницей. Отныне для нее имеет значение лишь любовь Блейза и стремление удержать в оковах страсти этого свободолюбивого, привычного к опасностям мужчину...

- [Розмари Роджерс](#)
 - [Пролог](#)
 - [Книга первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Книга вторая](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Книга третъя](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
-

Розмари Роджерс

Распутница

Моим мужчинам:
сыновьям Майку и
Адаму,
и Крису – моему
товарищу,
любовнику и мужу

Пролог

Место, где жила Старуха, со всех сторон обступали звуки. Кваканье лягушек, пение сверчков, плеск воды, когда пирога рассекала волны или весла врезались в плотную зелень – пропитанную влагой сорную траву. Иногда дом утопал в тишине. Она накатывала отовсюду и ниоткуда, обрушиваясь на старые, полуразрушенные стены, которые и раньше-то были не очень крепки – еще тогда, когда дом был построен, то есть очень давно. Теперь большинство людей забыло Остров на болоте; а те, кто помнит, предпочитают делать вид, что забыли.

Здесь жили потомки древних пиратов и их пленниц – или представителей Старого народа, проплывавших мимо в самодельных деревянных лодках. Существовали легенды, которые передавались из поколения в поколение. Истории, которые рассказывали, глядя на угасающее пламя костра. Народные сказания – помесь баллад и небывиц. Но на болотах ни в чем нельзя быть уверенным и все возможно, если магия у тебя в крови и ты знаешь об этом. А тогда... А что тогда?

– Ты обязательно узнаешь ответы на свои вопросы, – сказала Старуха, – когда будешь готова их услышать. Не я тебе их скажу – ты сама узнаешь. Узнаешь, что такое стыд и что такое гордость, что такое печаль и что такое счастье. Чего будет больше и что в конце концов останется, зависит от тебя, и только от тебя. Это и есть волшебство и чародейство.

Болото было одновременно живым и мертвым – оно давало жизнь и приносило смерть. Его неподвижные воды страстно тосковали по илу и грязи, а слабые течения, которым изредка удавалось освободиться от удушающей хватки водных растений и зеленого мха, стремились вырваться на свободу.

– Всегда помни, чему тебя учили, мое дитя, и никогда не употребляй во зло то, чему ты научилась. Ищи единственной выгоды – понимания.

– Но что я должна понять? Пожалуйста, скажи мне – что?

– Триста!^[1] Триста!

– Что? Что именно я должна понять?

«Каждое человеческое существо задается одним вечным вопросом, над ним размышляю и я, особенно после того, как вижу сны о болоте. Каждый раз они слегка отличаются друг от друга. Вроде бы все то же самое и болото одно и то же, но... Но каждый раз мне говорят что-то другое, что-то

новое, чтобы было, видимо, над чем поломать голову. А иногда ответ приходит сразу...»

«Нынче я совсем не чувствую себя уверенно, хотя внутренний голос говорит мне, что я буду жить. Сегодня, ровно в полдень, моя лучшая подруга Мари-Клэр выходит замуж за моего брата Фернандо, который мне вовсе не брат и которого я всегда...»

К счастью, следующее слово в моем дневнике размыто то ли слезой, то ли каплей воды. Это может быть слово «любила», а может и «ненавидела». Я думаю, что испытывала тогда оба эти чувства одновременно, не говоря уже о крайнем разочаровании в жизни, которое непременно обрушивается на тебя в шестнадцать лет, если твое сердце разбито. Однако можно ли точно сказать, кто разбил чье сердце? И имеет ли это значение? Недавно Фернандо наконец вернул мне мой многострадальный дневник – он был открыт как раз на той последней странице, что я написала. «Любовь или ненависть – никакой разницы, а? Иногда я чувствую, что это одно и то же!» Прав ли он? Если прав, я должна его ненавидеть. Произнося эти слова, он улыбнулся... Улыбкой, которая меня тогда испугала и, всплывая в памяти, продолжает пугать и теперь. Я могла прочесть в ней гнев, жестокость и... нечто большее. О Боже, нечто еще более страшное, о чем я предпочитаю не думать до тех пор, пока не смогу этому противостоять.

Я нахожусь в заключении. Меня, беспомощную узницу, удерживают четыре глухие стены, через которые не проникают никакие звуки, и окованная металлом тяжелая деревянная дверь, в которой время от времени проворачивается ключ, чтобы лишний раз напомнить мне о том, что я заперта. Меня удерживают также собственные страхи, которые даже сейчас не дают мне покоя. Мне тяжело дышать, я задыхаюсь. Мне хочется в истерике колотить кулаками по стенам. Иногда кажется, что они сдвигаются и сдавливают меня, сдавливают... Нет! Я должна сохранять спокойствие. Должна заставить себя хладнокровно мыслить. Для того чтобы выжить, следует отделить свой разум от тела. А я выживу – я обязана выжить! Хотя бы для того, чтобы поведать то, что должна была рассказать еще раньше.

«Думай, думай о прошлом! Даже о Фернандо, о том, каким он был. Помнишь?» Вздохнув, я прислоняюсь спиной к стене и закрываю глаза, заставляя свое сознание устремиться в прошлое, а не в будущее. Прошлое... Что именно в прошлом я действительно помню? Сначала оно возвращается ко мне обрывками, а затем мощный поток воспоминаний обрушивается на меня и едва не захлестывает с головой.

Есть некоторые вещи, о которых я предпочла бы не вспоминать, а есть

такие, к которым мне хочется возвращаться снова и снова. Все, что угодно, лишь бы вырваться из невыносимого настоящего и не думать о том, что предстоит в ближайшем будущем. Я снова возвращаюсь к болоту, к тому, о чем без слов рассказала мне Старуха. Это гораздо важнее, чем заклинания, которые она бормотала вслух, чтобы сделать приятное тетушке Нинетт, которая привела меня туда. Все началось, когда мне было... Да, наверное, два года.

Книга первая
ТРИСТА

Глава 1

Я родилась в Луизиане. Говорят, что я наполовину испанка, наполовину француженка. Моей матери было пятнадцать лет, когда мой отец, которому самому было всего двадцать, погиб на дуэли. Его вдова осталась беременной. Обо всем этом мне только рассказывали. Но другой человек стал моим настоящим отцом. Он причинил мне боль единственный раз – когда умер.

Мы приехали в Калифорнию, когда мне было, должно быть, три или четыре года. Меньше чем через год я чувствовала себя так, будто всегда жила здесь. Мне казалось, что в моей жизни всегда присутствовали этот неуклюжий старый дом, долина семи потоков и уступами возвышавшиеся над ней округлые холмы. У меня было два старших брата, Фернандо и Мигель. Кроме того, в доме было полно слуг, готовых исполнить мою малейшую прихоть. Таким образом, не составляло труда не думать о неприятном и сконцентрироваться только на настоящем.

Тогда, вначале... Мне не нужно было, как теперь, задавать себе вопросы. Зачем? Я воспринимала вещи такими, какими они представлялись на первый взгляд, и думала только о себе, о своих желаниях. Я овладела искусством ездить на лошади едва ли не раньше, чем ходить, а к десяти годам я с той же легкостью научилась пользоваться пистолетом и ножом (и с уважением к ним относиться). Я всему обучалась (и до сих пор обучаюсь) быстро – считать, писать, плавать, загонять в ловушку самого злобного быка. В те дни мне хотелось быть мальчиком. В то время мне еще не нужно было ходить в школу – тем более в монастырскую школу! И я по пятам ходила за Фернандо. Я готова была совершить любой самый дерзкий, самый дурацкий поступок – лишь бы он обратил на меня внимание и, пусть даже неохотно, похвалил. Как это было глупо, как по-детски! Сейчас я презираю себя тогдашнюю, а также свое нежелание видеть то, что всегда было у меня перед глазами.

Брак папы с моей матерью (если они вообще были женаты) оказался вторым. Его первая жена, мать Фернандо и Мигеля, была избалованной единственной дочерью состоятельной испано-калифорнийской четы, тесно связанной с генералом Вальехо. В те дни отец был капитаном торгового судна, ходившего из Бостона в Монтеррей с грузом шкур. Увидев его, прекрасная Жозефа прошептала на ухо своей лучшей подруге: «Этот человек, за которого я выйду замуж!» Да, это была романтическая история!

Как и другая, которую мне рассказали еще в монастырской школе в Бенисии.

Любовь... ненависть... ревность... Неужели эти чувства действительно связаны между собой? Меня называли ведьмой – по-испански «бруха»; причем временами без того нервного, осуждающего смеха, который обычно сопровождает такое заявление. А что такого? По крайней мере теперь ведьм больше не сжигают. Возможно, потому, что они сгорают сами – когда слишком близко подлетят к пламени, слишком живо откликнутся на вызов.

Вызов – да, меня всегда возбуждал любой вызов. И в то же время я умышленно закрывала глаза на то, чего не хотела видеть. Почему, например, я не замечала, что Фернандо ходит хвостом за моей матерью точно так же, как я хожу за ним? Как он ругался, когда она сбежала с рыжим ирландцем, у которого был собственный золотой рудник и который мог выбросить несколько миллионов долларов на любую прихоть! «Пута! – кричал он. – Шлюха!» Иногда казалось, что он адресует эти слова мне, что они относятся ко мне, а совсем не к моей матери. Поэтому, испугавшись сама точно не зная чего, я стала держаться подальше от Фернандо и, насколько возможно, его избегать. Я даже добровольно согласилась учиться в монастырской школе, а когда через полтора года меня отправили в другую школу, в Бостон, я почувствовала едва ли не облегчение. Теперь я понимаю, как мне нужны были дисциплина и строгий порядок. Мне так многому следовало научиться!

За те годы, что мы вместе провели в школе, я очень многое переняла от Мари-Клэр. У нас было немало общего. Ее отец был француз, а мать американка. И ее мать тоже убежала с другим мужчиной... Потом был развод, ее отец вновь женился, и в новой семье Мари-Клэр оказалась лишней. Вот так!

– Мне все надоело, надоело, надоело! Почему папа отправил меня в эту тюрьму? Ну конечно, все из-за его новой жены, которая ревнует меня к нему. Но я еще проучу ее – и его тоже! Клянусь, я выйду замуж за первого встречного! Все, что угодно, лишь бы вырваться из этого ужасного места!

В год, когда мне исполнилось шестнадцать, папа взял Фернандо с собой в Бостон. И через неделю он обручился с Мари-Клэр. Она отчаянно стремилась обрести свободу, а мы с Фернандо воспитывались как брат и сестра. В любом случае, если говорить честно, Мари-Клэр красива, а я нет. У нее золотистые волосы, большие голубые глаза и груди. Мои же волосы черные как ночь, а глаза серо-стального цвета. Для женщины я слишком высока, а грудей у меня почти нет. Хотя мою внешность называли

«интересной» – что это означает, не знаю. Знаю только, что так не говорят о красавицах или хотя бы о хорошеньких. Лицо у меня треугольное... скулы слишком широкие и острые... брови чересчур высокие. Но к чему вдаваться в детали? Главное, какая я внутри. Я ведь могу быть всем, чем захочу. Одним словом – ведьма!

Мне часто говорили: «Ты очень похожа на свою мать». И я все гадала – чем? Мы никогда не были особенно близки, но я все же помню красивую женщину, которая всегда носила сверкающие бриллианты. Иногда я ее ненавидела, иногда любила, но вот понимала ли хоть когда-нибудь?

Когда я вспоминаю о ней... Я мало проводила времени со своей матерью. Я действовала ей на нервы, потому что была слишком дикой и необузданной. Или я просто ей мешала? Но пожалуй, это не имеет значения. Для меня было не важно, здесь она или нет, потому что у меня был папа, который меня любил, и Мигель, который меня понимал.

Мигель теперь стал отцом Михаилом. А тогда он только собирался поступать в семинарию. Мы могли проводить вместе столько времени, сколько хотели, потому что тогда я училась в Виндхэмской академии юных леди, а мисс Чэрити Виндхэм – это папина сестра.

Мы посещали музеи, ходили гулять, катались на лодке. Каждый вечер мы с папой подолгу разговаривали. Иногда к нам присоединялась мисс Чэрити. В то время как все были заняты беседой, Фернандо и Мари-Клэр просто смотрели друг на друга. Мне кажется, что я обо всем догадалась еще до того, как однажды поздно вечером Мари-Клэр возбужденным шепотом сообщила мне, что они с Фернандо собираются пожениться.

– Неужели? Какой сюрприз!.. В любом случае я рада за вас обоих.

– Фернандо и капитан Виндхэм завтра должны переговорить с моим отцом. Я уверена, что он согласится: будет только рад сбыть меня с рук. Представь себе: скоро я стану уважаемой замужней женщиной, и тогда мы с тобой действительно будем как сестры!

– Знаешь, Фернандо ведь нужна девственница. – Я надеялась, что мой голос будет звучать бесстрастно. – Как и большинство калифорнийцев, он в некоторых отношениях очень старомоден.

Мари-Клэр тихо засмеялась:

– Я это знаю! Он только два раза меня поцеловал – и все! Но я обещаю тебе, что в брачную ночь на простынях будет кровь, которая удостоверит мою... чистоту. И я позабочусь о том, чтобы ему было трудно впервые войти в меня – вот так вот!

Меня больше не шокировало то, что говорила Мари-Клэр. Она уже

рассказывала мне историю своей жизни, не упуская ни одной детали. Там были конюхи, слуги – любой мужчина, хорошо сложенный и достаточно похотливый, чтобы удовлетворить ее аппетиты. Я искренне надеялась, что Фернандо сможет ее насытить.

– У него ужасный характер, так что будь осторожна.

– Ерунда! Да нет, конечно, я буду осторожна и очень, очень осмотрительна, не беспокойся! Скажи мне только: у него большой?.. С ним хорошо заниматься любовью?

Я была рада, что темнота скрывала мои пылающие щеки. Иногда Мари-Клэр действительно заходила слишком далеко!

– Уверена, что ты очень скоро сама это выяснишь. – Я помню, что отвернулась, накрылась с головой простынями и сказала сдавленным голосом: – В любом случае откуда я-то могу знать о Фернандо что-нибудь подобное? Если ты помнишь, он мой брат.

– Всего-навсего сводный брат, то есть на самом деле даже не родственник! Я бы не стала тебя винить за эксперименты с приятным молодым человеком, оказавшимся поблизости. Я бы так и поступила, а если ты пренебрегла этой возможностью, то ты просто дура.

Факт остается фактом. Мари-Клэр наслаждалась подобными «экспериментами», как она это называла, а что касается меня, то мне никто этого и не предлагал. В шестнадцать лет все кажется трагедией, и, вспоминая издевку Мари-Клэр, я всю ночь проворочалась, мрачно размышляя о вещах, о которых предпочла бы не думать.

Весь следующий день шел дождь, и я помню, что была этому рада: можно было с утра до вечера сидеть у камина в библиотеке и читать. У меня там было любимое кресло из красного плюша с потертым сиденьем, достаточно большое, чтобы я могла в нем уютно устроиться. Мне позволили выпить небольшой бокал хереса за счастье молодых, и, как я подозреваю, именно алкоголь поверг меня в сонное состояние. По всему телу разлилась тяжесть, глаза закрывались. «Дура», – вспоминала я слова Мари-Клэр, опустив книгу и пристально глядя на огонь. Неужели я и вправду дура?

Было и в самом деле очень глупо уснуть там, когда можно было прекрасно выспаться наверху. Я почти с сожалением вспоминаю о своем тогдашнем оцепенении, но около огня было так тепло и уютно! В полусне я едва замечала, как течет время. Потрескивающий в камине огонь, должно быть, загипнотизировал меня: мне казалось, будто я вижу сквозь языки пламени какие-то картины. Они то увеличивались, то уменьшались, все время меняясь, все время превращаясь во что-то иное.

Сквозь желто-зеленую листву я видела тигра, который беззвучно подкрадывался ко мне. Глаза зверя в темноте пылали зеленым огнем, под гладкой черно-желтой полосатой шкурой ровно ходили мышцы. С какой бы скоростью я ни бежала по извилистым, бесконечным тропам, тигр не отставал и все время смотрел на меня, смотрел. А вплотную за мной, наступая мне на пятки, держась настолько близко, что я могла чувствовать ее горячее дыхание, бежала пума. Я была их добычей. Кто из них схватит меня первым?

– А-а-а!

Неужели я кричала вслух? Я не могла этого вспомнить. Помню только, что открыла глаза и вздрогнула – прищурившись, на меня как-то очень странно смотрел Фернандо. Я почувствовала себя неловко и выпрямилась, опустив на пол голые ноги.

– Я... я прошу прощения. Я не собиралась здесь спать! Наверное, тебе захотелось покурить... а я...

Фернандо прервал мое бормотание жестом, который позволял сделать вывод, что сегодня он, вероятно, чересчур много выпил.

– Думаю, что я уже и так выкурил слишком много сигар и выпил чересчур много вина. Моего уважаемого падре тетя благополучно доставила в постель, а моя невеста уже тоже отошла ко сну. Она предположила, что я застаю тебя здесь, как обычно уснувшей над какой-нибудь нелепой книгой. Что-нибудь по медицине вместо романов, а? Продолжай в том же духе, сестренка, и ты кончишь так же, как бедная тетя, – без мужика!

На несколько мгновений меня переполнила ярость, возникло острое желание запустить в него чем-нибудь тяжелым. Однако я сдержала себя и холодно сказала:

– Думаю, тетя Чэрити просто счастлива, что ею не помыкает какой-нибудь грубый мужлан! А что касается книг, которые я читаю... Я не твоя сестра, Фернандо, и не нуждаюсь в твоих наставлениях!

– Ты, конечно, моложе и вполтину не так красива, как она, – сказал Фернандо, как будто и не услышав моих слов, – но иногда ты все же слишком напоминаешь свою мать. Особенно сейчас, когда в твоих глазах пляшут черти. Так ты поэтому напоминаешь мне, что ты не моя сестра, да? Ты такая же пута, как и она?

Я попыталась встать, но была настолько рассержена, испугана и смущена, что ноги меня не слушались.

– Ты не отвечаешь? Или ты согласна? А?

Теперь Фернандо стоял прямо передо мной, заслоня собой свет пламени и тепло, идущее от камина. Мне внезапно стало холодно и – хуже того – страшно. Я стиснула зубы, чтобы они не застучали, и отчаянно попыталась найти слова, достаточно резкие и спокойные, чтобы привести его в чувство. Если бы папа или тетя Чэрити услышали то, что он сейчас сказал...

Я не замечала, что вжалась в кресло так, как будто хотела растечься по нему. Но тут пальцы Фернандо ущипнули меня за щеку. Я громко закричала от боли и страха.

– Ты боишься мне отвечать, а, маленькая ведьма? О да, я слышал все, что о тебе судачат! И не думай, что я не заметил, как ты разговаривала с лошадьми и они становились послушными, и не только лошади – даже тот свирепый бык, который никого больше к себе не подпускает! У тебя глаза ведьмы; мне приходится избегать их взгляда и избегать тебя! Какая же ты была навязчивая, все время тогда нас преследовала...

Я почувствовала, как во мне поднимается ярость, прогоняя прочь страх. А затем вернулась способность здраво рассуждать. Фернандо пьян. Сейчас он не контролирует свои слова и поступки и, вероятно, потом о них и не вспомнит. Я уже видела раньше, как он поступал с теми, кто пытался ему противоречить, и сейчас ощущала проснувшуюся в нем, едва сдерживаемую жажду насилия, подогретую алкоголем. «Будь осторожнее! – предупреждал меня внутренний голос. – Будь очень осторожна!»

Все еще потирая щеку, я поспешила сделать то, что напрашивалось само собой. Изобразить смущение и замешательство. Сделать вид, что не слышала или не поняла большую часть из того, что он говорил.

– Фернандо... зачем ты сделал мне больно? Что ты имел в виду, когда говорил все эти ужасные вещи? Ты прекрасно знаешь, что я не вправе в чем-либо обвинять...

На этот раз он буквально поднял меня на ноги и прорычал прямо в лицо:

– Тогда скажи мне: сколько мужиков у тебя было? Ты еще не догнала свою мать?

Он встряхнул меня так, что мои небрежно заколотые волосы рассыпались по лицу и плечам. Затем, отпустив так же внезапно, как и схватил, он нехорошо засмеялся и вновь пустил в ход руки – одна больно сдавила мне грудь, а другая...

– Нет! – Я думаю, что моя ярость была такой же пылающей, как конец

раскаленной кочерги, которая неожиданно оказалась у меня в руках. Видимо, Фернандо что-то понял: по моему взгляду было ясно, что я готова его убить или искалечить, если он попытается вновь ко мне прикоснуться. – Нет и нет! – почти беззвучно повторила я со всей силой своей ярости и пережитого унижения. – Пойми, Фернандо: я не Лоретта, я не такая, как моя мать! Я сама по себе, понял? Я Триста, и мне все равно, что обо мне скажут или подумают – хоть ты, хоть кто-нибудь другой. Я сама знаю, что сделала и чего не сделала и что это значит для меня. Когда я... если я позволю мужчине прикоснуться ко мне... хотя бы поцеловать, то я сама выберу этого мужчину... и время... и... и место! Но сейчас, я думаю... я считаю, что скорее останусь тем, кто я есть... или стану монахиней, как Консепсьон Аргуэльо. И если... если твои манеры обычны для отношений между мужчиной и женщиной, то я предпочитаю не испытывать этого вновь. Никогда!

– Так ты еще девственница? И ни один мужчина...

Но я уже плакала от разочарования и гнева. Я ненавидела себя за это проявление слабости, ненавидела Фернандо за то, что он сделал, и в то же время испытывала к нему жалость. Я жалела его за то, что он наверняка очень любил мою легкомысленную мать – со всей юношеской страстью.

– Фернандо, пожалуйста, уходи. Через неделю ты женишься на моей самой близкой подруге Мари-Клэр и тебе предстоит заботиться о ней, а не обо мне! – Я надеялась, что мой голос не дрожит и в нем не заметно отчаяния. – И так как я... мы оба понимаем, что ты сейчас не в себе, будет лучше, если мы забудем обо всем, что сейчас произошло.

– Твое оружие уже остыло, а твое неожиданное сопротивление, я думаю, просто притворство! Хуже притворства! Возможно, как твой старший брат, я должен выяснить для себя, правду ли ты только что наговорила. Ты знаешь, что к тебе уже сватались? Муж будет ожидать...

– Если ты сделаешь еще один шаг, Фернандо, я тебя искалечу. Из тех «нелепых» книжек, которые я так люблю читать, я много узнала об анатомии, а кроме того, я умею очень громко кричать. Так как, начинать?

Хотя мой голос и дрожал, но я говорила совершенно серьезно, и, думаю, Фернандо это понял. Долю секунды он колебался, затем пожал плечами и даже попытался изобразить на лице подобие улыбки:

Я верю, что ты действительно способна на это! Ну-ну! Ты превратилась просто в мегеру! Возможно, какой-то мужчина когда-нибудь захочет тебя приручить, если сочтет, что ты этого стоишь! – Он отвесил мне подобие иронического поклона и, повернувшись, не очень уверенной походкой направился к двери. Но прежде чем закрыть ее за собой,

Фернандо оглянулся через плечо и сказал, засмеявшись странным смехом: – Надеюсь, что ты будешь тщательно охранять свою добродетель, моя сводная сестричка! Потому что однажды, когда я стану главой семьи, я захочу убедиться, что отдаю одному из своих друзей неиспорченный товар. Надеюсь, ты меня поняла? Buenas noches, Триста querida!^[2]

Я бросилась к двери и поспешно заперла ее. Меня трясло как в лихорадке. Я могу остаток ночи провести здесь, а утром объяснить, что, как обычно, заснула за книгой. Тетя Чэрити поймет... а что подумает Фернандо, меня больше не заботит. Он женится на Мари-Клэр, а я... Что ждет меня в будущем?

Глава 2

– Bravo, юная леди! – послышался вдруг незнакомый мужской голос.

Вздвогнув, я повернулась и увидела в углу комнаты его обладателя. Это был высокий мужчина лет сорока. Глаза его насмешливо улыбались.

– Кто вы такой? – с испугом спросила я. – И как сюда попали?

– Я друг мисс Виндхэм. А как я попал сюда – сами догадайтесь. Кстати, мой вам совет: в следующий раз решите, чего вам действительно хочется. Возможно, и кочерга не понадобится.

Слова незнакомца меня возмутили.

– Это... это просто безобразие, что вы подслушиваете, а затем еще позволяете себе давать советы... в том, что вас вовсе не касается... Пусть даже вы друг тети – я хочу сказать, мисс Виндхэм, – но это не оправдывает недостатка у вас... у вас...

– Такта или хороших манер? Должен признаться, что меня до сих пор обычно обвиняли в их полном отсутствии. Но что касается вас, юная мисс... Если бы вы были моей племянницей – или, упаси Бог, дочерью, – я бы определенно позаботился, чтобы вас, как испанскую девственницу, каждый вечер запирали на ключ. А днем приставлял бы к вам дуэнью, которая следила бы за каждым вашим шагом. Ваш драгоценный Фернандо мог вас изнасиловать, если бы был чуть более решителен или чуть менее пьян. Вы этого еще не поняли? Или вы на самом деле только этого и хотели?

В последних словах незнакомца слышалось волчье рычание. Я это понимала и чувствовала, но была еще недостаточно опытна, чтобы как следует дать ему сдачи. Все произошедшее с Фернандо и смутные сожаления о том, что все так кончилось, – это уже достаточно плохо. Но выслушивать от совершенно чужого человека грязные, отвратительные обвинения – это уже слишком! Пусть он даже трижды «друг» тети Чэрیتی!

Пока незнакомец не схватил меня за руки, я так и не осознала, что пытаюсь ударить его.

– Ну что? – спросил он, ухмыляясь мне в лицо. И тут, как бы стараясь завершить начатое, он сказал худшее, что только мог придумать: – Вы еще слишком молоды, чтобы играть с несчастным и глуповатым Фернандо в такие игры. Боже мой, да, судя по вашему поведению, вам не больше двенадцати или тринадцати лет! Мне придется поговорить насчет вас с Чэрیتی... после того, как нас с друзьями накормят. Кстати, где она?

Глаза незнакомца были золотисто-зеленого цвета, напоминавшего мне о болотах, а волосы – темно-коричневые, почти черные. На подбородке виднелась ямочка, а темные морщинки возле глаз говорили о том, что ему либо приходится очень часто, прищурившись, смотреть на солнце, либо слишком часто хмуриться. Лицо было достаточно смуглым, чтобы принять его за испанца или... Да кто же он такой, этот высокий и самонадеянный мужчина, который столь много на себя берет?

К этому времени я прекратила бесполезные попытки освободиться и приняла надменно-пренебрежительный вид. Тем не менее меня по-прежнему разбирало любопытство. Мужчина был явно не похож на других так называемых курьеров организации, что была тогда известна под названием «Подземная железная дорога». Элитарная академия тети Чэрити была всего лишь одним из перевалочных пунктов на долгом и тернистом пути к свободе. Только она и я (по крайней мере я так тогда считала) знали о маленьком тесном помещении в подвале или об узкой потайной винтовой лестнице, ведущей из подвала в библиотеку. Если он ею воспользовался – значит, тетя Чэрити рассказала ему. Но почему тогда я до сих пор не встречала этого негодяя?

– Соблаговолите... соблаговолите убрать свои руки, сэр! – с трудом выговорила я. Незнакомец продолжал сжимать мои запястья, причиняя легкую боль. – Вы должны были с самого начала сказать, кто вы и чем занимаетесь, вместо того чтобы читать мне нотации о том, что является исключительно моим личным делом!

В конце концов он меня отпустил, но, к моему бесконечному раздражению, разразился тихим смехом.

– «Соблаговолите убрать свои руки, сэр!» – повторил он, все еще задыхаясь. – Никогда не думал, что услышу эти слова не со сцены! Вы, наверно, начинающая актриса, да? Когда-нибудь вы с вашим отчаянно пылким Фернандо составите прекрасную пару – независимо от того, будет ли он все еще женат на вашей подруге или нет! Однако, как вы мне указали, это не мое дело, так ведь? И я уверен, что у вас достаточно времени, чтобы вырасти и превратиться в женщину – если Бог даст!

Я едва не задохнулась от гнева. Его снисходительный тон привел меня в такую ужасную ярость, что, если бы в тот момент у меня под рукой оказалась кочерга или, еще лучше, ружье, я убила бы незнакомца без всяких колебаний. Особенно после того, как он имел наглость заявить, что я должна поспешить найти тетю Чэрити и сказать ей о том, что он здесь, а потом пойти на кухню и встать у плиты, конечно, если я умею готовить!..

Я чувствовала, что по какой-то непонятной причине он специально

изводит меня. А может быть, это у него такое хобби – играть на нервах?

– А теперь поспешите, моя девочка, – я голоден как волк и мои друзья тоже! Странно, что Чэрити до сих пор здесь нет, хотя бы для того, чтобы воспрепятствовать вашим ночным приключениям!

Если бы это зависело от меня, он навсегда остался бы голодным. Тоже мне – «моя девочка»! Как будто я ребенок или прислуга! Как я его ненавидела и как желала сказать ему об этом! Я определенно выскажу тете Чэрити, что думаю об этом последнем курьере, о его плохих манерах и, мягко говоря, недостатке воспитания. Где только она могла познакомиться с такой личностью?

Я заставила себя быть достаточно вежливой, но мой голос звучал холодно – в той степени, в какой мне это удалось.

– Конечно, если это действительно срочно, я поднимусь наверх и попытаюсь разбудить тетю Чэрити. Но если вам нужна только еда...

Тут он меня оборвал, испытующе глядя на меня прищуренными золотисто-зелеными глазами, как смотрят на какое-то диковинное растение:

– Значит, где-то под слоем льда горит огонь? Что вы за удивительное дитя! – И к моему изумлению, незнакомец улыбнулся странной улыбкой и приподнял за подбородок мое нахмуренное лицо.

Терпение мое лопнуло.

– Если хотите знать, я вовсе не дитя! Мне уже исполнилось шестнадцать, и я достаточно взрослая, чтобы выйти замуж и иметь детей, если захочу! – Если бы это не выглядело чересчур по-детски, я сейчас притопнула бы ногой. – И как женщина хочу сказать вам, мистер Как-вас-там, что вы самый невежественный, самый невоспитанный и самый грубый человек из всех, с кем мне приходилось сталкиваться. И если бы вы не были другом... знакомым моей тети, то я...

– Благодаря тому, что я случайно услышал, могу себе представить!

– Случайно? Да вы специально подслушивали! А потом, как будто это само по себе недостаточно низко и отвратительно, вы стали оскорблять и... и поучать и провоцировать меня. Будьте вы прокляты с вашим улыбчивым лицемерием, игрой словами и грязными намеками! Хороши же вещи, которые вы говорите ребенку, вы не находите? Вы достаточно ясно показали, что вы не джентльмен. Даже хуже того...

– Стоп! Вы наговорили достаточно. Вам нужно научиться не повторять одно и то же по сто раз. И сдерживать свой дикий темперамент, если хотите чего-то достичь. – Он вновь насмешливо улыбнулся, но теперь тон его стал просительным. – Ну что ж, очень хорошо! Если вы не цените того, что я из самых лучших побуждений вам советую, тогда, может быть, вас смягчат

мои жалкие извинения? Видите ли, мы с друзьями ужасно хотим есть и пить! Последний раз мы ели два дня назад... или три? Послушайте, если ваш Фернандо не прячется где-нибудь поблизости, я мог бы сам добыть себе продовольствие. Кажется, я еще помню, где находится кухня. Или, если хотите, я могу подняться наверх и разбудить Чэрити.

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я прижалась спиной к двери, широко расставив руки и прижав ладони к ее полированной поверхности. Меня несколько не тронула внезапная перемена тактики, я вообще никогда не доверяла этому человеку.

– Если вы спуститесь в подвал, то я принесу вниз еды, свежей воды и молока. Но я не позволю вам будить тетю Чэрити! – Я смотрела на него с вызовом, не отводя глаз, понимая, что по крайней мере в этот раз преимущество на моей стороне. Во всем. Если не обращать внимания на эту ироническую, с претензией на многозначительность, кривую усмешку на его лице, которая уже казалась мне давно знакомой.

– Ваши глаза мне напоминают сейчас горящие угли. Хорошо, что на самом деле это не так! – Незнакомец пожал плечами с таким видом, что мне показалось, будто он продолжает со мной играть... или подыгрывать – но только до тех пор, пока это его занимает. – Неужели вы снова прогоните меня в этот подвал? Может быть, если вы подкупите меня вином вместо воды...

– Я не собираюсь... – горячо начала я, но в этот момент с другой стороны двери послышался приглушенный стук и голос тети Чэрити тихо позвал меня по имени.

– Триста? Триста, пожалуйста, если ты меня слышишь, открой дверь. Я тебя умоляю! Триста...

– Судя по ее голосу, ваша тетя обеспокоена. Вам не кажется, что нужно сделать то, о чем она просит? – Слова звучали вежливо, но взгляд, которым он меня одарил, казалось, пригвоздил меня к двери. На несколько мгновений я замерла, затем, собравшись с силами, открыла дверь и впустила тетю в комнату.

– Триста, моя дорогая! Я видела, что Фернандо лег, а потом заметила, что тебя нет в постели... Блейз?

Волосы тети Чэрити, которые она обычно завязывала в строгий пучок, были свободно распущены по плечам. Сейчас она походила на беспечную молодую девушку.

– Да, это действительно я, любовь моя. Человек с дурной репутацией.

Я немедленно перестала для нее существовать, как будто была всего лишь рисунком на стене.

– Ты не... О Блейз, я ведь уже начала беспокоиться, особенно после того как в последний раз...

– Моя дорогая, ты же меня знаешь! Я прекрасно умею избавляться от преследователей – у меня чудное чувство самосохранения. Я хочу, чтобы ты не беспокоилась обо мне – никогда.

Блейз не отрываясь смотрел на тетю, его голос смягчился, он взял ее протянутые руки в свои и крепко их сжал. А тетя, в свою очередь, не отрывала от него глаз. Чувствуя себя совершенно лишней, я неловко топталась на месте. Мне оставалось только начать для утешения сосать свой палец, как ребенку, которому не разрешили обедать со взрослыми.

Как странно! Я ведь уже решила, что мне не нравится этот человек, Блейз, если его и в самом деле так зовут. Но почему я тогда чувствую... ну, что-то похожее на боль, когда вижу их вместе? Я не стану, я просто не смогу здесь стоять и наблюдать, как они смотрят в глаза друг другу и разговаривают без слов.

– Раз вы встали, тетя Чэрити, я теперь могу пойти лечь в постель – конечно, если я вам не нужна. Я ведь здесь заснула. Мне жаль, что моя беспечность не дала заснуть вам.

– Триста? Ох! – Тетя Чэрити посмотрела на меня так, как будто только что вышла из транса, и я почувствовала острое желание встряхнуть ее.

Той ночью я больше не видела Фернандо. Но даже лежа в полной безопасности в своей кровати, я по-прежнему была до краев наполнена странной смесью эмоций. Некоторые из них смущали меня своей необычностью. Фернандо... Сколько я могла себя помнить, я всегда испытывала к нему тайную (как мне казалось) привязанность. Его красота была почти классической, от папы он унаследовал голубые глаза, а от своей матери – коричневато-золотистые волосы. Хорошо сложенный, с живой улыбкой, он всегда нравился женщинам всех возрастов. Мари-Клэр и он во всех отношениях представляли собой прекрасную пару, и их дети, конечно, будут красивыми. Обо мне обычно говорили, что у меня «необычная внешность», имея в виду сочетание цвета волос и глаз, но никто и никогда не называл меня красавицей.

До этой ночи я никогда также не замечала, что тетя Чэрити – все еще молодая, привлекательная женщина. Почему она осталась одна? Из-за этого мужчины, которого она называет Блейзом, ее лицо пылает, а глаза начинают сиять таким светом, какого я никогда раньше не видела? Если они любят друг друга, то почему же не поженятся?

Я неловко ворочалась на узкой кровати, то срывая с себя одеяло, то натягивая его вновь до самого подбородка. Я не хотела думать о том, что

случилось бы, если бы тетя Чэрити не пришла за мной. «Конечно, ничего», – со злостью сказала я себе. А так как мне не хотелось еще раз прокручивать все это в мозгу, то я стала думать о Фернандо... Что я на самом деле тогда чувствовала и чего хотела – один Бог знает!

Мне нужен Фернандо? Или неизвестный? Или может быть, нечто недостижимое? Например, стать доктором, получив настоящий диплом врача. Кто я и что я? И по каким дорогам, к какой цели могут повести меня эти странные мечты и тайные желания?

Глава 3

Как удивительно! Я хорошо помню, что на следующий день все вели себя точно так же, как раньше. Фернандо относился ко мне как обычно, то есть с преувеличенным вниманием, и никоим образом не показывал, что между нами что-то произошло. Тетя Чэрити, в строгом шерстяном платье, с волосами, по обычаю старых дев подобранными в пучок, совсем не была похожа на ту оживленную, сияющую от счастья женщину, которую я видела в библиотеке предыдущей ночью. Я догадывалась, что человек, которого она называла Блейзом, уже ушел дальше со своими «друзьями», ведя их к свободе и безопасности. Возможно, я больше его не увижу, да и не хочу видеть!

В последующие дни я была рада всему, что позволяло убить время. Я упаковывала вещи Мари-Клэр, чего она сама делать категорически не умела, выслушивала ее признания и отвечала на ее многочисленные вопросы о жизни в Калифорнии.

– Я уверена: кое-что там изменилось, – предупредила я и объяснила, что, хотя рабства там нет, она может иметь столько слуг, сколько захочет.

– Моя мачеха из какой-то Каролины – то ли Северной, то ли Южной, я забыла какой. Но ее семья очень богата, у нее есть плантации и много рабов. Вероятно, поэтому отец на ней и женился! Во всяком случае, пока у меня будут слуги и столько красивых платьев и украшений, сколько я захочу, я буду вполне счастлива. Определенная свобода, муж – то есть положение в обществе...

– А дети? – ядовито заметила я. – Знаешь ли, от тебя ведь ждут наследников, чтобы не прервался род. Мигель – священник, я – всего лишь приемная дочь, так что надежда только на Фернандо.

– Дети? Сейчас я хочу вырваться отсюда и пожить в свое удовольствие! Мне ведь только семнадцать – я еще не готова возиться с этими вечно хнычущими младенцами! Если Фернандо нужен наследник, я дам ему наследника, но только тогда, когда созрею для этого и когда у меня будет кому его кормить и нянчить. Но к чему говорить о таких неприятных вещах? Только подумай – через две недели я уже буду замужем. Папа обещал, что я получу свое приданое в Париже, во время медового месяца. Представь себе – платья от Уорта! И конечно, папа устроит, чтобы нас представили императору и императрице. Ох, Триста, мне хотелось бы, чтобы и ты с нами поехала! Мне нужно будет с кем-то поделиться своими

впечатлениями, а ты единственное существо женского пола, к которому я питаю искреннюю симпатию, с кем я могу быть откровенна. Ты не хочешь поехать? Знаешь, когда я выйду замуж, то могу взять тебя в компаньонки! Ты сможешь учиться в Парижском университете, изучать медицину – если тебя все еще занимает подобная скукота! – и оставаться с нами столько, сколько пожелаешь. Разве это не здорово? Когда Фернандо отправится проводить время со своими приятелями, мы сможем наслаждаться обществом друг друга. Я должна поговорить об этом с твоим папой и Фернандо. Он не будет возражать – он сделает все, что я ни попрошу!

Мари-Клэр крутилась перед зеркалом, любуясь своим отражением. Она говорила и говорила, а я старалась не придавать слишком большого значения ее болтовне. Поехать в Париж... Увидеть новые страны, встретить там других людей, узнать о мире, в котором живу... Конечно, это невозможно, поэтому к чему думать о подобных вещах? Я по-прежнему буду чемпионом среди неудачников, по-прежнему буду проводить время за чтением книг по медицине, которые удастся достать, и в конце концов превращусь в злобную старую деву!

– Да-да! Ты моя лучшая подруга, а теперь и золовка. Ты мне можешь понадобиться!

– Ну, если это случится, то ты знаешь, где меня найти! Но по-моему, тебе совсем не нужен во время медового месяца третий лишний! Пригласи меня после возвращения из Европы, когда ты уже устроишься на новом месте, и я обязательно приеду.

– Правда? Знаешь, мне просто необходим будет кто-то, с кем можно откровенно поговорить. Думаю, что мы с Фернандо через некоторое время наскучим друг другу. А что будет потом... Кто знает?

Как живо все это сейчас стоит у меня перед глазами! Все эти приготовления к отъезду – ни больше ни меньше как на локомотиве! – в Вашингтон, где нас должны встретить родители Мари-Клэр. Потом все поедут на свадьбу в Ричмонд, оттуда новобрачные отправятся в Чарлстон, в Южную Каролину, а уже оттуда – морем во Францию.

– Конечно, мы поедем и в Италию. Я всегда хотела увидеть Рим. А потом в Англию... Грецию... а может быть, и в Испанию. Я хочу побывать везде!

Зачем же нужно было портить радостное настроение своей подруги напоминаниями о том, что она не сможет вечно путешествовать по Европе и когда-нибудь ей придется остановиться? Она была похожа на веселого мотылька, только что выбравшегося из своей тюрьмы-куколки и полного желания летать всюду и пробовать все. Могла ли я порицать ее за это? Если

бы была возможность, разве я бы не путешествовала по всему миру, стараясь не задерживаться подолгу на одном месте, ведь всегда за поворотом ждет что-то новое, неизведанное!

– Я надеюсь, ты напомнишь Фернандо, что тебя непременно должна сопровождать служанка, потому что ты никогда не помнишь, куда кладешь вещи, и не можешь сама ничего уложить или распаковать. А сейчас мне нужно знать, какие платья ты решила взять с собой в Вашингтон, чтобы я могла удостовериться, что они отглажены, все пуговицы на месте и кружева целы. – Это было все, что я сказала тогда.

– Клянусь, иногда ты говоришь точно так же, как мисс Чэрити! Пуговицы на месте... кружева целы. Неужели ты никогда не думала о чем-нибудь не столь практичном, но ужасно захватывающем? Неужели ты никогда не рисковала? А я вот, как ты знаешь, рисковала! И ни о чем не жалею. По крайней мере я очень много узнала о мужчинах – по-моему, и тебе это необходимо, чтобы не стать такой старой девой, как мисс Чэрити!

Я очень хорошо помню тот день. В открытое окно падали золотистые лучи солнца, отражаясь на светлых локонах Мари-Клэр. Она покачала головой, и это почему-то привело меня в ужасное раздражение. Не знаю почему. Может быть, она облекла в слова то, о чем я боялась думать? Чего я тогда хотела – я и сама не знала. А если бы узнала – что тогда?

Может быть, это было и к лучшему, что в последующие дни у меня не было времени на слишком обстоятельные размышления. Нужно было позаботиться о множестве неотложных вещей. Затем последовала долгая поездка на поезде в Вашингтон, все время в угольной пыли и с многочисленными остановками на всю ночь «для удобства уставших пассажиров», как было написано в моем путеводителе. Лично я была слишком измучена и возбуждена, чтобы искать каких-то еще удобств, кроме холодной ванны и крепкого сна без сновидений. Когда наконец мы благополучно прибыли в Вашингтон, мне оставалось только радоваться, что больше не придется разделять постель с Мари-Клэр, которая во сне так вертелась, что не давала мне спать! И не только вертелась! Во время ночевки в Нью-Йорке она решила меня просветить и стала выпрашивать, что я знаю о мужчинах, как доставить им удовольствие, как доставить удовольствие себе, а также как заставить их доставить удовольствие мне. Пожалуй, я узнала очень много; но, как ни странно, я предпочла бы, чтобы мне вместо этого дали поспать!

В первую ночь в Вашингтоне я проспала ужин, потому что папа не позволил меня беспокоить. По-моему, я проспала десять часов или даже больше. Вероятно, я спала бы и дальше, но меня стали настойчиво трясти,

и я пробудилась от тяжелого сна, чтобы оказаться в самом центре хитросплетения какой-то непонятной итриги – причем мне предстояло самой принять в ней участие.

– Ш-ш-ш! – услышала я из темноты напряженный шепот Мари-Клэр. И она скользнула ко мне в постель, заставив подвинуться. – Пожалуйста, Триста! Ты должна притвориться, что крепко спишь и что последние несколько часов я провела здесь у тебя. Я им говорила, что не могу уснуть и хочу поболтать с тобой. Обещай, что ты так скажешь! Клянусь, я потом тебе все объясню, но сейчас... – Мари-Клэр задыхалась, как будто долго-долго бежала. Я быстро поняла, что на ней ничего нет, кроме легкой ночной рубашки под тонким шелковым халатом, который Мари-Клэр поспешила сбросить на пол.

Когда меня внезапно будят, я не сразу прихожу в себя, и этот случай не был исключением. От того, что меня вырвали из глубокого сна, мое сердце бешено колотилось и, казалось, было готово выскочить из груди. Все, на что я была в тот момент способна, – это промямлить что-то бессмысленное, типа «А?.. Что?».

– Не беспокойся! Когда они увидят, что меня нет в комнате, а всюду только разбросанная... Ш-ш-ш! Ты помнишь, что должна сказать? Триста!

– Сама ты ш-ш-ш! – Я невежливо повернулась к ней спиной. – Я ведь должна крепко спать, не так ли?

Я едва успела это сказать, как без всякого стука дверь распахнулась. На пороге появились не только отец Мари-Клэр и ее мачеха, но и мрачный жених с моим бедным папой. Он явно пришел сюда без всякого желания и неловко похлопывал по плечу рыдающую служанку, которая, утирая слезы фартуком, бормотала, что молодая мисс уже давно велела ей ложиться в постель, сказав, что разденется сама. Какая сцена! Мистер Шеридан или даже сам великий Шекспир не смогли бы придумать лучше!

– Мари-Клэр здесь?

Поднятая вверх свеча озарила озабоченные лица. Мари-Клэр изобразила сонное бормотание, а я вновь подняла голову, чтобы проявить свои актерские способности в этом готическом фарсе.

– Боже мой! Что случилось? Пожар?! Ох! – Последнее было произнесено, когда я, демонстрируя девичью стыдливость, натянула одеяло до самого горла.

– Мы ищем Мари-Клэр! – дрожащим голосом сказала ее мачеха. – Мне показалось, что я слышала что-то... кто-то был на лестнице... Или, может, это дверь хлопнула? А когда я увидела, что ее нет в комнате...

Я толкнула ногой Мари-Клэр, предупреждая, что сейчас ее выход. Со

сдавленным восклицанием она приподнялась на локте, как бы спрашивая, что, черт возьми, происходит, ведь утро еще явно не наступило.

После взаимных объяснений и извинений дверь наконец закрылась, как занавес в театре, отделяя нас от остальных действующих лиц. Я раздраженно повернулась к своей беспокойной подруге и обнаружила, что она уже с головой укрыта одеялом.

– Прекрасно! Думаю, что ты все-таки обязана мне все объяснить! И надеюсь, что ты также подумаешь о том, какому нелепому риску себя подвергаешь и что можешь потерять – особенно сейчас. Ну в самом же деле... Мари-Клэр!

– Ну вот, ты снова на меня ворчишь! – недовольно пробормотала Мари-Клэр. – Разве я тебе не говорила, что ты становишься очень похожа на мисс Чэрити? Сейчас я слишком устала и хочу спать, чтобы что-то объяснять. В конце концов, после того как мы сюда приехали, ты ничего не делала, только спала, в то время как меня постоянно выставляли напоказ. Мне пришлось улыбаться скучным друзьям моих родителей и каким-то дальним родственникам, о которых я даже и не слышала! Я все расскажу тебе завтра, обещаю – если ты сейчас дашь мне поспать, вместо того чтобы так... цепляться ко мне!

«Цепляться» – сказала она. Неужели действительно все считают, что я «цепляюсь»? Какое противное, гадкое слово, а его значение еще отвратительнее!

Я легла, стараясь держаться как можно дальше от Мари-Клэр. Значит, я цепляюсь? Злобная, как старая дева... чересчур непонятливая... Ну что ж, посмотрим!

– Конечно, ты права. То, что ты сделала, – это не мое дело, не так ли? – сказала я деланно безразличным тоном.

– Ну ладно! – после короткого молчания проворчала Мари-Клэр. – И совсем ни к чему дуться! Я все тебе расскажу, если ты обещаешь, что потом дашь мне уснуть – без лишних нотаций. Ну пожалуйста!

Чуть ли не в первый раз после того как мы подружились, я почувствовала себя в состоянии противостоять этому трогательному голоску, каким говорят маленькие девочки и каким сейчас говорила со мной Мари-Клэр.

– Спи, раз тебе этого так хочется! Я вовсе не хочу ничего знать о твоей последней выходке – особенно если это какой-нибудь лакей или мускулистый молодой садовник! Так что не обращай на меня внимания – спи!

– Это был совсем не слуга, ничего похожего! И уж конечно, не

Фернандо – я всего лишь немного возбудила его, позволив очень страстно себя поцеловать и прижавшись к нему всем телом так, как будто ослабела от страсти! – Мари-Клэр тихо, насмешливо рассмеялась и победно зашептала: – Нет, моя дорогая Триста, тот, с кем я с таким риском... скажем, встречалась... он... Но раз тебе это совсем неинтересно, зачем я буду рассказывать? Возможно, мне вообще следует молчать, потому что он... Ну, спокойной ночи!

Услышав ее жизнерадостное «спокойной ночи», я чуть не заскрежетала зубами, но тут же поклялась себе, что не стану доставлять Мари-Клэр удовольствия, умоляя сказать мне, кто он такой.

Вскоре я обнаружила, что мне все равно для этого случая не представится. По крайней мере мне так показалось на следующее утро, когда мы все вместе собрались на завтрак, а также на небольшое семейное совещание.

Графиня Бертран де Мартино, которую все вскоре стали за глаза называть попросту Мачехой, проинформировала нас, что все держит под контролем. Ей требуется только содействие всех заинтересованных лиц – и все пройдет как по маслу.

– Конечно, я уже сообщила по секрету всем своим друзьям, что тайная помолвка давно состоялась... и надеюсь, что вы подтвердите мои слова. Что ж, хорошо! А теперь начнем...

Каждый день портнихи! Нужно было подготовить не только подвенечное платье, но и целый ансамбль – одежда для поездок, для дневного времени, для приемов и, наконец, вечерние наряды. Для официальных обедов, для визитов, для балов...

– Конечно, если вам нужен приличный гардероб, моя дорогая, который послужит вам до тех пор, пока вы не окажетесь в Париже!

Бедная Мари-Клэр! Каждое утро бесконечные примерки, потом светские визиты, затем час-другой отдыха, чтобы выглядеть свежей по вечерам... Я думала тогда о том, как на ее месте ненавидела бы подобные испытания. И ради чего? Чтобы в один прекрасный день все сказали: «Какая шикарная свадьба!»

Глава 4

С того дня мы почти не виделись с Мари-Клэр. А если и встречались, то все равно не имели возможности поговорить наедине, по душам, как это было раньше.

Папа, который терпеть не мог суматохи и властных женщин, принял предложение своего старого друга и поселился вместе со мной на две недели в его построенном в классическом стиле, изящном, прекрасно обставленном доме. Как сообщил нам папа, его друг называл это строение «деревенским коттеджем».

Конечно, мне недоставало той атмосферы радостного возбуждения, которую всегда создавала вокруг себя Мари-Клэр, и я чувствовала себя немного виноватой за то, что бросила ее, в чем она меня однажды и упрекнула. Но я была так рада вновь оказаться в деревне, вновь ездить верхом! Папин друг явно знал толк в лошадях. Я обнаружила это, когда посетила конюшню. И когда лошади привыкли ко мне и мне удалось убедить конюхов, что я смогу справиться с резвым, своенравным конем... мне было позволено выбрать себе самого лучшего. Я наслаждалась деревенской природой. Через поместье протекал причудливо извивавшийся ручей. Иногда, набравшись смелости, я привязывала лошадь и плескалась в чистой холодной воде, воображая себя русалкой или индейской девушкой, которая много лет назад купалась в этом самом ручье, поджидая своего избранника.

Когда бы я ни посмотрела на себя в зеркало, в чем бы ни была при этом одета, мне совсем не нравилось то, что я видела. Волосы слишком густые, непокорные, их нельзя приручить с помощью заколок, гребней или ленточек. Лицо... Ну, к нему я как-то привыкла. Но вот почему мое тело никак не полнеет и не хочет образовывать роскошные изгибы, которыми так восхищаются все мужчины?

Вода оказалась ко мне значительно добрее. Когда я отбрасывала прочь всю одежду, мокрые волосы растекались по плечам, прикасались к груди, тяжело свешивались на спину – о, тогда, и только тогда, я знала, я верила, что красива! Пусть я худощава, но у меня тонкая талия и длинные ноги. Мои груди, конечно, нельзя назвать большими, но они и не безобразно маленькие! Позволю ли я мужчине увидеть себя такой? И что испытаю, когда он будет прикасаться ко мне? Мне так много предстоит узнать. И не с чужих слов, а самой. Посмею ли я?

Как я ненавидела тот момент, когда мне приходилось натягивать на себя надоевшую одежду и отбрасывать прочь свои тайные фантазии! Не долго осталось мне приходить сюда и превращаться в нагую нимфу. Мысль об этом была мне ненавистна, и я старалась ее избегать. Особенно если приходилось возвращаться домой пораньше, чтобы успеть переодеться к ужину, или когда нас приглашали к ближайшим соседям на музыкальный вечер.

Пожалуй, оглядываясь на те дни, я почти сознательно заостряю внимание на деталях, которые говорят о тихом, небогатом событиями существовании. Видит Бог, я действительно не хотела никаких перемен и не хотела изменяться сама. И тетя Чэрити, и жизненные обстоятельства учили меня, что нужно думать и действовать рационально и рассудительно. И тем не менее... Я внезапно обнаружила, что существует еще одна сторона моей натуры: темная сторона, которой правят страсть и эмоции. И, что хуже всего, во мне начала просыпаться чувственность. Например, я лежала с закрытыми глазами в ручье и ощущала между раздвинутыми бедрами прохладное прикосновение струящейся воды, ни о чем не думая и не желая думать. Только ощущения, и ничего больше. По крайней мере тогда.

Я не осознавала, насколько меня изменили – в том числе и в глазах других – эти несколько дней, когда я с непокрытой головой ездил на лошади и отдавалась струящемуся потоку. Папа, казалось, ничего не замечал. Но в те дни он много отдыхал днем, занимался бумажной работой и писал множество писем, если, конечно, мы не выполняли обычные светские обязанности. Я почти радовалась, что с нами нет тети Чэрити: она никогда не предоставила бы мне такой свободы – тем более когда все остальные были заняты подготовкой к свадьбе и свадебному путешествию.

– Боюсь, что... Видите ли, прежде чем уехать, мне следует позаботиться об очень многих вещах, а времени остается совсем мало. Я должна удостовериться, что мисс Грэхем точно знает, как следует поступить в том или ином случае в мое отсутствие... ну, например, как надо вести счета. Вы же знаете, я не выношу хаоса! Нет, мне нужна по меньшей мере неделя, чтобы привести дела в порядок. А потом я спокойно отправлюсь в карете прямо в дом моей подруги в Виргинии. Конечно, я даже и мысли не допускаю о том, чтобы пропустить свадьбу своего племянника!

Речь тети Чэрити застала всех врасплох, потому что была произнесена чуть ли не в последний момент перед нашим отъездом из Бостона. Вероятно, никто, кроме меня, не подумал, что у нее могут быть и другие

причины для того, чтобы задержаться... Но даже если у нее и есть личные мотивы для того, чтобы остаться в Бостоне, они совершенно меня не касаются, кто бы за этим ни стоял! Я, конечно, предпочла бы забыть свою встречу с тем отвратительным человеком, которого она называла Блейзом, и ту необычную интонацию ее голоса, которую не слышала ни до этой встречи, ни после.

Неужели они любовники, и если да, то как давно? «Что ты чувствуешь, когда мужчина занимается с тобой любовью?» Мари-Клэр это очень нравится. Может быть, мне стоило узнать от нее об этом побольше. Я хочу знать... или я еще слишком боюсь этого? Такие вот странные мысли бродили у меня в голове в тот исключительно жаркий день, который я запомнила на всю жизнь.

Я едва не заснула в воде – и едва не утонула. Теперь нужно было поскорее возвратиться домой, пока меня не хватились. Я обещала папе, что вернусь пораньше и прослежу, чтобы к появлению гостей все было готово. Хотя мы оба понимали, что хорошо вышколенный персонал позаботится об этом лучше, чем любой из нас.

Пока я поспешно одевалась и небрежно закручивала намокшие волосы в узел, меня не оставляло чувство вины. Я выглядела неважно, и, чтобы в этом убедиться, на сей раз не требовалось зеркала. Под палящим солнцем моя кожа приобрела оливково-золотистый оттенок – пожалуй, она стала чересчур темной, особенно для этой части страны! Несомненно, Мари-Клэр отведет меня в сторону и выговорит за проявленную беспечность – тем более перед самой ее свадьбой! А что касается графини – Мачехи... Я была почти уверена, что с ее слов вскоре каждый узнает, что я всего-навсего бедная родственница сомнительного происхождения, которую пригрели из жалости и которая ни в коем случае не может быть подружкой невесты, несмотря на все мягкосердечие Мари-Клэр.

Представив себе все эти «ужасы», я заулыбалась, но уже через несколько секунд веселое настроение исчезло – обнаружилось, что моя лошадь сбежала и домой придется идти пешком. Это само по себе мало вдохновляло, но, кроме того, мой вид мог произвести на окружающих довольно странное впечатление. Я была одета как цыганка – в длинную юбку и крестьянскую блузку с оторванным рукавом. Так будет гораздо прохладнее, сказала я себе утром, а критиковать или недоуменно поднимать брови было некому. В любом случае я уже два часа как должна была вернуться – задолго до прибытия первого гостя. Но теперь не было смысла переживать и горевать: нужно было как можно скорее бежать по направлению к дому.

В то время я знала очень мало бранных слов. Теперь-то я знаю гораздо больше – на пяти различных языках. Но тогда, каждый раз когда я в спешке спотыкалась или цеплялась юбкой за ежевику, я говорила только «тьфу!» или, более смело, «черт возьми!».

Так как я всегда проезжала к ручью верхом, этот путь не казался мне слишком длинным. Теперь, когда я вынуждена была идти пешком, дорога показалась бесконечной. Если бы я только себе позволила, то уже давно села бы прямо на землю и заплакала от отчаяния. Помню, что мне в голову пришла мысль присесть где-нибудь под тенистым деревом и ждать, когда меня спасут. Ведь после того как моя лошадь одна вернется в конюшню, меня начнут искать. Но этого мне тоже не хотелось. Это слишком унижительно не только для меня, но и для папы. Поэтому я продолжала бежать – или скорее ковылять – вперед. Каждый мой вдох звучал как рыдание, а ног я уже больше не чувствовала.

Я всегда была упрямой. Даже тогда, когда я останавливалась, задумавшись над тем, куда иду и зачем, инстинкт гнал меня, как раненое животное, в правильном направлении. Я должна была идти и, стало быть, шла вперед, хотя уже смутно припоминала зачем. А потом... Сейчас я не могу вспомнить, то ли я зацепилась за что-то и упала, то ли, задохнувшись, потеряла сознание... Зато точно знаю, что, придя в себя, никак не могла понять, действительно ли со мной случился обморок, или я попросту оказалась во власти странных видений, возникших на границе реальности и сна.

Казалось, я не двигалась. Возможно, мне действительно не хотелось двигаться. К моим губам прижались чьи-то губы, вернув мне способность самостоятельно дышать. В этот момент сознание еще не полностью вернулось ко мне, я еще не возвратилась оттуда, где недавно побывала. Но что это было? И какое это имеет значение, если я способна только чувствовать, но не думать? Как я смогу узнать, кто этот человек, подаривший мне свое дыхание?

Может быть, мне только показалось, что я пришла в сознание и вскоре вновь лишилась чувств. Может быть... Ах, почему же я даже сейчас пытаюсь оправдываться? Мои тогдашние действия или желания оправдать невозможно.

Я знаю только, что чего-то хотела... Чего-то, о чем ничего не знала и чего раньше не испытывала. Ни стыд, ни смущение не стояли больше между мной и той силой, которая влекла меня к этому человеку. Влекла против моей воли с самой первой встречи, несмотря на то что он мне тогда не понравился. К человеку, о котором я ничего не знала, кроме имени –

Блейз. Имени, совсем не походившем на настоящее. Да, скорее всего это было прозвище.^[3] Наверное, тогда я ни о чем подобном и не думала, полностью поглощенная желанием.

Когда он понял, что я пришла в сознание, то попытался отодвинуться на безопасное расстояние, но я ему не позволила. Даже сейчас не могу понять, какой демон вселился в меня, заставив обхватить его руками за шею и приблизить его губы к своим. Не для поцелуя, не для того, чтобы вдохнуть в меня жизнь, а для чего-то другого, означавшего смерть и разрушение. Правда, в тот момент я хотела лишь утолить голод, завладевший всеми моими чувствами, заставивший меня обо всем забыть.

Он не мог знать, что до этого я ни разу не целовала мужчину. Все, что я делала, каждое движение моего изогнувшегося дугой тела диктовалось откуда-то извне. В этот день я перестала быть шестнадцатилетней девочкой. Я была женщиной – самкой, радующейся ощущению власти, которой, как внезапно выяснилось, я обладаю. Возможно, я действительно ведьма, как мне говорили. Или просто заколдована? Помню, что чувствовала себя так, будто мы уже целовались раньше – этот незнакомец, который не был незнакомцем, и я. Как будто...

Это должно было случиться. Он и я, терпкий запах помятой травы, голубизна небес и бело-золотой шар солнца над нами. Я хотела, чтобы это случилось, и случилось с ним. Цвет его глаз напоминал зелень болотной воды, освещенной лучами солнца. Его тело было сильным и твердым и худым, как канат. По какой-то необъяснимой причине я хотела увидеть его обнаженным и желала, чтобы он тоже видел обнаженной меня. Я была одержимой: возможно, в меня вселился дух какой-нибудь древней жрицы друидов. Как неожиданно и в то же время с какой неизбежностью это произошло!

Мне кажется – о Боже, как ясно! – что мы несколько раз пытались заговаривать, но сказали всего несколько слов. Я помню свои ощущения. Наверное, когда я лежала обнаженная в воде, позволяя ей играть с моим телом и моими чувствами, я готовилась к тому, что произошло в этот день. И я чувствую... Сначала прикосновение его губ к моим губам, а потом... К вискам, к мочкам ушей, к шее и затем все ниже и ниже. Но так медленно...

Его руки задрали мою юбку вверх и начали еще одно мучительно медленное исследование моего тела. В это время его губы и язык сделали мои соски такими напряженными и чувствительными, что я едва не закричала – и сдержала себя, лишь сделав глубокий вдох, больше походивший на рыдание.

Он поднял голову и прищурил свои дьявольские тигриные глаза. Я

снова почувствовала себя так, будто тону. Тону в омуте страсти, похоти – того, что свело нас вместе в этот день, как бы оно ни называлось.

– Тебе скучно?

В этот момент я почти ненавидела его.

– Нет, черт бы тебя побрал!

– Ладно! По крайней мере ты проявляешь хоть какие-то признаки жизни. Я уже начал думать, что твой достойный Фернандо успел приучить тебя к полной покорности.

Мне были ненавистны его саркастический тон и то, как он глядел на меня, лежавшую под ним почти обнаженной. Если он несколько мгновений назад обращался со мной так нежно, то почему сейчас разговаривает так, будто я какая-то дешевая шлюха, которую он подобрал на улице? Но разве я не вела себя именно так? И опять-таки почему он ласкает меня и намеренно возбуждает мои чувства, если я не пробуждаю в нем желания?

Чувствуя, что оказалась в ловушке, я решила прибегнуть к, вероятно, самому сильному оружию – сказать правду. При этом я сумела твердо глядеть ему в глаза.

– Ты первый мужчина, с которым я встречаюсь... таким образом. И я хочу, чтобы именно ты был первым... – И тут живость, о которой он говорил, разыгралась во мне. Беззаботно, как я надеялась, пожав плечами, я добавила: – Однако если ты не в состоянии справиться с этой задачей, то, как ты мне напомнил, всегда есть Фернандо...

Как я и ожидала, он прервал мои слова поцелуем – на этот раз грубым и требовательным. Такими же стали и его руки. Пожалуй, я предпочла бы прежнюю нежность, но была готова и к этому. Он боролся с собой, а я нет.

– Значит, ты девственница, которая желает всему научиться? Но ты ведь хорошо знаешь, как раздражить мужчину! Да поможет Бог нам обоим! Ты, пожалуй, слишком похожа на меня самого!

У меня не было времени на то, чтобы попытаться понять значение его слов, потому что Блейз тут же начал снимать с меня мою скудную одежду, а затем с оскорбительной медлительностью обследовать все мое тело. Я думаю, он хотел сначала унижить меня, потому что именно я втянула его в это дело... В дефлорацию – вот как это называется!

Что за слово! И кто только его изобрел? Должно быть, я засмеялась или по крайней мере издала нервный смешок, когда, дернув за волосы, Блейз заставил меня принять сидячее положение.

– Ты находишь в этом что-то смешное? – Голос его был обманчиво спокойным, но прищуренные глаза и напряженные мышцы говорили о скрытой угрозе. Он был похож на тигра, этот человек по имени Блейз, –

цветом глаз, движениями, тем, как он смотрел на меня.

– Это потому, что... ну, я внезапно подумала, что должна быть... дефлорирована! – почти не раздумывая, выпалила я. – Просто не смогла сдержаться... Я всегда не могла понять, откуда... такое выражение...

– Ах ты, маленькая...

И я увидела, как он улыбается. Очень скоро я снова лежала на спине, а Блейз стоял на коленях между моими раздвинутыми ногами.

– Ты уверена, что так надо, Триста? – Он больше не улыбался. – Ради Бога! Я все время вынужден напоминать себе, что ты...

Я протянула руку и прикоснулась к нему – сначала робко, затем, почувствовав набухающую плоть, более уверенно. Было слышно его хриплое, учащенное дыхание.

– ...что я еще ребенок? – закончила я за него фразу.

Блейз не выразил удивления, только оценивающе взглянул, и его волшебные пальцы принялись наконец вновь поглаживать мое тело. Всего несколько секунд, но за это время он чуть не свел меня с ума.

Затем Блейз встал и освободился от своей одежды. После этого он уже не спрашивал меня, уверена ли я... и вообще больше ни о чем не спрашивал. Он не давал мне фальшивых обещаний. Он просто сделал то, что я хотела, – с удивительной нежностью взял меня в первый раз в моей жизни.

Эта самая дефлорация оказалась не такой болезненной, как я ожидала. Короткая, резкая боль – и все. Но сразу после этого Блейз начал двигаться во мне медленнее – и ласкал меня, гладил до тех пор, пока я не почувствовала... как будто мириады различных ощущений кружатся во мне, а затем мое тело разорвалось на миллионы частей. Я услышала свой крик – дикий женский крик, выражающий наслаждение и удовлетворение, – и еще крепче и сильнее прижала к себе тело Блейза.

Глава 5

Когда все кончилось, я почувствовала себя раздавленной бурей собственных эмоций. Я сама хотела, чтобы это произошло, сознательно позволила проявиться дикой, первобытной стороне своей натуры. Сама выбрала мужчину, который сделал меня полноценной женщиной. Но тогда почему теперь, когда все кончилось, я цепляюсь за него и плачу у него на плече, как брошенный ребенок?

– Я сделал тебе больно? Триста... душа моя...

Услышав это старомодное выражение, которое мне до сих пор приходилось встречать только в книгах, я зарыдала еще громче и вцепилась в него еще сильнее. Почему он так ласков со мной, даже после того, как взял меня? Отчего я чувствую себя так, будто нахожусь в незнакомой местности и с каждым шагом все глубже увязаю в болоте – вступив в не отмеченную на карте область сердца и души?

Я знала, что он должен был быть моим первым. И время, и место для этого были подходящими... Кровавое доказательство моей потерянной девственности виднелось на траве, где я лежала. Все кончилось – дело сделано. И произошло это по моей воле. Почему же тогда я не чувствую радости победы, а только рыдаю и всхлипываю? Нет, он должен был изнасиловать меня, а не заниматься со мной любовью. Ужасно, что он без подсказки понял, где у меня самые чувствительные места. На его месте должен был оказаться Фернандо, и тогда бы я не чувствовала того, что чувствую сейчас.

– Триста, Триста! – Он сжал мои голые плечи и встряхнул меня так, что, казалось, встряхнул из меня (по крайней мере на мгновение) опасные эмоции, в которых я могла захлебнуться.

– Это... в конце концов это ерунда! Не стоит так огорчаться, это должно было когда-нибудь случиться. Сейчас... сейчас я чувствую себя...

Почему он вдруг отпустил мои плечи и так на меня посмотрел?

– Да? – протянул он якобы безразличным тоном, совершенно непохожим на тот, что я слышала только что. – И как же ты теперь себя чувствуешь, бывшая девственница-ведьмочка? Наверное, разочарована тем, что земля не задрожала и не появился ковер-самолет, чтобы увезти тебя в сказочную страну?

Эйфория во мне мгновенно исчезла, ее сменила прежняя острая неприязнь к нему. Я надменно задрала подбородок.

– Естественно, я ничего подобного не ожидала! – сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал так же равнодушно. – Мне просто захотелось наконец попробовать, вот и все! И я должна признать, что это был очень интересный эксперимент. Я вот думаю, каким будет следующий раз?

Я зашла слишком далеко. Я это поняла, еще когда говорила, но не могла остановиться. А может быть, я сказала это специально?

Не хочу искать себе оправданий. Я определенно виновата в том, что произошло дальше. Один Бог знает, хотела ли я этого. По крайней мере я научилась тому, что со взрослыми мужчинами не следует играть в детские игры. Правда, вначале мне показалось, что мои легкомысленные слова ни к чему не привели, и даже почувствовала некоторое разочарование.

Я помню, что протянула руку за своей небрежно брошенной одеждой, и тут... Тут человек, который только что занимался со мной любовью, повернулся ко мне совсем другой стороной. Выражение его лица стало твердым и непреклонным. Блейз схватил меня за руку и, вывернув ее, заставил опуститься на колени. Я закричала от боли.

Инстинктивно я подняла руку, чтобы вцепиться ему в лицо, но Блейз схватил меня и за второе запястье.

– Ты... ты! Пусти меня, будь ты проклят! Ты... ты делаешь мне больно!

– Разве?

Неожиданная сила, с которой Блейз швырнул меня на землю, как тряпичную куклу, плохо сочеталась с его нарочито-небрежным тоном. Я обнаружила, что лежу на траве лицом вниз, а мои руки заломлены за спину. Когда я попыталась освободиться, то на миг мне даже показалось, что они сломаны. Он бы и на это пошел, если бы я продолжала сопротивление.

Прекратив бесполезную борьбу, я просто лежала на траве, сгорая от унижения и бессильной ярости. Позади я чувствовала тепло тела Блейза, который небрежно раздвигал мои бедра, все еще мертвой хваткой сжимая запястья.

Не говоря ни слова, он принялся ласкать меня одной рукой.

– Так ты любишь эксперименты, Триста? Тогда тебе стоит узнать, что существует и другая сторона этого приятного процесса, а также другая сторона мужской натуры. Особенно когда мужчина возбужден, раздражен и разозлен. – Его пальцы вошли глубже, и я не смогла удержаться от стоны. Я стонала не только от унижения, но и от какого-то другого постыдного чувства, которое, казалось, все росло и ширилось, как круги на воде от брошенного камня. Я знала, что Блейз хочет наказать меня за мои слова, заставив почувствовать унижение. Было что-то почти дьявольское в том,

как он это делал, против моей воли вызывая у меня ответную реакцию.

Я рыдала, извивалась, не своим голосом умоляла Блейза перестать, но в то же время какой-то демон внутри меня хотел, чтобы он продолжал.

– Встань на колени, Триста. Ты добилась того, что я снова тебя захотел. Давай быстрее!

– Нет! Ты не сможешь сделать из меня... – Закусив губу, я замолчала.

Блейз одним толчком поставил меня в нужное ему положение и больно хлопнул по заду, предупреждая тем самым о возможных последствиях непослушания.

– Как я обнаружил, некоторые женщины очень любят, когда их шлепают. А ты?

Когда я не ответила на этот издевательский вопрос, Блейз еще раз напомнил, кто хозяин положения, вновь звонко хлопнув меня. Я решила, что попала в руки сумасшедшего, – и ошиблась. Я сама этого добивалась. Пожалуй, я даже страстно желала, чтобы мне попался такой мужчина-монстр! Я где-то читала, что лучше всего не спорить с маньяком. Вместо этого я не удержалась от едкого замечания:

– А ты доказал мне, что некоторые мужчины очень любят бить беспомощных женщин!

Это было единственное, что я могла сделать, пытаясь сдержать жгучие слезы унижения. Блейз попеременно то шлепал меня, словно провинившееся дитя, то играл с моим телом самым бесцеремонным и интимным образом, как будто я была какая-нибудь... шлюха!

В ответ на мои язвительные замечания это чудовище просто смеялось, а его длинные пальцы все шарили и шарили во мне. В отчаянии я корчилась и кричала, но он только сильнее сдавливал мои покрытые синяками руки и пригибал меня все ниже и ниже, наконец вдавив лицом в жесткую траву. Как только он посмел использовать меня таким образом: заставив встать на колени и выставив перед всем светом напоказ, подвергнуть небрежному обследованию своими дьявольскими пальцами! Я уже не могла больше терпеть и, всхлипывая, принялась молить его каким-то не своим, хриплым голосом: «Пожалуйста, ну пожалуйста, не надо, не на...» И тут без всякого предупреждения Блейз глубоко, очень глубоко вошел в меня, заставив почувствовать всю длину и твердость своего орудия. Я кричала, уткнувшись лицом в траву, а его рука каждый раз приподнимала меня вверх, чтобы встретить его очередную атаку.

– Тебе так нравится, моя восхитительная маленькая распутница с золотистой кожей? Знаешь ли ты, какое удовольствие мне доставляет находиться в тебе, видя и чувствуя, как ты дрожишь? Надеюсь, тебе так же

хорошо, как и мне!

Подобно самому Люциферу, он шептал мне на ухо слова, которых я раньше никогда не слышала, а сам все атаковал и атаковал. Пальцы его все трогали и трогали мой крохотный потаенный холмик, и вскоре я не могла больше ни о чем думать, предавшись безумию, откровенной похоти, которая клокотала в нас обоих, как кипящая лава, как лесной пожар, как... «Блейз, Блейз!» – кричала я, ничего не соображая, а он поднимал меня с одной вершины на другую, пока я не почувствовала, что воспарила так высоко, что вскоре рассыплюсь, превратившись в тысячу невесомых кристаллов.

Как человек может так быстро перейти от нежности к грубости, а затем опять к нежности? Когда я вновь вернулась на землю из каких-то заоблачных сфер и тело мое все еще дрожало от страсти, я поняла, что лежу, привалившись к Блейзу, он нежно гладит меня, а губы его слегка покусывают мочку моего уха.

– Ну вот, душа моя, – успокаивающе сказал Блейз. Голос его все еще был хриплым. – Все получилось не так уж плохо, правда? Я прошу прощения, если сорвался и вел себя грубо, но следует признать, что ты очень дерзкая маленькая плутовка, если не сказать больше! Скажи, что прощаешь меня за то, что я потерял голову из-за твоей обворожительной маленькой... Я бы хотел когда-нибудь нарисовать тебя. Конечно, если позволишь. Вот так... – И он легкими, нежными прикосновениями принялся обводить контуры моего тела, заставив меня против желания снова задрожать.

Я не знала, что и думать об этом человеке! Играет ли он со мной снова? Говорит он сейчас с иронией или нет? Я знала только, что еще не в состоянии взглянуть ему в глаза – еще нет. Мне сначала надо вырваться из его... его гнусных лап, одеться и... И тут до меня дошло, что сейчас я должна уже быть дома и встречать гостей, а вместо этого я валяюсь здесь, под открытым небом, бесстыдно обнаженная, в объятиях человека, который только что лишил меня девственности и на этом не остановился!

Какое безумие! Но так и должно было случиться. Солнечный удар... да, именно солнечный удар так повлиял на мои чувства, свел меня с ума. А если кого-нибудь послали меня искать, увидев, что лошадь вернулась одна? О Боже, что я делаю здесь с совершенно чужим человеком, которого я всего несколько минут назад считала маньяком? И что он имел в виду, когда сказал... Нет! Я не могу больше здесь оставаться, хотя его пальцы легко, как перышки, касаются моей груди, живота, бедер... Только когда я открыла глаза и едва не ослепла от солнца, я поняла, что до сих пор лежала

зажмурившись.

– Нет! – выпалила я. В моем голосе звучало отчаяние. – Нет, не надо... неужели ты не понимаешь? Они уже ищут меня: папа, слуги... Пожалуйста, отпусти!

Оказалось, что бороться за свое освобождение больше не нужно. Блейз, как ни странно, тут же отпустил меня, коротко рассмеявшись. Услышав этот неприятный хохоток, я обернулась через плечо и посмотрела на него почти со страхом. Но в твердом взгляде зелено-золотых глаз я смогла прочесть только равнодушие.

Поймав мой испуганный взгляд, он поднял бровь и протянул со скучающим видом:

– Ну что, передумала? Или все еще боишься, что твой сводный брат Фернандо узнает о том, что тщательно оберегаемая им девица больше уже не девушка? Ты сама-то на что-нибудь решилась, любовь моя?

– О! – со злостью выдохнула я и отвернулась, чтобы поскорее убежать подальше от Блейза и его колючих слов. Но он протянул руку, схватил меня за лодыжку, и я, задыхаясь, растянулась во весь рост на траве. Когда я вновь смогла издавать какие бы то ни было звуки, то зашипела:

– Ка... как ты смеешь... Я тебя ненавижу! Я... я бы...

– Может, ты замолчишь? – Это было сказано сухим, небрежным тоном, и, прежде чем я смогла бросить ему в лицо все те злые слова, что крутились в моей голове, Блейз заставил меня замолчать, прижав свой рот к моему, и целовал до тех пор, пока я снова не стала задыхаться.

«Чего он хочет от меня? Зачем он делает это со мной?» – с отчаянием думала я. Я внезапно вспомнила старую балладу «Демон-любовник» и внутренне содрогнулась. Великий Боже, кто этот демон, которого я должна больше всего бояться: моя собственная похоть или мужчина, который пробудил ее во мне? Но даже в то время, как в моем сознании пробежали эти тревожные мысли, мое тело реагировало иначе. Стоя на коленях, я прижималась к Блейзу, к его крепкому мужскому телу. Я цеплялась за него (и, по правде говоря, отчаянно) хотя бы для того, чтобы не упасть, а он яростно целовал меня, намотав прядь моих волос себе на кулак. Я почувствовала, что если не уступлю, то он сломает мне шею.

Уступлю... Я в самом деле уступила или просто мной овладела алчность? Желание испытать хотя бы еще раз то неопишное наслаждение, когда я чувствовала, что вот-вот выскочу из собственного тела. Я услышала, как из моей груди вырвался стон – протяжный стон, напоминающий крик животного. Я и ощущала себя тогда животным. Я начала трогать Блейза так же, как он трогал меня, – нетерпеливо, жадно.

Странно, но я чувствовала себя весьма осведомленной в той области, которой я, конечно, не могла знать, – я знала, где и как его ласкать. Теперь я смело прикасалась к Блейзу, я хотела видеть и чувствовать его. Я была как будто в полусне, в трансе. Время остановилось, или я попала в центр замкнутого круга, за пределами которого осталось все и вся, включая реальность.

– Ты быстро учишься, не правда ли? Или ты уже тренировалась раньше? – Блейз почти прорычал эти слова, оторвав свои губы от моих. Но не успела я ответить, как он схватил меня за бедра, взгромоздил на себя и откинулся на спину. Я смотрела на его непроницаемое лицо – стыдно сказать! – открыв рот от неожиданности. – Ты ведь лишилась своего коня, да и я уже на тебе скакал. Так что смею предложить себя. Или тебе еще не приходилось ездить на таких скакунах, моя милая распутница?

Я побледнела, почувствовав, как Блейз нетерпеливо ерзает подо мной.

– Я не буду... – начала я дрожащим от ярости голосом и поднесла руку к его лицу, пытаюсь выцарапать глаза. Однако Блейз неуловимым быстрым движением перехватил мои руки и, глядя в лицо, задержал на бесконечно долгий миг. Затем Блейз притянул меня к себе и развел наши руки далеко в стороны. Мы по-прежнему смотрели друг другу в глаза – на этот раз очень внимательно.

Я никогда не узнаю, о чем он думал в эти мгновения, и никогда не скажу ему, о чем думала я. Как я теперь понимаю, есть мысли и чувства, о которых не нужно говорить вслух. Весь мой праведный гнев иссяк, когда я с болезненной ясностью поняла, какие темные смерчи клубятся в глубине его сознания, которую мне, возможно, не дано измерить.

А Блейз продолжал меня поражать и... сбивать с толку. Все еще не отрывая от меня глаз, он поднес к губам мои руки и с бесконечной нежностью поцеловал каждый синяк, приговаривая:

– О Боже! Бедная маленькая Триста! Бедная девочка, которая так стремится все узнать! Кто-то должен был предупредить тебя, что надо быть осторожнее... кто-то должен был предостеречь против таких испорченных и бессовестных людоедов, как я. Видишь, что получилось? Тебя изнасиловали, и я думаю, что вскоре изнасилуют снова. Черт возьми, но у тебя все такое узкое и шелковистое! И для девственницы, коей ты была еще два часа назад, ты слишком хорошо знаешь, как раздражить мужчину. Ты...

Я медленно и даже, пожалуй, томно передвинулась и, услышав прерывистое, хриплое дыхание Блейза, в который раз поразила ощущение своей власти над ним. Дразня его, я застыла на одно бесконечно

малое мгновение и опустила бедра, позволив ему войти в меня глубоко-глубоко. Уже по собственной инициативе я наклонилась, чтобы провести сосками по его груди, и почувствовала, что внутри меня стало очень тесно. Мои раздвинутые бедра дразнили его взгляд. Блейз внезапно притянул меня к себе, и наши тела тут же обрели единый ритм, вздымаясь и опускаясь, как морской прибой. Мы превратились в две океанские волны, которые, слившись воедино, все поднимаются и поднимаются к невысказанным высотам и замирают, прежде чем со всей силой яростно обрушиться на берег в потоках белой пены.

Потом, когда все кончилось, я рухнула на тело Блейза, слабая и измученная, чувствуя, как сильно бьется его сердце.

Я еще не думала о том, что будет после. Меня это не заботило – пока не заботило! Я все еще не могла прийти в себя. Почему бы мне и дальше не лежать вот так – положив голову на плечо обнимающего меня любовника?

Но конечно, мы оба понимали, что дольше это продолжаться не может. Времени уже совсем не осталось, и если кто-нибудь обнаружит нас здесь – что тогда? Произойдет дуэль или убийство? Может быть, чтобы искупить вину, Блейз предложит жениться на мне – хотя я почти наверняка отвергну его, что бы там ни говорили! Никогда не смогу жить в неопределенности, терпеть его вечно меняющееся настроение и высокомерие, не говоря уже о том, что он все делает по-своему, не обращая внимания на мои чувства.

– Нет! – вслух сказала я и посмотрела в ленивые золотисто-зеленые глаза Блейза. Прищурившись, он задумчиво глядел на мое нахмуренное лицо.

– Нет? Боюсь, что я ничего не спрашивал! Тем не менее... все было просто восхитительно... – Он резко выпрямился и помог мне встать на ноги. Блейз двигался легко, как огромная кошка или кобра, готовящаяся к броску. Мгновение его глаза смотрели на меня, пожалуй, почти с сожалением. Затем он, приподняв рукой мой подбородок, запечатлел на моих губах легкий поцелуй, совсем непохожий на поцелуй любовника.

– В следующий раз будь осторожнее с выбором мужчины, Триста. Ты можешь разбудить такого дикого зверя, который сожрет тебя целиком. – И он отвернулся, чтобы взять свою одежду, не оставив мне другого выбора, кроме как закусить губу и последовать его примеру.

Глава 6

Нежный организм юной леди слишком долго подвергался действию палящего послеполуденного солнца. А ехать с непокрытой головой, без шляпы, было по меньшей мере неосмотрительно, если не сказать больше. Ведь известны случаи, когда люди умирали от солнечного удара! Именно это строгим тоном сказал мне поспешно вызванный доктор Уайз.^[4] Какой невыносимой должна быть жизнь у его несчастной жены и дочерей, которым никогда (как сообщил мне доктор) даже и в голову бы не пришло ехать верхом без сопровождения конюха!

К своему стыду, я должна признаться, что совсем по-детски состроила гримасу, когда доктор отвернулся, чтобы написать инструкции по моему «лечению». Это заметила одна из служанок, которой пришлось, чтобы скрыть смех, срочно закашляться. И добрый доктор тут же выписал еще один рецепт – лекарства от кашля!

В конце концов, благодарение Богу, меня оставили одну в темной комнате, «чтобы немного поспать». Я уже тогда ненавидела темноту, и если бы знала, что мне это сойдет с рук, то сразу бы распахнула все эти тяжелые ставни и раздвинула портьеры. О, если бы я и в самом деле могла заснуть, прогнав все темные мысли и образы, блуждавшие в моей голове!

Блейз... Нет, я все еще не хотела об этом думать. Наверное, со мной и вправду случился солнечный удар, и это привело к временному расстройству чувств. Иначе почему я, открыв глаза, даже не подумала о том, чтобы спросить Блейза, по какому странному совпадению (или несчастливой случайности) он оказался там, около меня. Я просто приняла как должное тот факт, что он находится рядом, как будто бы... «Нет! – решительно сказала я себе. – Рок имеет право на существование только в древних сказаниях!» Вероятно, я уделила слишком много внимания тем переплетенным в телячью кожу старым томам с норвежскими и греческими мифами, которые обнаружила на одной из верхних полок в библиотеке. Чего я, собственно, могла ожидать? Зевса, проливающегося золотым дождем? Аполлона? Вместо этого я, как глупая Персефона, дождалась Плутона – мрачного бога подземного мира!

Это была его идея – рассказать всем, что я случайно упала с лошади, пошла пешком домой и вдруг почувствовала головокружение...

– А потом тебе следует упасть в обморок. Я заметил, что женщины всегда очень вовремя падают в обморок или подвергаются приступам

ипохондриии – что бы, черт возьми, это ни означало!

– Я не буду говорить ничего подобного! Я никогда в жизни не падала с лошади и тем более не падала в обморок и не впадала в ипохондрию!

– Неужели? Ну, всегда что-нибудь делаешь впервые. А сегодня у тебя было целых три возможности в этом убедиться, разве нет?

Как страстно я тогда желала треснуть по его ухмыляющейся физиономии или хотя бы сказать Блейзу, кто он такой! Но к несчастью, это было невозможно: я ехала на его лошади, тесно прижимаясь к его груди. Но какая же он подлая, отвратительная скотина! Я никогда...

Блейз прервал мои мрачные размышления:

– Конечно, если ты можешь придумать лучшее объяснение своему... ну, скажем мягко, растрепанному виду, не говоря уже о пятнах зелени на платье...

Платье действительно было совершенно измято, а волосы свисали неровными клоками. И думать не хотелось о том, как я сейчас выгляжу. Скрипя зубами, я вынуждена была признать, что он прав.

Блейз Давенант. Чуть раньше, когда он с холодным и вежливым видом провожал меня в рощу, где была привязана его лошадь, он соизволил назвать мне свою фамилию:

– Конечно, всегда к вашим услугам, мисс... э... Виндхэм, не так ли?

Я поняла, что тем самым он мягко напоминает мне о том, что до сегодняшнего дня мы как бы не были знакомы. Но я же не настолько глупа! Кроме того, его внезапно появившаяся чрезмерная вежливость начинала действовать мне на нервы. И что только в нем могло меня так сильно привлекать?

Я попыталась скрыть свои сложные чувства, задав Блейзу вопрос в лоб:

– А каким образом, смею вас спросить, вы объясните свое появление, когда привезете меня домой? Откуда вы вообще тут взялись? – Говоря об этом, я внезапно вспомнила о тете Чэрити – может быть, он думал найти ее здесь? На меня волной накатило странное чувство – то ли вины, то ли ревности.

Ну конечно, думала я, беспокоюсь ворочаясь в постели в своей чересчур жаркой комнате. Я должна была догадаться: у него есть совершенно законный предлог для присутствия здесь независимо от того, какова тому действительная причина. Если бы только я никогда не встречала его раньше... я сегодня не наткнулась бы на него! «Вы мчались как сумасшедшая», – сказал он. Может быть, это какой-то примитивный инстинкт гнал меня на встречу с ним?

Он сейчас здесь, в этом доме, думала я. Внизу, с папой. Показывает ему эскизы, которые сделал сегодня утром. Подумать только, Блейз – художник!

– Даже если вы вывернетесь, сказав, что знакомы с хозяевами этого поместья, то уж эта часть вашего рассказа звучит совершенно неправдоподобно! – говорила я ему. – Знаете, вы нисколько не похожи на... на того, кто обладает чувствительностью или талантом художника! Вы больше похожи на... на одного из мавританских пиратов, которые ограбили половину Европы!

Я меньше всего ожидала, что он рассмеется – причем с явным удовольствием.

– А в ваших исторических книгах сказано, что эти мавританские пираты также захватывали самых красивых девушек из городов, которые они грабили? – И пока я возмущалась, Блейз добавил уже совсем другим тоном: – Может быть, правда, что все мы раньше жили в другие времена и в других местах – и именно тогда мы и встретились впервые. И я уверен, что тогда насильовал бы вас бесчисленное множество раз и всеми мыслимыми способами – до тех пор, пока вы мне не надоели бы, конечно!

Я была в каком-то трансе, но последнее бесцеремонное замечание вернуло меня к неприглядной реальности.

– Вы действительно совершенно отвратительны! – Я сказала это с максимально возможной холодностью, стараясь не обращать внимания на то, что Блейз находится в опасной близости от меня, а руки его касаются моей груди.

– Конечно, дражайшая мисс Виндхэм! Но думаю, это для вас не новость, не так ли? И тем не менее вы предложили мне свое девственное тело и нерастраченные чувства – именно мне, а не кому-то другому! Ради Бога, скажите, маленькая идиотка, почему? И что, черт возьми, вы станете делать, если забеременеете? Как теперь выйдете замуж за человека, которому нужна невеста-девственница? Вам или следовало сидеть по ночам взаперти, а днем ходить в сопровождении дуэньи, или иметь хоть немного здравого смысла, чтобы выбрать кого-то более подходящего для этой цели, чем я. Этакого джентльмена, который мягко похлопал бы вас по плечу и сказал бы, что хотя вы не в себе, но можете полагаться на него – он, конечно, никогда не воспользуется тем, что леди находится в расстроенных чувствах!

– Нет... не надо! – Если бы это было возможно, я бы заткнула ему рот. Почему, ну почему он так себя ведет? И как можно так быстро меняться? – Нет необходимости напоминать мне о... о... – Сделав глубокий вдох, я

заговорила более ровным голосом: – В любом случае возможные последствия вас вряд ли будут касаться, потому что... потому что, как вы снова мне напомнили, вы... вы такой, какой вы есть! Если позволите, я не хотела бы говорить об этом – о том, что между нами произошло.

Мне показалось, что я слышала, как он тоже глубоко вздохнул и сказал сухим, лишенным эмоций тоном:

– Прошу прощения, мисс Виндхэм. Конечно, вы совершенно правы, и я могу заверить вас, что впредь не стану проявлять подобной дерзости.

Я молчала.

– Надеюсь, вам достаточно удобно? – добавил он. – Дом уже вот-вот покажется.

– Неужели вы действительно бывали здесь раньше? – не удержалась я от вопроса и быстро добавила, чтобы продлить разговор: – Мы сегодня ждем на ужин гостей, но я уверена, что папа захочет выпить с вами бокал хереса...

– Но ведь я приглашен на ужин! Вы разве не видели списка гостей? Я прихожусь четвероюродным братом или чем-то в этом роде графине, которая, как я понимаю, является мачехой вашей подруги. Думаю, это она устроила, чтобы меня пригласили. Она очень важная персона – моя кузина Корнелия, вы не находите?

Сказать, что я была шокирована – значит, ничего не сказать. Это известие меня просто ошеломило. Ведь он аболиционист, курьер организации, которую называют «Подземной железной дорогой»! Как такое возможно? Разве что он выдает себя за другого человека... Разве что...

– Но... но ведь семья Мачехи из Южной Каролины! – крикнула я и попыталась, рискуя жизнью, повернуться, чтобы увидеть выражение лица Блейза. – У них есть рабы, и у всех их друзей тоже, так почему же вы...

– Осторожнее!

Я едва не вылетела из седла, и руки Блейза сжали меня сильнее.

– Вы очень неловки... Да сидите же спокойно, черт возьми! Помнится, вы говорили, что умеете ездить на лошади!

– Но я ничего не понимаю! Как же вы стали?..

– Боюсь, что для долгих объяснений нет времени, мисс Виндхэм. – Голос его звучал сухо. – Особенно учитывая то, что нас уже почти обнаружили... Как я понимаю, сюда едут Хэм и Рекс. Но кое-что я все же могу вам сказать, учитывая то, что вы и сами скоро многое узнаете. Да, моя семья действительно с Юга – по отцовской линии. И любая дама с Юга скажет вам, что мы с ней состоим в той или иной степени родства. Пожалуй, тут доходит до кровосмешения. Но... но я считаю, что никто не

должен никем владеть, Триста. И это все, что я хотел вам сказать.

Услышав эту последнюю решительную фразу, я замолчала. Тут к нам подскакали два конюха. Когда они увидели меня и узнали моего так называемого спасителя, на их лицах появилось облегчение.

– Мистер Блейз! Добро пожаловать! А вы, мисс... ваш папа очень беспокоился... хотя я не сразу сказал ему, что лошадь вернулась домой одна.

Я видела, что Хэм избегает моего взгляда, и невольно покраснела. Вероятно, он поехал меня искать и увидел... О Боже! Что же он увидел?

– Мы не ожидали, что вы снова навестите нас так скоро, мистер Блейз. Мы все думали...

– Чего там думать, Рекс! Мистер Блейз и молодая леди хотят вернуться в дом. Вишь, как они смотрят туда?

Насколько я помню, на этом разговор закончился. Блейз Давенант – чопорный незнакомец, которого я только что встретила, – вернул меня в прохладу дома и любезно все объяснил за меня бедному папе, который выглядел ужасно обеспокоенным и расстроенным.

К счастью, никто из приглашенных еще не успел приехать, а стало быть, не мог и заметить моего жалкого вида. Пожалуй, это было единственное, в чем мне повезло. Приехали ли они сейчас? А Мачеха – как мог Блейз быть родственником такой женщины? Несомненно, она сунет и в это дело свой длинный нос и вместе с надутым доктором Уайзом станет осуждать меня за поездки без сопровождения. А Фернандо... Нет, я и так уже о слишком многом передумала, мысли кружатся в голове, как жужжащие мухи. Мне стало жарко, я задыхалась в закрытой комнате, а все тело, каждая его клеточка ныли и болели. Конечно, это моя ошибка, как саркастически напомнил мне Блейз. Я сама предложила ему себя, а беспринципный негодяй поспешил этим воспользоваться.

«Я насильовал бы вас бесчисленное число раз и всеми мыслимыми способами...» Почему мне запомнилась даже интонация его голоса? И теперь, когда он меня лишил девственности и изнасиловал... надоела ли я ему?

«Ты просто дура, глупая дура!» – устало повторял мне внутренний голос. Он без всякой жалости напомнил о возможных последствиях. У него, конечно, нет совести – он это ясно продемонстрировал. Я встала и подошла к туалетному столику. Доктор оставил там темно-коричневую бутылку с этикеткой «Лауданум. Две капли на стакан воды или слабого чая». Ну что ж, вода есть. Две капли – вот они! А теперь я, возможно, засну, как предписано, и перестану перебирать в памяти то, что случилось и что

уже нельзя изменить или забыть.

Глава 7

Я снова видела во сне тигра и снова бежала, задыхаясь от бега. Была ночь, и я могла разглядеть лишь золотистые полосы на его гладкой шкуре. Зверь не отставал, зеленые огни глаз маяками светились в окружавшей меня живой, дышащей темноте. Почему он до сих пор не схватил меня? Я почувствовала, что падаю, лечу сквозь пустоту, пронизанную тонкими лучами света, и вновь оказываюсь лицом к лицу с ним – с пылающим тигром из поэмы Блейка. Внезапно я понимаю, что уже схвачена и съедена моим тигром, так что мы теперь с ним одно целое – я и тигр вместе в одной шкуре... «Я всегда буду твоя, и ты всегда будешь мой. И если мы потеряем друг друга, то всегда найдем друг друга снова, поскольку мы можем изменяться, не изменяясь, и в то же время оставаться одним целым». Эти невысказанные слова проникали в сознание, возникали в сознании. И я знала, что всегда была тигром, а он мной.

Я проснулась вся в поту. Я давно поняла, что временами могу постигать определенные вещи, хотя скоро научилась никому не говорить, что вижу «эти картины», как называла их, когда была моложе. В конце концов, на самом деле никто не хочет знать будущее! Люди больше боятся того, что будет, чем того, что может быть. Да и как ребенок может объяснить подобные вещи? Меня стали называть брухой, то есть ведьмой, и креститься при моем появлении, и вскоре я перестала рассказывать о своих снах, даже если об этом просили. Настолько ли я сама любопытна, чтобы поинтересоваться, что означает для меня именно этот сон? Или я это уже знала?

Через некоторое время дрожь и головокружение, как всегда, прошли... И только тогда я заметила, что сбросила на пол все простыни и лежу, свернувшись калачиком и уткнувшись головой в колени. Нет, больше никаких капель с опиумом! Потянувшись всем телом, я расправила затекшие члены и глубоко вздохнула. Подойдя к окну, я отодвинула тяжелые шторы, открыла деревянные ставни, а затем и сами окна и вдохнула прохладный вечерний воздух. Встав на колени на скамейку у окна и выглянув наружу, я увидела оранжевые полосы света, льющиеся на зеленую траву из окон нижнего этажа. Часы пробили, и я с удивлением поняла, что еще достаточно рано. Сколько же длился этот сон?

– И чего ты торчишь у окна? Разумеется, ты не так больна, как об этом говорят, – ты ведь вообще никогда не болеешь!

– Мари-Клэр!

– Прошу прощения, что не постучалась, но мне нужно тебя видеть. Как ты знаешь, мне больше не с кем поговорить, а у меня столько всего накопилось! Почему ты не пришла на ужин? Что-то сомнительно, чтобы тебя хватил солнечный удар или сбросила лошадь! Ты не хотела видеть Фернандо?

Зажигая лампы, Мари-Клэр носилась по комнате как вихрь. Задав один вопрос, она не давала мне на него ответить, потому что тут же задавала следующий. Зная ее привычки, я оставалась там, где была, на скамейке у окна. Мари-Клэр беспокойно вилась вокруг меня – прекрасная бабочка в элегантном платье из тафты.

– Ну что? – наконец спросила Мари-Клэр, переставив все в комнате по своему вкусу. – Должна заметить, что ты вовсе не похожа на больную! Чем ты тут занималась, пока торчала в деревне? А ты не хочешь узнать, что делала я?

Я подумала, что скорее предпочту выслушивать рассказ о ее приключениях, чем предаваться размышлениям о своих безумных поступках, и пожала плечами.

– Конечно, хочу! Но, знаешь ли, ты мне не давала такой возможности...

– Знаю, знаю! Но ты ведь понимаешь, в каком я сейчас положении? Я ничего не могу поделать. Ты так и не хочешь ничего узнать? До сих пор боишься?

– Ты говоришь так быстро, что я не могу понять и половины! Я-то почему должна бояться? Думаю, что это ты должна быть осторожна! Той ночью...

– Да, той ночью! Это было совершенно потрясающе, я просто наслаждалась опасностью. А сегодня! Знаешь, я именно поэтому решила убедиться, что ты вовсе не больна. И я прощу тебя за то, что ты пропустила ужин, если ты оставишь свою дверь незапертой – просто так, на всякий случай! – Мари-Клэр игриво посмотрела на меня. – Правда, если ты будешь занята с Фернандо... – Поймав мой взгляд, она захихикала. – Неужели ты думаешь, что я стала бы возражать? Конечно, нет! И ты была дура, что не поощрила Фернандо, когда в ту ночь я направила его к тебе в библиотеку!

– Подожди! – Я прижала ладони к ушам. – Мари-Клэр, я не понимаю, о чем ты говоришь. Я отношусь к Фернандо как к брату, и...

– Но он-то относится к тебе по-другому! Думаешь, я не заметила, как он на тебя смотрит? Или ты на него? В общем, мне это все равно, хотя я, конечно, буду очень осторожна, чтобы избежать скандала. Так что...

пожалуйста, Триста, ты моя единственная настоящая подруга и единственная знакомая, которая мне не завидует. Я могу тебе доверять, и ты поможешь мне – ведь правда? – Понизив голос, Мари-Клэр подошла ко мне настолько близко, насколько позволяли ее юбки с кринолином. Я могла ощущать аромат фиалок, который соответствовал цвету ее отороченного кружевами платья. – Ну пожалуйста, Триста! – канючила она так же, как всегда. – Он сейчас здесь, в этом доме. Кто знает, когда мы сможем следующий раз увидеться? Я же выхожу замуж и должна уехать в это чертово свадебное путешествие.

– Должна уехать? – Я пришла в ярость, и у меня немедленно начала болеть голова. – В последний раз, когда мы с тобой говорили насчет медового месяца, ты сказала, что не хочешь возвращаться из Европы. Если ты нашла мужчину, который дорог тебе, то почему бы тебе не выйти замуж за него?

– Тебе этого никогда не понять! – драматически воскликнула Мари-Клэр. – Но ты мне поможешь? – тут же другим тоном добавила она. – Скажи, что поможешь! А я спущусь и сообщу им, что я тебя разбудила и что ты чувствуешь себя намного лучше – это ведь действительно так. Я тебе обещаю, что все объясню сразу, как только смогу. И...

– Нет! – твердо сказала я и смело посмотрела в ее изумленные глаза. – Если я не буду с самого начала знать, во что вовлечена, то отказываюсь участвовать в этой опасной интриге. Ты можешь передумать. Тебе не стоит выходить за Фернандо. У тебя же есть выбор...

– У меня есть выбор? Что ты понимаешь! Ах, какая же ты все-таки наивная! Ты ничего не знаешь о жизни, кроме того, что написано в твоих дурацких книгах! А жизнь не всегда похожа на то, что написано в книгах, я это поняла уже давно. Я наслаждаюсь тем, чем хочу, но при этом делаю то, что должна делать. Как, пожалуй, мой папа... У него есть титул, но нет денег. Так что же ему оставалось делать, как не жениться на богатой женщине? Нужно быть практичной. Я вовсе не хочу вести нищенскую жизнь! Жизнь – это рынок: кто энергично торгуется, тот получает прибыль, а остальные... – Мари-Клэр пожалала плечами и с вызовом посмотрела на меня. – Ну? Так ты мне поможешь или нет? Ответь мне сейчас же!

В первый раз с тех пор, как мы познакомились и подружились, она была со мною так откровенна, подумала я.

– Я помогу – ты, очевидно, это уже поняла. Но стоит ли он того, чтобы так рисковать? Что это за человек? Уж он-то, во всяком случае, должен понимать, что подвергает опасности твое будущее, кто бы он ни был!

– Ты еще не догадалась? Ну конечно – ведь ты весь вечер проспала

крепко, как ребенок! Слишком переутомилась... – Мари-Клэр коротко рассмеялась. Смех ее звучал отчужденно. – И благодарение Богу, ты была в своей постели, иначе... Кто знает, что могло бы случиться? Почему я знаю? Я хочу его... и собираюсь сохранить его даже после того, как выйду замуж за Фернандо. Наверное, я должна быть благодарна судьбе, если мой будущий муж думает, что этот человек – всего-навсего изнеженная, избалованная личность, которая пишет стихи, рисует картины и предпочитает общество мужчин обществу женщин! Это дает возможность...

– Рисует картины? – непроизвольно повторила я. – И я знаю этот образец совершенства?

Уже задавая этот вопрос, я знала ответ на него.

– Конечно, знаешь! – смеясь, сказала Мари-Клэр. – Насколько я понимаю, именно он нашел тебя в бессознательном состоянии и привез сюда. Что ты о нем думаешь? Ты что-нибудь помнишь? Как он тебе? – Ее взгляд скользил по моему лицу. – Непонятно, отчего у тебя такой ошеломленный вид! Или ты смотришь осуждающе? Твое счастье, что он приехал за мной сюда. В конце концов, если бы он тебя не нашел, последствия твоего солнечного удара могли быть куда хуже! Разве тебе не кажется, что он заслуживает с нашей стороны некоторой благодарности?

Еще никогда я не относилась к своей лучшей подруге с такой ненавистью. «Нашей стороны», – сказала она. Стало быть, он приехал сюда для того, чтобы увидиться с Мари-Клэр. Я была для него всего лишь развлечением – глупая, дешевая потаскушка, которая сама бросилась ему на шею. Я просила... нет, я почти умоляла его дать мне то, что Мари-Клэр получает без всяких просьб. И теперь мне остается винить только себя.

Разгорающийся гнев и отвращение к собственной персоне разогнали все фантазии, которые еще продолжали бродить по закоулкам моего сознания. Мне все же хватило присутствия духа, чтобы, проигнорировав испытующий взгляд Мари-Клэр, сделать вид, что я смотрю в окно. Я думала о том, какой ответ ей дать. Да будь он проклят! Пусть убирается ко всем чертям этот лжец, лицемер и бесчувственный негодяй! То, что у нас однажды было – тем более что я сама ему это предложила, – совсем не повод для чего-то в дальнейшем. И не важно, хотелось бы мне продолжения или нет. Сейчас я ненавидела Блейза почти так же сильно, как стыдилась собственной слабости.

– О небеса! Иногда, Триста, мне кажется, что ты вообще не способна на какие-то чувства или эмоции! Скажи же хоть что-нибудь, вместо того чтобы, отвернувшись от меня, глядеть в окно! – Нет, мне никуда не уйти от

осуждающего голоса Мари-Клэр или ее взгляда. – Ну? Если ты мне не поможешь, мне все равно придется искать какой-нибудь выход – мне или Блейзу.

– Ну раз так... Согласна, мне неплохо удастся придумывать правдоподобные объяснения. – Мне казалось, что я со стороны слышу свой спокойный, почти равнодушный голос. Сейчас я даже поражалась своим актерским способностям. – Но что за объяснения мне нужно давать? И как...

Мари-Клэр порывисто обняла меня, вся сияя от радости: ее цель достигнута!

– Я знала, что в конце концов ты согласишься, несмотря на все твоё ворчание! Ты, Триста, самая лучшая в мире подруга и единственная, кому я по-настоящему могу доверять! Мне уже нужно идти вниз, но я все-таки расскажу тебе о плане, который придумали мы с Блейзом!

«Мы с Блейзом!» Почему это вообще имеет для меня какое-то значение? Еще долго после того, как Мари-Клэр ушла, в комнате ощущался аромат фиалок и слышалось эхо ее слов. Я цинично напомнила себе, что мне следует скорее смеяться над создавшейся комичной ситуацией, а не злиться. Тем не менее, когда я поправляла волосы, собранные в старомодный пучок, мои руки дрожали. «Мы с Блейзом...» Я надела свои любимые гранатовые серьги, которые обычно носила вместе с золотисто-коричневым шелковым платьем, – годом раньше папа привез мне его из Парижа. Собственно, я едва понимала, что делаю, даже когда сняла ночную рубашку и предстала перед зеркалом в одной сорочке, украшенной голубыми лентами.

Зачем я поправляла волосы... надевала самые красивые серьги? Для кого? Мари-Клэр обещала, что одна из служанок принесет мне сюда поесть, и с озорной улыбкой напомнила, что ей досталась комната рядом с моей. Я-то думала, что она зашла поговорить со мной, как это бывало раньше в школе. Но сегодня тихая беседа, прерываемая хихиканьем, не состоится. Мари-Клэр точно знает, что эту ночь проведет с Блейзом и он будет заниматься с ней любовью – снова и снова, разными способами... Как я его ненавидела!

Теперь я понимаю, что ненавидела тогда на самом деле самое себя и ту чувственную сторону своей натуры, которая, подавив все разумные мысли, свела меня до уровня животного, превратила в суку во время течки. Хуже того, я не могла объяснить даже себе, почему так случилось и что заставило меня так поступать.

Тогда это казалось чем-то неизбежным и неотвратимым. Я

подчинилась чему-то, что, возможно, и является моим подлинным «я». Но так ли это? Что я такое?

Я спрашиваю себя об этом даже сейчас. Но в тот вечер, как я хорошо помню, самоанализ уступил место бесконечной злобе. По отношению к Блейзу и Мари-Клэр. Очевидно, я была для него всего лишь коротким развлечением, позволяющим убить время до встречи с ней. Он использовал меня так же равнодушно и бессердечно, как использовал бы какую-нибудь уличную девицу! Но я знаю, что теперь делать! Я посмотрела на свое отражение в зеркале. Да, так я и поступлю – почему бы нет? И приму меры, чтобы подлый негодяй не остался в стороне. О да, я точно знала, что нужно сделать! Или думала, что знаю.

Глава 8

Я внезапно осмелела, отбросив в сторону все сомнения и соображения морали. Они для меня как будто больше и не существовали. Но разве я уже не стала падшей женщиной? Как моя мать. Фернандо, должно быть, почувствовал это в ту ночь, когда мы встретились в библиотеке и когда он сказал то, что сказал, и попытался сделать больше, чем я ему позволила. И в ту же ночь я имела несчастье встретиться с Блейзом Давенантом.

С этой мыслью я принялась еще яростнее тереть лицо лепестками красной розы, отчего мои щеки приобрели лихорадочный румянец – под цвет губ. Я выглядела, как... наверно, как проститутка, ожидающая клиента. Глаза блестели, как обломки кристалла.

Если бы я действительно была ведьмой и могла бы делать все, что захочу... Легкий стук в дверь быстро вернул меня к действительности. Это, без сомнения, Сюзи с моим долгожданным ужином. Я надеялась, что пицца окажется не такой, какая предназначена для больных, – жидкая овсянка или какой-нибудь отвратительный на вкус травяной чай.

– Ну наконец-то! Слава Богу! Я уже начала думать, что...

Но тут у меня перехватило дыхание. В комнату вторглась отнюдь не злосчастная Сюзи. Это был человек, которого я меньше всего ожидала – и хотела – вновь увидеть сегодня.

– Прошу прощения за то, что я отнюдь не тот счастливец, которого вы ждете с таким явным нетерпением!

Этот вкрадчивый тон, маскирующий тигриный рык! Я хорошо научилась в этом разбираться за те два часа, что провела с Блейзом Давенантом. Я для него не значила ничего, была ничем! И теперь он смеет без приглашения входить в мою спальню, запирая при этом за собой дверь!

– Подите вон! – Я была готова искусать и исцарапать его до крови. Мой голос возвысился почти до крика. – Как вы смеете, после того... Уверяю вас: если вы немедленно не уйдете отсюда, я буду кричать. А ведь тогда сорвется ваше долгожданное свидание с Мари-Клэр, не так ли?

Ироническая улыбка и приподнятая бровь дали мне понять, как я выгляжу в его глазах. Ревнивая, мстительная самка, которая не может вынести мысли о том, что ее отвергли.

– Я пришел лишь затем, чтобы спросить, как вы себя чувствуете после солнечного удара, моя дорогая! А что касается моего... как вы это назвали, свидания... ну, я должен сказать, душа моя, что нанес вам визит без всякой

мысли о повторении наших с вами сегодняшних безумств. Отнюдь! Заодно я хотел взглянуть, какими дверями и окнами смогу воспользоваться в случае... если возникнет необходимость!

Я не могла не заметить, что во время своей саркастической речи Блейз внимательно наблюдал за мной, стараясь побольнее уколоть. Наверное, именно наблюдение это дало мне возможность не пасть духом и отвечать ему достаточно уверенным тоном.

– Раз уж вы все равно нарушили мой покой – смотрите, каким образом вы сможете бежать, если вас обнаружат! Но пожалуйста, побыстрее! Потому что – как вы уже наверняка догадались – у меня тоже свидание. – По выражению глаз Блейза, по его сжатым губам и напряженным мышцам я поняла, я почти чувствовала, как его захлестывают волны ярости. К моему изумлению, мне удалось его разозлить. Эта мысль придала мне силы, когда мы схватились уже по-настоящему.

– Здесь также есть окна, выходящие на ту же самую галерею, что и соседняя комната – спальня Мари-Клэр. Мне провести вас туда и показать? Хотя, я думаю, такие обходные пути вряд ли потребуются. Я уже обещала, что сделаю все возможное и отвлеку на себя внимание Фернандо, пока вы будете заняты друг другом! – Я даже притворно вздохнула, а затем склонила голову якобы в знак покорности. – Прошу прощения за те неприятные вещи, которые наговорила вам. Я ведь должна быть вам благодарна за то, что вы кое-чему меня научили. Я думаю, что теперь лучше ориентируюсь в том, что мне предстоит!

Я посмела зайти слишком далеко. Одного быстрого взгляда было достаточно, чтобы заставить меня отпрянуть от Блейза Давенанта.

Несколько секунд он, однако, еще улыбался, но эта улыбка больше напоминала оскал приготовившегося к прыжку хищника.

– Вы мне льстите, милая. Я вряд ли могу чему-либо научить персону, столь изощренную в искусстве играть страстями и столь развязную, как вы! Примите мое восхищение, мисс Виндхэм, столь великолепным представлением и вашими многочисленными талантами!

Все еще улыбаясь той дьявольской улыбкой, которая всегда выводила меня из себя, Блейз отвесил нечто похожее на поклон. В этот момент я его ненавидела. Будь он проклят! Сейчас бы я...

Должно быть, на моем лице все было слишком явно написано.

– Нет! Я бы на вашем месте не стал этого делать, моя дорогая, – с легкой угрозой сказал Давенант.

Не помню, то ли я попыталась ударить его по ухмыляющейся физиономии, то ли он первым схватил меня за руки. Помню только, как он

с яростью прошипел: «Черт тебя возьми, ведьма!» – грубо схватил меня за талию и впился губами в мой рот. Поцелуй Блейза был дерзким, неистовым, болезненным – и безжалостным. Я чувствовала его гнев, его ярость... и его желание. Он желал меня так же, как и я желала его, и мы оба были не в состоянии с этим бороться. Я задыхалась от жадных поцелуев Блейза, от его удушающих объятий, мое тело, казалось, вот-вот окончательно вожметса в его тело и растворится в нем... но в то же время, как ни странно, мой страх прошел, я еще теснее приникала к Блейзу, вместо того чтобы пытаться освободиться. Я помню, что смотрела в его золотисто-зеленые глаза, напоминающие топи болот, и думала: «Неужели именно так чувствуют себя, когда тонут?» А потом... потом я и вовсе не думала ни о чем, кроме болота, и, не дыша, опускалась, опутанная водорослями, в его глубины...

– Мисс! Мисс Триста, вам плохо? Я уж стучала и стучала в вашу дверь, мисс Триста, и не могла вас разбудить. Другая молодая леди сказала мне, что вы голодные, а когда я увидела, что здесь мистер Блейз...

Я села и обнаружила, что нахожусь в постели. Это меня не удивляло до тех пор, пока Сюзи не упомянула имя Блейза и память не вернулась ко мне. Значит, «мистер Блейз»? Несомненно, он подкупает слуг в домах, где его принимают, чтобы они хранили молчание о его связях... о его бесчисленных связях! И что такого он со мной сделал, что я потеряла сознание? Может, он хотел задушить меня своими поцелуями, чтобы я не пожаловалась папе или Фернандо? Возможно, именно стук Сюзи спас меня в последнюю минуту!

– Мисс Триста, может, у вас горячка? Я прошу прощения, но вы так покраснели! Может, снова послать за доктором?

– Нет! – почти выкрикнула я, но тут же справилась с собой и покачала головой. – Прошу прощения, Сюзи! Я понимаю ваше беспокойство, но мне сейчас действительно намного лучше. И я очень хочу есть! Наверное, я просто... слишком крепко спала.

Видимо, я действительно перешла из бессознательного состояния в сон или мне только приснилось то безумие, в котором я принимала участие совсем недавно? Проплывающий в дальних закоулках сознания шепот, такой же эфемерный, как кольца дыма... Это был всего лишь сон? «Триста! Ради Бога, скажи почему? Почему ты, распутная ведьма... Почему я... Почему мы должны были встретиться?»

Сюзи смотрела на меня в тот вечер с любопытством и даже со страхом. Должно быть, я выглядела совсем не так, как обычно. Бедное создание: я заставила ее ждать, пока с аппетитом поглощала остатки того

восхитительного ужина, которым все остальные наслаждались внизу. Чтобы скрасить мою трапезу, на подносе, как это ни удивительно, даже оказалась бутылка охлажденного белого вина. Как это заботливо – с чьей бы то ни было стороны!

– Скажите, мистер Давенант, то есть мистер Блейз, он часто приезжает сюда? Похоже, что он тут знает всех и вся!

Когда я начала задавать эти «случайные» вопросы, лицо Сюзи внезапно приняло отсутствующее выражение. Вскоре я поняла, что не узнаю от нее ничего, чего не знала бы сама. Да, он иногда приезжает. И некоторые его рисунки были напечатаны в журнале – Сюзи хорошо помнит, что их видела, но не помнит названия журнала. И именно мистер Блейз, которого Сюзи встретила на лестнице (по крайней мере так она сказала), предложил ей бутылку вина – разумеется, исключительно из медицинских соображений! Может быть, он думает, что меня можно этим купить? Или что я напьюсь так, что не замечу, сколько времени он проведет, занимаясь любовью с золотоволосой красавицей Мари-Клэр? Не смогу принять Фернандо? В одну и ту же игру могут играть и двое. И может быть, я смогу освободиться от той силы, что влечет меня к нему. Помню, как я думала: в конце концов, может быть, я такая же, как моя мать, – легкомысленна и безудержно сластолюбива? А почему бы нет – ведь я ее дочь? Пожалуй, она всегда получала то, чего желала, а затем освобождалась от этого, если желание угасало. Она была достаточно сильной, чтобы справиться со всем, с чем сталкивалась, – и в то же время жить по своим собственным правилам. Разве я не смогу так же?

Я уже очень давно не вспоминала о своей матери и уж совершенно точно никогда не скучала по ней. Наверное, только из-за того странного состояния, в котором я находилась, я вдруг вспомнила слова, которые она сказала мне когда-то. Это воспоминание родилось как бы ниоткуда, внезапно появившись в моем сознании. Я тогда была очень мала, очень нуждалась в ее любви и участии и ходила за ней по пятам. Мне отчаянно хотелось прижаться к ней, зарыться лицом в ее юбки. В тот момент, о котором я говорю, она позволила мне задержаться около нее не больше чем на миг, затем твердо отстранила от себя, оставив стоять без поддержки на моих качающихся ножках. Между нами было расстояние, которое казалось мне тогда (как, впрочем, и теперь) совершенно непреодолимым.

– Нет, Триста. Но я делаю это скорее ради тебя, чем ради себя, малышка. Если я позволю тебе слишком привязаться ко мне, то только заставлю тебя испытать потом ужасную боль... и себя тоже. Для тебя будет лучше, если ты научишься жить сама по себе – чтобы никогда, никогда твое

счастье не зависело от кого-то другого, когда боль... когда боль станет резать тебя как ножом, а тебе придется с улыбкой идти по жизни так, как будто ничего не случилось...

Моя тетка Нинетт тогда увела меня, а вскоре после этого повезла к Старухе. К ведьме с болота. Она мысленно разговаривала со мной, и я с ней тоже, но мне это не нравилось, а может быть, я просто не была к этому готова. Голос моей матери, сказанные ею слова сейчас с необыкновенной ясностью вновь возникли в моей памяти. Возможно, потому, что это был единственный случай, когда она приоткрыла передо мной краешек своей подлинной сущности. Во всех остальных моих воспоминаниях присутствует лишь образ красивой, довольно пустой женщины, которая могла заставить любого мужчину плясать под свою дудку. Только меня она держала на расстоянии, только я не достаивалась ее щедрых поцелуев и объятий. И может быть, именно поэтому папа и тетя Чэрити так полюбили меня и до сих пор стараются защитить. Может быть, именно поэтому, когда она оставила нас – моя ветреная, легкомысленная мать, пута, как сказал Фернандо, – я не ощутила никакого разрывающего душу чувства потери. Вот Фернандо – кумир моего детства – тот был влюблен в нее! Он не мог устоять против ее обманчиво мягких манер, ее улыбки, ее грациозных жестов. Когда Фернандо был в плохом настроении, моя мать протягивала руку к его губам и пальцами пыталась изобразить на его лице улыбку: «Улыбнись, пожалуйста! Разве ты не знаешь, что жизнь и без того слишком переменчива, чтобы тратить время на грусть? Ну давай улыбнись, мой мрачный мальчик, ради твоей плохой, безнравственной мачехи, а?»

О Боже! Я прижала пальцы к вискам, стараясь отогнать от себя неприятные воспоминания. Не надо больше о прошлом, раз я собираюсь кое-чему научиться!

То ли в вино было что-то подмешано, то ли я выпила его слишком много, но я чувствовала себя очень странно – как будто освободилась от телесной оболочки. Теперь я лучше понимала собственную мать. Каждый мужчина, с которым милая Лоретта считала нужным поиграть, находил ее неотразимой. «Несмотря на то, какой она казалась, глубоко внутри оставалось что-то свое, нетронутое... Да, она играла, но, возможно, только для того, чтобы занять себя и ни о чем не думать. Что бы о ней ни говорили, при всех ее недостатках ты не должна считать ее безнравственной, Триста. Безрассудной и иногда эгоистичной – да, но безнравственной – никогда! Всегда помни об этом, сестричка!»

Как ни трудно в это поверить, но так говорил отец Михаил – мой сводный брат, который теперь стал священником-иезуитом. Даже он не

устоял перед чарами моей матери. А я – понимала ли я ее по-настоящему? Ненавидела? Или хотела быть на нее похожей?

Именно в этот момент – хотя сейчас трудно точно восстановить ход моих мыслей – я и пришла к безрассудному решению проверить, не досталось ли мне в наследство одно из качеств моей матери.... То, что влекло к ней людей. И прежде всего ее способность повелевать, не подпадая ни под чье влияние.

Виновато вино? Может быть. Но эта идея меня захватила, если не сказать больше!

Глава 9

– Он хотел выкурить сигару в саду и вздумал, чтобы я его сопровождала. Но к счастью, моя мачеха не слышала этого, иначе обязательно пошла бы с нами. Представь себе, что она сделала, если бы хоть что-нибудь заподозрила! Во всяком случае, она уже благополучно похрапывает в постели, как и мой папа. – Мари-Клэр ворвалась в мою комнату без стука, и я заметила, что под легкой шелковой сорочкой у нее ничего нет. – Все уже спят, кроме Фернандо, так что... – Она лукаво улыбнулась и подмигнула. – Надеюсь, дорогая, что ты так же прекрасно проведешь время, как и я! А завтра, перед отъездом, мы сравним впечатления. Однако постарайся задержать его как можно дольше и помни все, о чем я тебе говорила!

Мари-Клэр так спешит, наверное, потому, что Блейз уже лежит голый в ее постели и сгорает от желания, подумала я, когда дверь за ней закрылась. Эта мысль вновь привела меня в ярость и укрепила мою решимость действовать.

Более не раздумывая, я без колебаний выскользнула в открытое окно на галерею. Что ж, прекрасно: теперь я узнаю, может ли другой мужчина вытравить из меня это сумасшедшее ощущение, когда внезапно погружаешься в водоворот эмоций, которые невозможно терпеть и которыми невозможно управлять. Фернандо... а почему бы и нет? В конце концов, я уже пустила на ветер свою так называемую добродетель; кроме гордости, мне больше нечего терять.

Я помню, как шла босиком по теплому деревянному полу галереи. Слабый свет луны с трудом позволял что-либо разглядеть. Я яростно твердила себе, что прекрасно знаю, что мне нужно. Я ведь дочь своей матери, не так ли? Не имеет значения, как мужчины ее называли, они все равно продолжали ее хотеть. Как Фернандо, который дал понять, что хочет меня. Я замедлила шаги и на миг остановилась, пытаясь разглядеть внизу огонек сигары. Может, он уже вернулся в свою комнату? И почему только я почувствовала облегчение, увидев, что брошенный самой себе вызов останется без ответа?

Прежде чем я смогла разобраться в своих противоречивых ощущениях, моих волос коснулся порыв теплого ветра, принесший с собой также аромат сигары. Должно быть, он стоит прямо внизу, подумала я, вцепившись обеими руками в решетку, ограждающую галерею. Что мне

теперь делать? Смиренно вернуться в свою комнату и лечь в постель, представляя себе, как за стенкой занимаются любовью? И пусть Фернандо обнаружит меня в своей постели? А потом? Я колебалась, прикусив нижнюю губу. Или – или!

Я все еще ничего не решила, когда услышала какие-то звуки внизу. Тихую возню... приглушенные голоса.

– Пожалуйста! Ну пожалуйста, сэр, нет! Я умоляю вас... Ах!

– Так-то лучше! А если будешь сопротивляться, я сломаю тебе руку, поняла? Подлая негритянка! Что ты себе воображаешь, когда пытаешься мне отказать? Ты должна гордиться, что я снисхожу до тебя, сука! А? Comprendes?^[5] Сейчас ты сделаешь то, что я скажу, – именно то, что скажу, – или я повешу тебя вверх ногами и выпорю, а то ведро, которое ты тащишь, будет смотреть, как с твоей задницы слезает кожа! Ну а теперь...

– Но я не рабыня! Я принадлежу только самой себе... и... Вы не можете подвесить меня вверх ногами и выпороть или сделать со мной то, что вы хотите... нет! Ой!

Не веря собственным ушам, я застыла, словно парализованная. Но этот последний отчаянный крик боли и раздавшийся следом отвратительный смех привели меня наконец в чувство.

– Фернандо, это ты? Фернандо, мне показалось, что я слышу какие-то голоса! Что ты там делаешь внизу? С кем разговариваешь? Мне позвать папу? – Я неплохо играла свою роль, хотя внутри у меня все тряслось. Не очень-то приятно столкнуться с самой неприглядной стороной человеческой природы, к тому же это и небезопасно.

Мне пришлось выслушать все непристойности, которые он смог вспомнить, – и по-английски, и по-испански. Но по крайней мере ему пришлось отпустить бедную девочку. Да, это Мэри. Я узнала ее, когда она мчалась через поляну туда, где жили слуги, пытаясь запахнуть порванную блузку на своей полной груди. Она была совсем молода – на год моложе меня, – светлокожая и очень хорошенькая. Дочь Сюзи, помогавшая матери, когда приезжали гости. Возможно, ей не стоило ходить одной по ночам. Но каков Фернандо! Какие ужасные, отвратительные вещи он говорил и чем угрожал бедной девочке! Я не могла найти ему оправдания.

Я совсем забыла, что с галереи на лужайку ведут ступеньки, и вспомнила об этом только тогда, когда Фернандо молниеносно взбежал по ним и с угрожающим видом встал передо мной. Внезапно мне пришло в голову, что я, пожалуй, чересчур легко одета. Тем не менее я посмотрела на Фернандо со всем спокойствием, которое смогла изобразить.

– Как это было отвратительно! Ты просто животное! Видела бы моя

бедная Мари-Клэр, до какой низости ты...

– До какой еще низости? Моя будущая жена понимает или скоро, надеюсь, поймет, что негритянская девушка – это ничто. Если мужчина использует негритянку для удовлетворения своих мужских потребностей, на это не стоит обращать внимания. А вот что касается тебя, моя добродетельная сводная сестричка... Объясни, как это получается, что днем ты становишься жертвой ужасного солнечного удара, а сейчас вдруг чувствуешь себя настолько хорошо, что в состоянии подслушивать меня, одетая при этом как...

– Одета я или нет – это тебя вряд ли касается. Но если хочешь знать, я проснулась от удушья и вышла сюда, чтобы глотнуть свежего воздуха. И услышала тебя. Как ты мог? Говорить такие мерзости бедному ребенку и пытаться...

Фернандо прервал эту гневную речь, безжалостно впившись пальцами в мои обнаженные плечи. Я отпрянула, задыхаясь от боли и отвращения.

– Ты, пожалуй, зашла слишком далеко – в точности так же, как твоя проклятая мать! Все эти поцелуи, обещания, нежности – и тут же отчужденное безразличие. Особенно когда рядом крутится другой мужчина, обнюхивающий ее юбки в точности как пес во время течки суку! А ты, ты даже когда в детстве ходила за мной по пятам, уже тогда была на нее похожа. Разве нет? Ты – пута – сука во время вечной течки. Разве не для этого ты сегодня ночью вышла из комнаты, одетая как проститутка? – Он яростно встряхнул меня. – Разве это не так? Ты созрела для мужчины и ищешь себе кого-нибудь, ведь так? Кого ты хочешь? Скажи мне, пута, иначе я...

С неожиданной силой, о которой раньше и не подозревала, я сумела вырваться из рук Фернандо и ударить кулаком ему в горло, а затем в весьма чувствительное место, чуть пониже грудной клетки. Если бы ударила сильнее, убила бы его. Но я хотела только освободиться от его рук и его слов. Шатаясь, Фернандо отступил на несколько шагов. Но прежде чем он пришел в себя, я уже оказалась на безопасном расстоянии.

– Это был ты! – сказала я срывающимся голосом. – Я искала тебя, Фернандо...

Я повернулась, чтобы уйти, но он одним прыжком догнал меня и повернул лицом к себе, прижав спиной к перилам с такой силой, что едва не сломал позвоночник.

– Значит, ты искала меня? Пожалуй, ты унаследовала от матери все ее вероломство! Что ты приготовила на десерт? Подумай об этом, пока я попробую то, что ты собираешься мне предложить.

– Нет, Фернандо! Нет! Я не...

Это было все, что он позволил мне сделать. Я почувствовала ужасную боль, на несколько секунд лишившую меня сознания. Ощувив вкус крови на разбитой губе, я пришла в себя. Этого не могло быть, и в то же время это было – Фернандо обхватил меня одной рукой за лицо, а другой похотливо шарил по моему дрожащему телу.

Он делал мне больно – он старался сделать мне как можно больнее, – вероятно, пытаясь тем самым отомстить моей матери.

– Значит, тебе это нравится? – Он ухмылялся всякий раз, когда я беспомощно стонала. – Лоретте бы это тоже понравилось. Она любила давать мне наставления, эта дрянь! «Потрогай меня здесь, Нандо, а теперь здесь. Вот так...» А ты, Триста? – Естественно, он не ждал от меня ответа. Все, что я могла сделать, – это с ненавистью смотреть на него полными слез, широко открытыми глазами. – Тебе тоже нравится, когда тебя трогают в этих же местах? А если ты попытаешься снова меня ударить, моя маленькая сестричка, то мне придется...

– Маленькая семейная ссора? П... прошу прощения, что я, так сказать, помешал, но... Я не п... привык столько пить, как сегодня, и боюсь, что... боюсь, что с... совершенно заблудился! Кажется, я не могу найти свою комнату... Я сейчас всех перебужу, пока буду ее искать... п... прошу прощения!

Блейз? Выругавшись сквозь зубы, Фернандо сразу же освободил меня. Но я все равно не могла сдвинуться с места, глядя на того человека, которого, как считала, неплохо знаю. Давенант еле держался на ногах, галстук съехал набок, на лице застыла дурацкая, бессмысленная улыбка. Неужели это действительно он?

Фернандо процедил по-испански оскорбительную фразу, и Блейз, чуть не упав на него, пробормотал извиняющимся тоном: «П... прошу прощения, мой д... дорогой друг! Боюсь, что я ни слова не понимаю по-французски!» Только тогда я наконец смогла оторвать от пола как будто приросшие к нему ноги и не оглядываясь убежала в свою комнату. Удостоверившись, что ставни и окна закрыты, я упала поперек кровати и затряслась в беззвучных рыданиях, вспоминая о пережитом ужасе и думая о том, что могло случиться.

Рыдания продолжали сотрясать меня. Вцепившись в бархатное покрывало, я лежала на широкой старомодной кровати с атласным балдахинном и такими же занавесками, повязанными золотыми шелковыми шнурами. Почему я выбрала для себя комнату со средневековой обстановкой? Средневековые женщины всю жизнь сидели под замком и

выходили замуж только с согласия отцов или братьев. Им не позволялось что-либо решать самим – об этом даже и мысли не допускалось. А я сегодня, вместо того чтобы вести себя как взрослая женщина, действовала, подчиняясь каким-то детским импульсам, о чем теперь горько сожалела.

– Проклятие, проклятие, проклятие! – Переполненная гневом, смешанным с другими эмоциями, я била кулаками по кровати. Какой же дурой я была! Как посмеется надо мной Мари-Клэр... вместе с Блейзом. С Блейзом?

Блейз должен был заниматься любовью с Мари-Клэр, а не слоняться по галерее, делая вид, что мертвецки пьян и что... и что ничего не знает! Он спас меня от последствий моего собственного недомыслия. Но вот почему он это сделал?

Мысли путались и рвались. Я не хотела думать, не хотела вспоминать. Я надежно заперлась в своей комнате, разозленный Фернандо уже наверняка вернулся к себе, так что я могу чувствовать себя в безопасности. Сейчас я заставлю себя встать и умыться, а потом, может быть, немного почитаю до тех пор, пока не почувствую сонливость.

Кажется, я уже начала приподниматься, когда почувствовала, что меня грубо тянут вверх и поворачивают. Широко раскрытыми глазами я уставилась в разгневанное лицо Блейза Давенанта.

– Какого черта вы там делали? Вам что, действительно нравится подобное обращение? В таком случае надо было об этом предупредить, моя крошка, и я вынужден был бы подчиниться!

– Блейз! – Я подумала о нем и даже почувствовала его присутствие раньше, чем он ко мне прикоснулся. Только инстинкт, существовавший задолго до моего появления на свет – а вовсе не доводы рассудка, – заставил меня твердо, не моргая, взглянуть в его глаза. – Я выходила потому, что... потому, что вы были с Мари-Клэр, и я... я хотела...

– Я знаю, – неожиданно сказал он, заставив меня сразу умолкнуть. – Триста, будь проклята твоя душа ведьмы... Я знаю! Я не был с Мари-Клэр, потому что ломал голову над тем, что ты собираешься делать со своим драгоценным Фернандо. – И затем, как будто собираясь ослабить эффект от своих слов, он коротко, цинично рассмеялся: – Дьявол! Наверно, каждый мужчина хоть раз в жизни ведет себя как законченный дурак – и я не исключение. Никак не могу решить, что заставляет меня тебя защищать – отцовский инстинкт или какой-нибудь другой. И мне очень жаль, что ты решила подарить свою драгоценную девственность именно мне и что я ее взял.

Еще не договорив, Блейз начал яростно тянуть шелковые шнуры,

которые держали занавески на кровати. И когда наконец его усилия увенчались успехом, мы оказались вдвоем в полутьме нашего собственного мира, где время перестает существовать и не существует запретов на любые изъятия чувств – их свободно дарят и свободно принимают.

В темноте я осмелела и принялась исследовать и пробовать на вкус его тело. В то же время я отдалась прикосновениям его пальцев, губ и языка. Мы вели себя как слепые – на ощупь открывая новые миры, выступы и впадины. Наконец я ощутила, что он готов и ждет. На мгновение мы оба застыли, а затем он начал двигаться, заполняя все пустоты. И тут я почувствовала, что взрываюсь и несусь лавиной, сметая все границы, – как река, разлившаяся после дождя.

Глава 10

Должно быть, я все еще находилась в зыбком полусне, когда Блейз покинул меня. Или я просто вообразила себе его внезапное появление в запертой изнутри комнате? И все, что случилось потом? Возможно, потому, что я не хотела смотреть в лицо жестокой реальности, я только сонно пробормотала какой-то неопределенный протест и этим ограничилась:

– Ммм-ммм?

– Спи... любимая.

То ли он в самом деле прошептал мне эти слова, то ли они были частью сна, как и нежные поцелуи, которыми он коснулся моих губ и висков? Пойму ли я когда-нибудь, как человек может быть то бесчувственным и жестоким, то таким мягким и заботливым? А я? Что за дикий порыв (или примитивный инстинкт) толкнул меня к нему, заставив почувствовать, что, предлагая себя вовсе не приятному мне незнакомцу, я совершаю нечто абсолютно естественное и даже предопределенное? Возможно, я слишком начиталась старых книг, древних мифов и легенд. А может быть, я и в самом деле ведьма? Я ведь ощущаю вещи, которых не постигаю разумом.

Тогда во мне было еще слишком много детского – несмотря на проснувшееся во мне женское начало. Мы с Блейзом встретились слишком рано, и он понял это значительно быстрее, чем я.

Ну конечно! Он был старше и гораздо опытнее – и наглядно мне это продемонстрировал. И он был не способен на какие-либо подлинные чувства, слишком занятый собственными перевоплощениями, чтобы быть самим собой! Мне лучше расстаться с иллюзиями сейчас же, пока я еще способна на это. Возможно, потом будет слишком поздно.

Да, здравые мысли, возникающие после пробуждения, решительно отличаются от чувств, навеваемых сном, непрочных, как паутина, и рожденных лишь воображением! Сны – это сны, а реальность – это то, в чем мы живем день за днем. И чем скорее мы это понимаем, тем лучше!

Именно моя подруга Мари-Клэр первой напомнила мне об этом. Я лежала поперек своей пришедшей в полный беспорядок постели, совершенно голая, если не считать простыни. Должно быть, это Блейз, уходя, накрыл меня ею. Я так и спала, погрузившись в сладкое беспмятство, пока занавески на кровати не раздвинулись и недовольный голос Мари-Клэр не вернул меня к действительности:

– А! Теперь я могу убедиться в этом собственными глазами! Тебе повезло, что именно я, а не твоя драгоценная тетя Чэрити, только что торжественно прибывшая, обнаружила тебя в таком виде!

– Ради Бога, Мари-Клэр! Не могла бы ты в столь ранний час хоть немного побыть француженкой? И...

– И? И что? Похоже, Триста, что я действительно тебе друг – хоть ты и сыграла со мной скверную шутку сегодня ночью. Ты должна была сказать мне, моя дорогая, что последние несколько дней лежала не только под солнцем! Ты же знаешь, что я не стану ревновать. Я достаточно разбираюсь в мужчинах, особенно в мужчинах подобного типа – хотя по твоему пораженному взгляду, бедное дитя, я вижу, что ты их вряд ли понимаешь! Разве ты должна относиться к нему всерьез только потому, что он тебя соблазнил?

– Подожди! Подожди, Мари-Клэр! О чем ты говоришь? Я не... Я не собиралась... Ты делаешь выводы... – Я непроизвольно прижала руки к ушам, чтобы не слышать ее резких слов. Я чувствовала себя как ребенок, застигнутый на месте преступления.

– О, ради Бога, Триста! Знаешь, передо мной-то не надо оправдываться! Я сержусь не из-за того, что ты кое-что позволила себе с Блейзом Давенантом, а потому, что ничего не сказала мне, своей лучшей подруге! Думаешь, я против? Зная Блейза, я готова предположить, что ему очень понравилось бы иметь нас обеих в одной постели – и всеми мыслимыми способами! Он ведь как сатир! Ты не согласна? – Присев на край кровати, Мари-Клэр насмешливо смотрела на меня, улыбаясь нежно-розовыми губами.

Один Бог знает, что именно она прочла на моем лице, вернее, что я позволила ей прочитать. Я знала только, что, если не хочу потом чувствовать себя отвратительно, я не должна сейчас ей уступать – не должна дать почувствовать, какую боль Мари-Клэр причинила мне своими небрежно сказанными, насмешливыми словами. Она все смотрела на меня, приподняв брови, и я должна была... я должна была что-то ей сказать, или она в самом деле начнет думать, что...

– Ты еще не закончила? – услышала я свой голос. Слава Богу, он звучал совершенно спокойно. – О небо, ты наболтала столько нелепых вещей, что я так и не поняла, обвиняешь ты меня или сочувствуешь. А что касается... его... – Я не могла заставить себя выговорить имя Блейза, и Мари-Клэр почувствовала мои колебания.

– Ха! Нелепых вещей, говоришь? О боги! Тебе стоило бы видеть выражение своего лица, детка! Но какое мне дело до того, что ты

пытаешься обмануть самое себя? По крайней мере я тебя предупредила! – Сказав это, Мари-Клэр вскочила. Глядя на меня сверху вниз, она коротко рассмеялась: – Мой бедный друг! Ты приготовилась к сцене ревности, а я тебя разочаровала. Ну да ладно! Блейз, пожалуй, понимает меня лучше, чем ты. Иначе почему бы он попросил именно меня передать тебе небольшой сувенир в память о днях, проведенных в такой романтической атмосфере? Вот!

Едва взглянув на плоский, небрежно завернутый пакет, который мне протянула Мари-Клэр, я почувствовала, как во мне закипает гнев.

– Я никогда не пыталась судить твои поступки, Мари-Клэр, – холодно сказала я, – или обсуждать их с кем-либо. Так же я не чувствую себя обязанной обсуждать с тобой какие бы то ни было свои действия, в том числе и то, как я провожу время в последние дни. Единственное, что я хочу сказать, – это то, что провожу его не... не с твоим мистером Давенантом! Вчера я впервые встретила этого негодяя. – При этих словах Мари-Клэр посмотрела на меня с недоверием, если не сказать – с пренебрежением. Я поняла, что это звучит, пожалуй, не очень правдоподобно.

На мгновение мне показалось, что Мари-Клэр разозлилась на меня так же, как я за несколько секунд до этого на нее. Ее глаза сузились, ноздри расширились. Но затем она только безразлично пожала плечами и покачала головой.

– Ради бога, Триста! – примирительно сказала она. – Я думала, ты понимаешь, что можешь мне доверять. В конце концов, я-то немало доверила тебе с тех пор, как мы подружились. Дорогая, он не стоит нашей ссоры! Перед тем как снова начать все отрицать, ты лучше взгляни на маленький пакет, который я только что тебе дала. Пожалуй, даже Блейза можно в некоторых отношениях считать джентльменом!

Только после того как Мари-Клэр ушла, не дав мне возможности снова запротестовать, я вспомнила о пакете из коричневой бумаги. Закусив губу, я дрожащими руками разорвала его. Что за новую игру затеял Блейз?

Увидев содержимое пакета, я чуть не закричала во весь голос от ярости, которая, как огонь, растеклась по жилам. Да, Мари-Клэр имела все основания для определенных выводов! На шероховатой бумаге для эскизов была нарисована я, и везде я была обнаженной. Вероятно, Блейз наблюдал за мной тогда, когда я полагала, что нахожусь в полном одиночестве. Я никак не могла подозревать, что за мной следят любопытные глаза, выведывая мои самые потаенные секреты. О Боже, Боже! И он позволил Мари-Клэр это увидеть – какой ужас! Неужели после того, как я уснула, он прямоком направился из моей постели в ее спальню и занимался с ней

любовью, со смехом показывая ей эти рисунки? Неужели он сравнивал ее тело с моим?

Ну и черт с ним, подумала я. Пусть катится к дьяволу! Значит, всю неделю он скрывался поблизости. Шпионил – а я-то думала, что была одна. Нужно разорвать эти рисунки на мелкие кусочки, нужно... Но я все же не удержалась от того, чтобы снова на них взглянуть, все еще хмурясь и тяжело дыша от гнева. Вот я стою на скале, подставив лицо солнцу и подняв руки вверх, чтобы удержать на весу падающие на плечи волосы. А на следующем рисунке я лежу по пояс в воде... и предаюсь мечтам, а сзади длинным шлейфом тянутся мои волосы. Воспоминания заставили меня покраснеть. Глядя на мечтательное выражение лица на рисунке, я чувствовала, что Блейз каким-то образом проник в суть моих грез.

Стараясь уйти от этой мысли, я поспешно перелистала еще несколько рисунков. Вот я изображена со спины, выходящая из воды. А здесь я отбрасываю волосы с лица. А потом я взглянула на последний рисунок и почувствовала, что мое сердце останавливается. Все было похоже и не похоже. Блейз все чуть-чуть изменил, превратив симпатичный ручей в зловещий поток. Растущие вокруг деревья низко склонялись над водой, протянув корявые ветви к лежащему посередине большому камню, вокруг которого бурлила и пенилась вода. В этом водовороте стояла я или мое какое-то иное воплощение, широко расставив ноги. Я была совершенно обнаженной, не считая широких ленточек на лодыжках и запястьях и браслетов из змеиной кожи около локтей. Голова была откинута назад, и волосы змеями вились вокруг меня, как будто были живыми. Я стояла, раскинув руки, словно заклиная кого-то. В одной руке был кинжал, а в другой – лук.

«Боже мой! Неужели он действительно видит меня такой?» – спрашивала я себя, когда дыхание вновь вернулось ко мне. В образе языческой жрицы, ожидающей у жертвенного камня следующую жертву? Что значит эта аллегория, которой Блейз решил меня подразнить? Я ненавидела этот рисунок. То, что мне представлялось мирным и красивым, он превращал в нечто дикое и зловещее. Нужно его сжечь! И тем не менее я, как загипнотизированная, не могла отвести глаз от странного рисунка, где мой образ бросал вызов богам.

Это не я – и в то же время я! То, что скрыто во мне. Дикое, дерзкое, похожее на кошку создание, скрывающееся под тонким слоем вежливых манер, нанесенных на первозданный оригинал уроками хорошего тона. Блейз Давенант – будь проклята его дьявольская душа! – разглядел меня-пантеру еще тогда, когда я сама не успела выпустить ее на волю.

Только он сумел увидеть мое подлинное «я» и понять, что я собой представляю. Так же, как я поняла, что он такое, – нравится ему это или нет! Он наблюдал за мной, рисовал меня, но не сделал попытки прикоснуться ко мне, пока...

Внезапно я услышала свой смех. В конце концов это я выбрала его, а не наоборот. Это я проявила инициативу, а раз так, почему я должна испытывать стыд или чувство вины? Мне следует научиться быть аморальной – как Мари-Клэр. Как... Блейз Давенант, с его странными глазами, иногда зелеными, иногда желтыми. У него много талантов. Но он мужчина – и он хотел меня. Не важно, что там говорила Мари-Клэр, изображая меня до глупости наивной и слишком впечатлительной, – я знала, что, когда мы лежали вместе, Блейз хотел меня так же сильно, как и я его. Я видела, как он расвирепел, когда я заговорила о Фернандо... Фернандо. Прошлая ночь. Вспомнив об этом, я не смогла сдержать дрожь.

Что мне теперь делать с Фернандо? Меня охватывал ужас от одной мысли, что я снова увижу его. Вспомнив все, что произошло между нами, я снова содрогнулась. Мои чувства к Фернандо всегда были сложными и противоречивыми. Иногда я ненавидела его за то, что именно ему, а не мне моя мать уделяла наибольшее внимание. Иногда я любила его и хотела быть на ее месте – чтобы он улыбался мне так же, как улыбался ей, и смотрел на меня таким же страстным взглядом. Даже очень маленький ребенок замечает подобные вещи и способен, не понимая смысла происходящего, чувствовать, что происходит между двумя людьми. Моя мать и Фернандо. Знал ли об этом папа или хотя бы подозревал? Может быть, он послал меня учиться в школу, которая находилась так далеко, именно потому, что заметил мою растущую привязанность к сводному брату, и потому, что... потому, что я становилась слишком похожей на свою мать?

Я услышала тихий стук в дверь. Обычно так стучала Сюзи, появлявшаяся с подносом, на котором находились кофе и горячие булочки, щедро намазанные персиковым или абрикосовым джемом. Я едва успела засунуть под подушку конверт с компрометирующими рисунками, как дверь открылась.

– Доброе утро, мисс Триста! Мне сказали, что вы еще спите, что ж, придется вас разбудить – принимайте неожиданного гостя!

– Тетя Чэрити! Ох, тетя, как я рада тебя видеть!

Когда она подошла, чтобы нежно обнять меня, я почувствовала себя так, будто вновь становлюсь ребенком. Ребенком, который слишком быстро стал взрослым, но вдруг увидел путь назад – в знакомый и безопасный мир.

Но я вполне добровольно вылупилась из своего кокона и уже пришла к горькому выводу, что ничто не возвращается назад, не может стать таким, каким было прежде, – как бы сильно я этого ни желала.

– Моя дорогая! Я что-то слышала насчет солнечного удара. Ты и в самом деле была так больна? – Тетя Чэрити отстранила меня, чтобы внимательно рассмотреть. Устыдившись своей наготы, я почувствовала, как краснею под ее спокойным взглядом. – Должна сказать, что ты совсем не выглядишь больной, хотя заметно, что ты много пообщалась с солнцем! Перед свадьбой мы тебя выкупаем в пахте и огуречном лосьоне, чтобы осветлить твою кожу, а то, боюсь, тебя примут за внебрачную дочь какого-нибудь плантатора! Но все-таки скажи мне: может быть, ты так плохо себя чувствуешь, что пролежишь весь день в постели, несмотря на то что я привезла несколько чемоданов с сюрпризами? – Она нежно и лукаво улыбнулась мне и слегка похлопала по покрасневшей щеке. – Я кое-что купила в Нью-Йорке для нас обеих. погоди, ты еще увидишь мои приобретения! Но скажи мне все-таки: зачем тебе валяться в такой чудесный день в постели – тем более что я приехала? Разве Мари-Клэр тебя не предупреждала?

Глава 11

Этот знаменательный день запомнился мне прежде всего различными разговорами.

– Ну что ж, Триста! Такое впечатление, что все вдруг решили сразу сорваться с места, чтобы до темноты достигнуть предместьев Бостона. Но я не могу уехать без того, чтобы не сказать тебе «о’ревуар, малышка!». Ты не сердись на меня? Я так противно ворчала только потому, что ты моя лучшая подруга, я вовсе не хотела причинить тебе боль... А, ну ладно! Я знаю этот твой недовольный взгляд и обещаю, что больше ничего не скажу! И... да, еще я обещаю, что буду искать самых богатых, самых завидных женихов и представлять их тебе. Вот! Может быть, это компенсирует мою несдержанность? А, проклятие! Мачеха уже зовет меня своим противным голосом... Я должна идти! Мы скоро увидимся, ведь правда? Не задерживайся слишком долго на солнце!

Я как раз пыталась расчесать свои весьма спутанные волосы, когда Мари-Клэр ворвалась в комнату. Выпалив все сказанное выше, она повернулась и убежала, не дав мне возможности вставить ни единого слова. Только плывущий по комнате аромат духов доказывал, что она действительно здесь была. Я тогда подумала о том, что теперь мне не нужно слишком переживать за свою внешность, и даже поразилась своей внезапно нахлынувшей апатии.

– И вот теперь наконец я вижу Трису – когда все наши гости, слава Богу, уехали! Я уже начал думать, моя девочка, что твой солнечный удар был просто предлогом, чтобы избежать присутствия на этом ужасно скучном обеде! – Напускная суровость в голосе папы не соответствовала веселому выражению его глаз. Тем не менее я покраснела, и он, должно быть, подумав, что смутил меня, поспешно добавил: – Ну-ну, киска, не надо так огорчаться! Я только хотел тебя немного подразнить. А теперь, когда Чэрити наконец приехала, я думаю, ужинать будет гораздо веселее, а, Чэрити?

– Мы сегодня устроим ужин по-домашнему и будем есть на веранде. Разве это не здорово? Как я люблю запах магнолий и жимолости да и все остальные ночные запахи и ночные звуки! Вдыхая эти ароматы и слушая эту звенящую тишину, я почти с ностальгией вспоминаю о Юге, о теплых ночах, когда везде, куда ни глянь, летают светлячки... вспоминаю до тех пор, пока не начинаю думать об их отвратительных порядках!

Лицо тети Чэрити стало мягче, в сумерках оно казалось помолодевшим. Несмотря на долгое и утомительное путешествие, она выглядела необычно оживленной. Глядя на тетю, я с чувством вины вспомнила тот единственный случай, когда видела ее такой. Она любит Блейза. Наверное, до его отъезда они успели встретиться и поговорить. Может, они сидели в маленькой беседке в отдаленном углу заросшего сада?

Через секунду я уже злилась на себя и свои предательские мысли. Это несколько меня не касается! Я не должна была предавать тетю Чэрити, всегда такую добрую и ласковую со мной, согрешив с ее любовником, пусть даже он бессовестный донжуан. Что, кстати сказать, делала тогда моя совесть? Я поклялась, что всеми возможными способами докажу тете Чэрити, как я люблю и ценю ее. Во время ужина, проходившего на свежем воздухе, я принимала самое деятельное участие в оживленной дружеской дискуссии, которую так любили папа и его сестра. «Война!» – помню, с недоумением повторяла я про себя. И почему только все в последнее время говорят, что конфликт между штатами неизбежен? Что за нелепая мысль! Просто мужчины любят ругаться и извергать громкие, пустые угрозы, но даже самый твердолобый политик должен понимать, что междоусобная война ни к чему хорошему не приведет.

Мысли о политике вскоре были отброшены в сторону. Тетя Чэрити спросила, интересуют ли меня те сюрпризы, которые она мне привезла.

– Я чувствую себя так, будто уже наступило Рождество! Можно мне угадать?

– Ну конечно, нет! Тебе разрешается только закрыть глаза и сосчитать до пяти. Очень надеюсь, что ты одобришь мой выбор!

Боже мой! Одна из спален превратилась, как показалось моему восхищенному взору, в нечто напоминающее портовый рынок. Здесь находилось все, что нужно женщине, – от разнообразных шляпок и капоров до шелковых чулок со стрелками, башмаков из кожи козленка и изящных вечерних туфель. Кружевное нижнее белье и украшенные лентами корсеты; красивейшие юбки с оборками, чтобы надевать их на новейший, легкий как пух кринолин – хитроумную конструкцию из проволоки, позволяющую закрыть фигуру модницы от талии до лодыжек так, что даже самому любопытному взору не удастся отгадать, что скрывается за этим ограждением. И платья! Здесь были платья для любого времени суток: утренние платья, дневные платья, платья, надеваемые на чаепитие, и четыре ослепительных вечерних туалета. Два костюма для верховой езды – один светло-серый, отделанный черной лентой, а другой из черного бархата, дополняемый кружевным белым жабо. Здесь были даже

роскошная, отороченная мехом мантилья с соответствующей шляпой и муфтой, и шали всех видов – от кашемировых до шелковых.

– Ну что? – с волнением спросила тетя Чэрити. Мои глаза в это время становились все шире и шире, а в горле окончательно пересохло, так что я не могла выговорить ни слова. – Триста, дорогая, ты не сердись на меня? Может быть, ты считаешь, что я... зашла слишком далеко? Конечно, это так, но ты не представляешь, с каким удовольствием я делала для тебя покупки!

– Я чувствую себя... Золушкой! Но... но я не могу тебе позволить... Это же стоит целое состояние!

Чувство вины не отпускало меня, все усиливаясь по мере того, как мои слабые протесты беззаботно отвергались. Мне сказали, что все было согласовано заранее и что папа, если я буду приставать к нему со своими возражениями, будет так же непреклонен. Мне предстояло не просто сравняться с дочерьми южных плантаторов – я должна была затмить их всех, представ ослепительной красавицей.

– Сейчас это может показаться тебе глупым и легкомысленным, моя дорогая, но, когда мы приедем в Ричмонд, где в полном разгаре всякие обеды и приемы, ты не должна чувствовать себя бедной родственницей! Если ты не думаешь о себе, подумай по крайней мере о нас. Какое удовольствие получим мы с братом, когда ты утрешь нос некоторым нахалкам! В самом деле: какой смысл обладать состоянием, если нельзя потратить его так, как считаешь нужным? Правда, я не собиралась ничего говорить тебе до твоего восемнадцатилетия, но ты показала себя достаточно зрелой и выдержанной для девушки твоего возраста... – На лестнице громко пробили старые часы. Тетя Чэрити несколько секунд выразительно молчала, а затем продолжила с торжественной медлительностью: – Триста, дорогая! Когда тебе исполнится двадцать один год, ты унаследуешь внушительную сумму денег. Собственно, целое состояние! И если не научиться некоторым вещам сейчас, когда ты еще молода и твои привычки не устоялись, – что ты будешь делать со свалившимся на тебя богатством? Конечно, нельзя, чтобы деньги слишком занимали тебя. Но, я надеюсь, однажды ты поймешь, что давать доставляет такое же удовольствие, как и получать, а также научишься с радостью принимать подарки – не важно, большие или маленькие, лишь бы их делали с любовью. Скажи мне, Триста, – просительно добавила тетя Чэрити, – тебе это нравится или нет? Я понимаю, что очень трудно решать за других, – у каждого свой вкус. Но еще есть время кое-что изменить, если ты захочешь.

Мне хотелось зарыдать. Мне хотелось броситься в объятия тети и все ей рассказать, хотя нестерпима была мысль о том, что тогда с ее лица исчезнет счастливое выражение. Наверное, я только начинала взрослеть и понимать, что взрослые люди должны сдерживать свою боль и никогда ее не показывать.

– Я... я просто ничего такого не ожидала... ох, тетя Чэрити! Как ты только могла подумать, что я не... не... я просто не могу прийти в себя! Все как в сказке! Но я не заслужила такой...

– Ах, перестань! – отрезала тетя своим учительским (как любил говорить папа) тоном. – Давай все примерять – у нас мало времени что-то изменить, если понадобится.

– Как мне благодарить тебя и папу? Но знаешь, я ведь никогда не смогу прослыть красавицей. Я слишком... другая. Но я постараюсь не ударить лицом в грязь и обещаю, что буду вести себя как можно лучше.

Только через некоторое время, когда двух уставших служанок, помогавших мне одеваться и раздеваться, отпустили спать и тетя Чэрити сама расшнуровывала мне корсет из китового уса, я кое-что вспомнила. За всеми разговорами и во всей этой суматохе, когда приходилось примерять то одно, то другое, непрерывно вертясь и глядя в зеркало, я забыла спросить, что она имела в виду, говоря... Или мне почудилось, что она сказала, будто в двадцать один год я унаследую кучу денег? Может быть, она собирается оставить мне свои собственные деньги? Но она столько сделала и делает для меня, и большего я не могу принять!

Когда корсет был наконец снят, я испустила вздох облегчения:

– Слава Богу! Неужели настанет время, когда женщинам, чтобы следовать за модой, не нужно будет прибегать к шнуровке, китовому уссу и проволочным клеткам и можно будет быть такими, какие они есть на самом деле? – Несколько секунд я колебалась, затем повернулась к тете и сказала как можно спокойнее: – Во всей этой суматохе я забыла у тебя кое-что спросить. Я хотела бы спросить об этом сейчас, если ты не слишком устала. Ты мне говорила о каком-то наследстве... По-моему, у меня нет никаких родственников, кроме... – Я не смогла выговорить имя моей матери, залившись вместо этого румянцем.

– Триста, дорогая! Твоя мать – это твоя мать, а ты – это ты. Не забывай об этом! Она такая, как есть, а ты можешь стать такой, какой захочешь. Понимаешь? Нельзя позволить прошлому тянуть тебя за собой. Ты меня слышишь?

В голосе тети Чэрити звучали непривычные, почти агрессивные нотки, которых я от нее никогда не слышала. Она схватила за плечи и встряхнула

меня, но тут же опустила руки. Пытаясь обрести спокойствие, тетя с силой сплела пальцы и покачала головой.

– Ты в большей степени была мне матерью, чем она, – горячо сказала я. – А мой настоящий отец – папа, а вовсе не тот человек, чью фамилию я ношу, но которого не видела и не знаю. Вы – моя настоящая семья и единственные люди, для которых важно, что станет со мной и...

– Если мы обе начнем сейчас плакать, то ничего не успеем сделать! – язвительно сказала Чэрити, хотя она тоже едва удерживала слезы. – Поскольку здесь негде присесть, мы можем перейти в мою спальню. Там достаточно просторно и есть несколько удобных кресел, не занятых одеждой. Я ведь, к несчастью, и себе купила несколько новых платьев. Не могла удержаться от искушения: возможно, мне предстоит встретить людей, которых я знала в прежние дни, когда была в твоём возрасте и училась в Чарлстоне.

Глава 12

Я всегда знала и воспринимала как нечто само собой разумеющееся, что Виндхэмы происходят из Англии, а затем уже с Юга. Сама я родилась в Луизиане. Но до этой ночи я не представляла, какие сложные и почти кровосмесительные семейные связи могут соединять столь непохожих людей – особенно на Юге, где подобным вещам уделяется чрезвычайно большое внимание. До сих пор мне не приходило в голову искать свои корни. Сейчас тетя Чэрити очень обстоятельно поведала мне удивительную, почти неправдоподобную историю – я действительно наследница, более того, единственная прямая наследница совершенно незнакомой мне семьи отца.

– Но они совершенно не заботились обо мне, ни разу даже не поинтересовались, жива я или нет...

– Это очень старая и очень гордая семья, которая всегда больше заботилась о своей семейной чести, чем о своей плоти и крови. Они были очень рассержены, когда твой отец поступил вопреки их желанию и женился на твоей матери. Но в конце концов собственная гордость их и погубила. Мужчины из-за каких-то пустяков погибли на дуэлях, а женщины умерли незамужними, считая ниже своего достоинства выходить за неровню. Под конец остался лишь один старик – кажется, дядя твоего отца, – и так как ему хватило ума заставить всех поверить, что он немного со странностями, то его оставили в покое. Он никогда не был женат – как говорили, потому, что предпочитал... – Словно что-то вспомнив, тетя Чэрити осеклась и тут же поспешно продолжила: – Ну, это не имеет значения! Важно то, что он унаследовал все фамильное состояние – и оставил его тебе. Есть, правда, некоторые условия, которые ты должна выполнить. И конечно, ты принимаешь на себя определенную ответственность вместе с... ну, скажем, очень значительной суммой денег и другим имуществом, являющимся частью поместья Вильяреаль.

Скоро тетя Чэрити решила, что для одного раза я получила информации более чем достаточно, и отправила меня в постель. Но я очень долго лежала с открытыми глазами, а когда наконец заснула, меня мучили странные сны о людях и местах, которых я никогда раньше не видела. И еще мне снилось, что я бегу и бегу, спасаясь от страшных преследователей без лиц, и ноги мои проваливаются то в песок, то в болото.

Я с облегчением проснулась, вся мокрая от пота, почти желая, чтобы

все, о чем мне рассказали перед сном, тоже не было явью. Наследница! Я совсем не хотела быть наследницей. Гордые и высокомерные предки, которые отвергли моего отца и отказывались признавать мое существование, не имели права взваливать на меня свои заботы только потому, что больше никого не осталось!

– А если я умру, кто тогда это унаследует? Как это – семья перестала существовать?

– Я уже объяснила как. А что касается твоего первого вопроса – не знаю. Может быть, где-то есть очень дальние родственники, но адвокат о них не упоминал. Он, кстати, тебя видел и согласен с тем, что ты очень похожа на родственников твоего отца, – нет, не спрашивай, когда и где, я сама этого не знаю. Я также не понимаю, к чему такая секретность – разве чтобы защитить тебя от охотников за состояниями!

– Ну, по крайней мере... в ближайшие пять лет я смогу быть самой собой, правда? А что касается их глупых условий – какими бы они ни были, – меня они не заботят!

Я до сих пор помню свои тогдашние чувства – какой дерзкой я себе казалась! Все звучало совершенно нереально, как сказка. Пять лет казались вечностью. К тому времени, когда мне исполнится двадцать один год, я уже буду или замужней женщиной, или безнадежной старой девой. Какие уж там условия!

– Ты еще изменишься, моя дорогая, – спокойно сказала тетя Чэрити, выслушав мои мятежные высказывания. – И в конце концов сделаешь то, что нужно, – мы все этому научились.

Тогда я этого не поняла, но сейчас вижу, что уже начинала учиться. Ощущая прикосновение шелка к своей коже, слыша шорох легких юбок из тафты под английским выходным платьем, я впервые в жизни чувствовала себя красавицей. Нет – я знала, что выгляжу красавицей!

Кто эта странная, экзотического вида молодая женщина, которая внимательно смотрит на меня из зеркала? На ней серебристо-серое бархатное платье, надетое поверх темно-синих юбок, и серебристо-серая соломенная шляпка, украшенная темно-синими бархатными лентами и кисточками. На черные волосы наброшена шелковая сетка, и на щеках играет румянец. Да она просто красавица!

Я громко рассмеялась, видя волнующий блеск своих глаз, и несколько раз обольстительно улыбнулась, стараясь добиться, чтобы были видны ямочки на щеках. Неужели это и вправду я? Неужели модная одежда может так все преобразить – даже мироощущение? Я обещала себе, что теперь всегда буду носить красивые вещи, чтобы чувствовать себя красивой. И

поддевать только лучший, легчайший шелк. Скоро – или довольно скоро, если уж быть точной, – я смогу покупать себе все, что захочу. Почему бы мне и впрямь не наслаждаться тем, что мне принадлежит по праву? Мои заносчивые предки просто перевернутся в гробах! Можно стать независимой, стать свободной! В конце концов деньги существуют для того, чтобы доставлять удовольствие, и нет ничего плохого в желании всегда хорошо выглядеть.

– Триста! Поторопись, дорогая, мы все тебя ждем!

– Уже иду, тетя Чэрити! – Я в последний раз взглянула в зеркало, и тут мне в голову пришла одна непрощеная мысль: он ведь тоже увидит меня такой. И мое сердце забилось чаще.

– Ну и ну! Наша маленькая Триста за одну ночь расцвела и превратилась в красавицу! Я уверен, что вы с Чэрити будете там самыми элегантными леди, и мне все будут завидовать из-за того, что я вас сопровождаю! Надеюсь, что какой-нибудь ревнивый обожатель не вызовет меня в Ричмонде на дуэль!

Когда папа подсаживал нас в легкий открытый экипаж, глаза его светились лукавством. Более скромный экипаж, предназначенный для городских поездок, был доверху заполнен нашим багажом и с сумасшедшей медлительностью тащился сзади. Временами мне хотелось заскрежетать зубами от раздражения. Из-за чего только я так нервничала? Ведь для путешествия мы выбрали чудесный день – светило солнце, но палящий жар его лучей смягчали порывы легкого ветерка, приносившего с собой также аромат цветов.

Изо всех сил стараясь быть сдержанной, я слушала иронический рассказ тети Чэрити о том, что она называла «нравами и обычаями наших южных аристократов». Собственно, рассказ состоял из чудовищно длинного списка правил поведения леди – особенно молодых и незамужних.

– Но это же просто варварство! – наконец не выдержала я. – Как же южные женщины терпят подобное? И как ты могла жить при такой тирании?

– Как видишь, не смогла! Я всегда была мятежной натурой и задавала слишком много вопросов. А когда я открыла для себя произведения мисс Гримке и миссис Бичер-Стоу, то поняла, что должна немедленно отправиться на Север – якобы для того, чтобы вести хозяйство у своего брата!

– Гм, да! – улыбаясь, вмешался папа. – Она угрожала разрушить мое счастливое холостяцкое существование, если я не помогу ей с этой школой,

которую она задумала создать! Настоящий шантаж!

– Может, ты и помог найти подходящее место, мой дорогой Хью, – не без язвительности сказала тетя Чэрити, – но не забывай, что тогда я только что получила бабушкино наследство и могла себе позволить потратить столько, сколько мне было нужно!

Румянец играл на щеках тети, и сейчас она выглядела просто прелестной и... молодой! Золотисто-бронзовый и коричневый цвета шелкового платья прекрасно гармонировали с ее светлой кожей и золотисто-бронзовыми волосами, в которых не видно было ни единого седого волоса.

«Да, она действительно очень привлекательная женщина!» – подумала я и почувствовала, как меня пронизало неприятное чувство. Блейз! Эти модные платья, эта молодая, счастливая улыбка – все это для него!

– Пожалуйста, тетя, расскажи мне еще! – попросила я, наклоняясь вперед. – Мне нужно научиться правильно флиртовать и жеманно улыбаться, чтобы попасть в обойму признанных красавиц Чарлстона. И если папа сделает одолжение и не заснет, то, может быть, я попрактикуюсь на нем? А, папа? А ты, тетя, обещаешь честно сказать, хорошо у меня получается или нет!

Я не стану думать о нем, пока не смогу быть беспристрастной. Я буду его игнорировать – разве что холодно кивну и вплотную займусь флиртом, так что наши пути не пересекутся. Возможно, я даже отдам кому-нибудь предпочтение – по крайней мере на несколько дней! И я не позволю ему причинять боль тете Чэрити!

Когда дорога стала шире и количество рытвин и ухабов уменьшилось, я закрыла глаза и, должно быть, заснула... Когда я открыла их снова, мы уже подъезжали по тенистой аллее к величественному сооружению в греческом стиле. Это и был Хартсвуд.

Сказать, что поместье произвело на меня впечатление, означает значительно преуменьшить чувства, которые овладели мной в первые минуты радостной суматохи, всегда сопровождающей прибытие гостей. Честно говоря, я была просто потрясена, тем более что красота классического фасада с его колоннами бледнела по сравнению с великолепием внутреннего убранства. Огромные люстры, которые раньше, должно быть, висели в европейских дворцах, заливали светом комнаты. Стены были обиты шелком и парчой, украшенной золотым и серебряным узором. Вся мебель – без исключения – заняла бы почетное место в любом музее. Повсюду сновали улыбающиеся слуги в ливреях (неужели это рабы?), стараясь исполнить любое желание гостя, и к концу вечера даже я

расслабилась в этой атмосфере радушия и подлинного, непоказного дружелюбия.

– Ну, слава Богу! Чэрити, дорогая, где вы до сих пор прятали это прелестное существо? Вы только посмотрите на нее! Какая красавица! Думаю, мои сыновья, как только увидят ее, влюбятся по уши! – С этими словами наша хозяйка, миссис Хартфорд, расцеловала меня в обе щеки.

Я попала в объятия леди, которых никогда раньше не видела, и была удостоена комплиментов, которых явно не заслуживала, – ну и ладно! Несмотря на то что я весь день провела в дороге и должна была устать, я вскоре снова почувствовала себя прекрасно.

– Конечно, я очень хорошо понимаю, каково оказаться среди незнакомых людей. Но надеюсь, вы вскоре перестанете нас так воспринимать. Вы ведь уже познакомились здесь почти со всеми. Мы с мистером Хартфордом надеемся, что вы будете чувствовать себя у нас как дома. Мы очень много слышали о вас от вашей милой маленькой подруги, так что мне кажется, будто мы с вами уже знакомы!

Хозяйка дома была невысокой, склонной к полноте женщиной с круглым лицом, которое казалось некрасивым до тех пор, пока она не улыбалась. Улыбка просто преображала миссис Хартфорд, на щеках появлялись ямочки, и становилось ясно, что в свое время она была очень симпатичной девушкой. Мне она сразу понравилась, и, что удивительно, миссис Хартфорд тоже, кажется, ощутила ко мне расположение и тут же принялась изо всех сил заботиться обо мне.

– Я уверена, что вам ужасно хочется смыть с себя всю эту дорожную пыль и переодеться. Я пошлю вам наверх горячей воды, а потом вы просто скажите Лилит, что еще нужно сделать. Она обо всем позаботится. Она опекала мою Клариссу с тех пор, когда они обе еще были детьми, и ужасно скучала, когда мы отправили Клариссу в эту знаменитую школу в Париже – я запомнила ее название, но мистер Хартфорд знает! В общем, пока вы здесь, Лилит в вашем распоряжении. Я вас поселю в комнаты Клариссы. Мы их заново отделали за месяц до ее отъезда в Париж, и хотя мистер Хартфорд очень ворчал, но уступил и дал ей сделать все по-своему – как всегда! Он, конечно, ни за что не признается, что ее балует. Но зато у меня есть три сына, которые балуют меня! Должна признать, что это замечательно, когда трое здоровенных молодых людей обращаются с тобой так, как будто ты сделана из стекла. Не могу дождаться того момента, когда вы с ними встретитесь или когда они вас увидят! Только обещайте мне, что не станете разбивать им сердца!

Она передала меня в проворные руки Лилит, а я с изумлением думала

о том, как это миссис Хартфорд ухитряется так много и так быстро говорить, практически не переводя дыхания. Но зато я всего за несколько минут очень много узнала. Все «молодые люди», как извиняющимся тоном поведала мне миссис Хартфорд, сегодня рано утром уехали на пикник в Амхерст – на соседнюю плантацию, принадлежащую Эмерсонам, старинным друзьям Хартфордов.

– Но они все вернутся к ужину, вместе с молодыми Эмерсонами. У них шесть взрослых детей, но две старшие девочки уже завели семью, как и Бретт, их старший сын, – такой серьезный! Вы встретитесь с двумя младшими дочерьми и Фарлендом. Мы все называем его «бешеным» – увидите почему!

Когда я лежала в теплой душистой воде, у меня в ушах все еще отдавался голос нашей радушной хозяйки. Все оказалось не так, как я ожидала, неохотно признала я. Все здесь такие хорошие, такие славные и дружелюбные, даже по отношению к незнакомым людям! А их слуги – конечно же, они не рабы! – кажутся счастливыми и вполне довольными. В конце концов, здесь живут просвещенные, образованные люди, которые ездят по всему цивилизованному миру! С тех пор как тетя Чэрити покинула Юг, здесь наверняка все изменилось.

Я дала Лилит – худощавой, быстрой в движениях молодой женщине с гладкой, бархатистой темной кожей – погладить одно из своих лучших шелковых платьев, а сама нежилась в невиданно роскошной ванне. До ужина еще час, лениво подумала я, довольно потягиваясь, как кошка. Поставив ступни на противоположный край ванны, я наклонилась вперед, чтобы намылить ноги.

– Может, белой мисси надоть потереть спинку? Мне говорили, что я хорошо это делаю, они остались довольные.

Я громко ахнула и резко обернулась, расплескивая воду:

– Да как вы смеете? Сию же секунду выйдите отсюда или я начну кричать!

– Пожалуй, душа моя, мне стоит подержать вашу голову под водой достаточно долго для того, чтобы... скажем, погасить ваш пыл! – Блейз наклонил голову как раз вовремя, чтобы уклониться от мокрой губки, которую я бросила прямо ему в лицо. Насмешливо улыбнувшись, Блейз выпрямился, его глаза нахально шарили по моему телу.

– Вон, сию же минуту вон! – покраснев от гнева, закричала я. – Вы... вы развратник! Клянусь, если вы не уйдете, я... я...

– Никогда не стоит давать ложных клятв, моя ведьмочка! Уж ты-то должна об этом знать!

Поднятые брови и насмешливый тон Блейза взбесили меня так, что я прямо-таки поперхнулась теми гневными словами, которые собиралась бросить в него за неимением бульжников.

Вместо того чтобы выразить пусть даже запоздалое раскаяние, негодяй, несмотря на мой полный ужаса взгляд, принялся расстегивать свою рубашку. Он делал это так спокойно и небрежно, как будто находился в своей спальне.

– Нет! – наконец в отчаянии выдохнула я, подтягивая к себе колени и как можно глубже уходя в теплую воду. – Ну пожалуйста! – умоляюще шептала я, но тут Блейз наклонился, запустил руку в мои насквозь мокрые волосы, с силой отклонил мне голову назад и запечатлел на губах столь безжалостный поцелуй, что они сразу вспухли, а Блейз принялся гладить меня, нащупывая те места, прикосновение к которым лишало меня всякой возможности протестовать. Я была не в состоянии больше сопротивляться. Из переполненной ванны хлынул поток мыльной воды, Блейз навис надо мной, приподнял вверх мои бедра и яростно вонзился в меня. Он пронзал меня так глубоко, что я стала бы кричать, если бы Блейз не закрыл мне рот своими губами. Он брал меня снова, и снова, и снова – до тех пор, пока весь мир не завертелся перед глазами. В черноте пространства кружилась ослепительно сверкающая серебряная пыль, вырисовывая затейливые узоры, – то сплетаясь, то распыляясь, она заполняла все вокруг, сжималась, поднималась вверх и вниз, заполняя всю Вселенную, чтобы затем взорваться, рассыпаться на отдельные туманности, тускло поблескивающие на фоне угольно-черной пустоты.

– Блейз, у меня сейчас было такое странное... видение. Оно было пугающе прекрасным и... Мне даже немного грустно. Я думаю... Блейз! О Боже! Должно быть, я сошла с ума, а ты-то уж точно сумасшедший. Отпусти меня сию же минуту! Ты понимаешь, что случится, если нас застанут... вот так? – Я начала яростно молотить кулаками по его груди, рисуя в своем воображении сцену, которая последует, если кто-то сейчас войдет. Тетя Чэрити... Мари-Клэр! Или Лилит! Разве она не обещала вернуться через несколько минут? А если она уже заходила?

– Хватит! – На меня глядели прищуренные глаза Блейза. Он больно ухватил меня за обе руки и с силой потянул их вверх. Я молча смотрела на него. – Вот так-то лучше! – зачем-то сказал Блейз. Его губы скривились в подобии улыбки, я же корчилась от злости. – Знаешь, ты начинаешь слишком напоминать мне твоего друга, будущего новобрачного! Особенно когда все бубнишь и бубнишь, все задаешь и задаешь вопросы – не останавливаясь, чтобы выслушать ответы! К тому же должен заметить, что

в таком скрюченном положении мне так же неудобно, как и тебе, моя любимая. – Голос Блейза звучал язвительно. – В следующий раз, когда окажешься в подобной ситуации, попробуй сказать «Пожалуйста» или даже «Не разрешите ли вы мне подняться, сэ, поскольку наши дела уже закончены?». Могу заверить тебя, дорогая, что вежливой просьбы – вместо размахивания кулаками и истерических выкриков, причем после того, как дело сделано, – будет вполне достаточно!

Он встал, помог мне подняться на ноги, отпустил мои руки и одним движением привлек к себе, обхватив своими жесткими ладонями мои ягодицы. Я обняла его за шею – конечно, только для того, чтобы не потерять равновесия! Вода холодила ноги, но там, где наши тела соприкасались, было тепло. Теплота распространялась быстро, как огонь, и вот я почувствовала, что пылает уже вся моя кожа. Тепло через поры проникало внутрь, я вся горела, и вскоре для меня перестали существовать и разум, и здравый смысл. Меня, беспомощную, понесла на своем гребне гигантская волна, вздымавшаяся до самого неба и заслонявшая собой солнце; вот она обрушилась на землю и поглотила ее.

Глава 13

Мне никогда не забыть всего того, что случилось в первую ночь моего пребывания в Хартсвуде. Я поняла, что от некоторых воспоминаний невозможно избавиться, как ни старайся стереть их в памяти. Было время, когда я хотела все забыть – особенно то ощущение полной потери рассудка, когда тебя несет мощный поток страсти и чувств и ты ему совершенно не можешь противостоять.

– Никогда больше не допускай такой ошибки, моя невинная девочка! Не буди спящего зверя, который таится в каждом мужчине! – прошептал мне на ухо Блейз. Его низкий голос напоминал рычание животного. Он взял меня снова, но теперь мы уже лежали на постели, оба совершенно мокрые.

Перед этим он просто бросил меня лицом вниз на одеяло. Во мне уже разгоралось желание снова ощутить прикосновение его тела. Я повернула голову и прошептала:

– А как насчет женщин? Разве во мне нет того зверя, которого ты, Блейз Давенант, выпустил на свободу? – Он перекатился на бок и повернул меня к себе так, что наши взгляды встретились. – Почему? – наконец смогла выговорить я. – Почему ты пришел в ту ночь... и сейчас, с таким риском... Как ты думаешь, что случится, если кто-нибудь застанет нас?

Улыбаясь улыбкой предателя, Блейз поцеловал меня и с удивительной быстротой начал одеваться.

– Надеюсь, этого не произойдет, потому что я предусмотрительно запер за собой дверь. – Он на секунду остановился и взглянул на меня. Я не могла разобрать выражения его лица. – Если ты действительно ведьма, тебе стоит прибегнуть к своим колдовским чарам. Ведь если ты хочешь счастья или по крайней мере некоторого удовольствия от жизни, я последний, с кем тебе стоило иметь дело. И ради собственного блага постарайся запомнить, что могут быть определенные ситуации, когда женщина должна принять на себя главный удар, а мужчина – исчезнуть. И не важно, чья здесь ошибка. Это дьявольски несправедливый мир – даже для волшебницы с глазами, как бездонные колодцы. И что там в глубине? Забвение?

– Черт побери, Блейз! Перестань говорить загадками! – Я вскочила на ноги и гневно уставилась на него, задетая его словами. – Значит, это несправедливый мир? И значит, это меня, женщину, надо обвинять в том, что я тебя соблазнила, очаровала – бедное беспомощное создание! Ну ты даже более отвратителен, чем... чем Фернандо! И именно я должна была

оказаться такой душой, чтобы забыть, как это было на самом деле, – забыть все. Но я по крайней мере способна смотреть правде в лицо. А ты можешь? Или ты для этого слишком труслив и лицемерен? Ты изрекаешь банальности или таинственные многозначительные фразы, делаешь то, что тебе нравится, не обращая внимания на других, на их чувства, на... Да будь ты проклят! Перестань смотреть на меня и убирайся! Если ты этого добивался, то – да, ты заставил меня испытывать к себе презрение, но тебя я презираю и ненавижу еще больше! – Мой голос звучал так, будто я держала в руках оружие и без промедления готова была воспользоваться им. Но гнев и горькое сознание того, как легко я забыла и о здравом смысле, и об угрызениях совести, заставили меня замолчать еще раньше, чем Блейз схватил меня за плечи и грубо встряхнул.

– Ну хорошо, черт возьми! Ты сказала достаточно – и хватит. Или ты хочешь, чтобы сейчас все, кто есть в доме, сбежались тебе на выручку? – Его резкий, презрительный тон окончательно добил меня. Я чувствовала себя так, словно меня сначала сунули в огонь, а затем выставили на мороз, превратив в ледяную статую, не способную вообще ничего ощущать.

Я стояла молча, едва держась на ногах. Потом он отпустил меня, выругавшись сквозь зубы. В глазах Блейза мелькнули разочарование и гнев. На миг мне показалось, что я заглянула в потаенные глубины его сознания, но это ощущение мгновенно исчезло. Что-то шевельнулось во мне – сломанное, с зазубренными краями – и отозвалось эхом в пустоте. Эхом... Как звук закрываемой двери, когда Блейз Давенант повернулся на каблуках и вышел, предварительно саркастическим тоном дав мне совет получше запирать дверь, если я действительно желаю, чтобы меня не беспокоили.

Я все еще со злостью смотрела ему вслед, когда, тихо постучав, вошла Лилит, неся на руке мое свежeweыглаженное платье.

– Уже собираются к ужину, мисс Триста! Если позволите, я помогу вам одеться. Я им сказала, что вы легли немного отдохнуть перед ужином, так что можете спокойно на несколько минут опоздать.

Она пришла слишком быстро, буквально вслед за Блейзом, и не может не знать или хотя бы не подозревать о том, что здесь произошло, думала я, отдавая себя в умелые руки Лилит. Она быстро досуха вытерла мои волосы полотенцем и начала одевать меня так, как будто я была ребенком или китайской куклой.

– У вас красивые волосы, мисс Триста! И какие пышные!

Каким-то чудом Лилит моментально привела в порядок мои кудри, с которыми после мытья всегда очень трудно справиться, подколола к ним тяжелый шиньон, дав нескольким локонам возможность якобы случайно

спадать на виски и пылающие щеки.

Однажды папа подарил мне желтовато-зеленое китайское ожерелье из жадеита и свисающие в виде слезинок жадеитовые серьги. На каждой из оправленных в золото бусинок и на серьгах были выгравированы иероглифы. А в другой раз папа принес мне оправленные в золото бусы из янтаря. Этим вечером я надела жадеит и чувствовала прохладное прикосновение серег к моим обнаженным плечам. На вечерах допускались довольно глубокие декольте. Я что-то читала об этом в «Книге для леди». А тетя Чэрити, у которой был безукоризненный вкус, выбрала для меня это зеленое шелковое платье с золотыми кружевными оборками и атласными розетками зеленого цвета и с золотой сердцевинкой.

Лилит завершила меня, что мое платье на общем фоне не будет выглядеть слишком нарядно.

– Теперь у нас не так уж часто бывают большие приемы – после того как уехала мисс Рисса. А вообще народ здесь считает, что надо одеваться во все самое лучшее. А вы выглядите очень прекрасно, мисс Триста! Уж будьте уверены, молодые джентльмены глаз не отведут, как вас увидят!

Ожерелье было тяжелым.

– Это просто варварство! – пробормотала тетя Чэрити, когда впервые увидела его в моей шкатулке. – И вряд ли подходит для девочки твоего возраста, – слегка нахмурившись, добавила она. – Когда этот человек перестанет меня удивлять?

– Но теперь мне шестнадцать, а не двенадцать, и варварство это или нет, но ожерелье мне к лицу.

Я спускалась по лестнице с некоторым трепетом. Мой первый выход в свет – и я опоздала. Но тут уж ничего не поделаешь. «Нужно набраться нахальства и не думать о причине моего опоздания», – твердила я себе, стараясь выпрямить спину и не опускать голову. «Держись за перила, – напоминала я себе. – Будь осторожнее: подними юбки чуть повыше, вот так, – ты на них чуть не наступила». Черт бы побрал эту моду, а особенно эту нелепую стальную клетку под названием кринолин! Это гораздо большее варварство, чем тяжелые бусы с выгравированными китайскими иероглифами! Знаменитый мсье Уорт из Парижа, должно быть, думает, что женщины все еще должны носить пояса верности, как несчастные жены крестоносцев в средние века!

– Триста... Триста, подожди меня! Будет гораздо лучше, если мы опоздаем вместе, ты не находишь? По крайней мере мне не придется одной выдерживать холодные взгляды Мачехи! – Услышав за спиной задыхающийся голос Мари-Клэр, я почувствовала себя так, как будто

получила отсрочку смертного приговора. В спешке оступившись, она успела схватиться за перила, ругаясь по-французски. – И к чему такая гонка? – повернувшись ко мне, раздраженно бросила Мари-Клэр. – Мы настолько поздно приехали из Амхерста, что я была уверена: ужин задержат. Но вот почему ты опоздала?..

Я безразлично пожала плечами, продолжая осторожно спускаться по лестнице:

– Ты же знаешь, я не умею точно рассчитывать время. Я принимала ванну и, наверное, уснула. А куда нужно повернуть, когда мы дойдем... Ой!

– Я думаю, мужчины уже заключили пари насчет того, на сколько мы опоздаем! – прошептала Мари-Клэр, посылая свою самую ослепительную улыбку группе хорошо одетых молодых людей, которые внезапно замолчали, увидев нас. – Тот, кто так внимательно смотрит, с глазами под цвет твоим волосам, – это Фарленд. Он еще более беспринципный, чем Блейз, и гораздо вспыльчивее. Так что будь осторожна, не полагайся на его обещания и не верь ничему, что он скажет!

– Не буду! – едва успела заверить я. Нас тут же окружили молодые люди, наперебой просившие о чести быть представленными мисс...

– Мальчики, помните о ваших хороших манерах! – проворчала миссис Хартфорд, прокладывая себе дорогу сквозь толпу. – Мои дорогие, вы обе так хорошо выглядите, что мне, наверное, придется простить этих головорезов. Но только если вы обещаете хорошо себя вести, слышите?

Потом я постараюсь совместить в своем сознании лица и имена. Но сначала я слышала только до странности непривычное: «Мисс Триста Вильяреаль... Батон-Руж и Новый Орлеан... она в родстве с семейством де Мариньи...» Это тетя Чэрити и папа старательно подчеркивали мое южное происхождение и родственные связи, стараясь, чтобы меня приняли здесь без вопросов. Вильяреаль – это звучит надменно. Я уже ненавидела эту фамилию, тем более что мне сказали одно из условий, существование которых меня так возмутило. Я должна принять эту фамилию и сохранить ее; мой муж, если я решу выйти замуж, должен также принять фамилию Вильяреаль и передать ее нашим детям. Маленькая сделка – какой мужчина не согласится сменить фамилию, чтобы взамен получить состояние? Или взять жену, если таким образом сможет лучше обеспечить своих любовниц?

В тот вечер, однако, у меня не было времени на то, чтобы размышлять о внезапном повороте судьбы или судить о тех, кого я так щедро одаривала улыбками. Я все еще старалась привыкнуть к тому, что меня называют мисс Вильяреаль вместо мисс Виндхэм, и избавиться от воспоминаний о

встрече с Блейзом Давенантом, который снова использовал мое тело для собственного удовлетворения и ясно дал понять, что я для него всего лишь одна из многих любовниц. Да, одна из любовниц, которую можно навестить, когда ему заблагорассудится, не принимая во внимание мои чувства и не заботясь о моей репутации.

«Ну нет!» – яростно твердила я себе, в то же время благодаря какому-то инстинкту, о существовании которого до сих пор не подозревала, умудряясь делать все, что нужно. Я давала те ответы, которых от меня ждали, вовремя улыбалась и даже вовремя прятала за веером свое якобы смущенное лицо.

Да, это был успех! Даже Мари-Клэр вынуждена была это признать. А миссис Хартфорд, которая оказывала мне покровительство, кажется, наслаждалась моим дебютом в свете и комплиментами в мой адрес так, будто я была ее любимой племянницей или приемной дочерью.

– Вам завидуют все девушки, моя дорогая! А их мамы просто зеленеют от злости, закрывшись своими веерами. То же самое творилось, когда моя Кларисса была дома. Ни один вечер не проходил без гостей, а ее поклонники за обедом пожирали друг друга свирепыми взглядами! Мистер Хартфорд тогда хмурился, я ломала себе руки и думала: сейчас начнется скандал! Но нет – Кларисса хорошо знала, как обвести своего папу вокруг пальца!

Миссис Хартфорд взяла меня под свое материнское крыло, и с головокружительной быстротой я оказалась представленной чуть ли не половине штата Виргиния. К счастью для меня, в то время фамилии и родственные связи ничего мне не говорили, иначе я была бы совершенно ошеломлена. Разглядывали каждую деталь моей внешности, особенно внимательно это делали пожилые леди и ревнивые мамы, о которых говорила миссис Хартфорд.

– О нет, я останусь только на свадьбу... К сожалению, только на несколько дней... О да, я очень хотела бы задержаться, чтобы посмотреть кое-что в Ричмонде, но... – Поскольку я старалась подчеркнуть краткость своего визита, матроны и даже их дочери стали относиться ко мне весьма радушно, почти так же, как миссис Хартфорд. Во время нашей прогулки по залу она наклонилась ко мне и, подмигнув, прошептала, что я все проделала очень ловко. Кларисса поступила бы точно так же.

Я почувствовала, что постепенно превращаюсь в марионетку. Словно кто-то дергает за веревочку, и я наклоняю голову, или протягиваю руку, или улыбаюсь – слащаво или лукаво, в зависимости от обстоятельств. Как легко оказалось изображать из себя глупую, беспомощную, безмозглую бабочку,

которая не в состоянии самостоятельно думать! Я даже научилась флиртовать – отчасти мне помогли наблюдения, отчасти, я полагаю, просто инстинкт. Это было нечто вроде игры – строишь глазки, помахиваешь веером и таинственно улыбаешься. Легкая, бессмысленная игра. К концу вечера я в ней уже достаточно напрактиковалась.

– Что же это! Моя маленькая сестричка вдруг превратилась в прекрасную бабочку! И я вижу ревнивые взгляды, которые бросают в мою сторону твои многочисленные поклонники. Наверное, чтобы уберечься от дуэли, мне нужно заявить о своих правах... брата, Триста!

Я только присела и вытянула уставшие ноги, окруженная толпой молодых людей, моливших о привилегии принести мне что-нибудь поесть или, может быть, стакан холодного пунша? Все, что мне будет угодно! А завтра, если я не слишком устала... Я уже начала наслаждаться этим обществом, как появился Фернандо и с преувеличенной галантностью поцеловал мне руку.

– Погодите, он не может быть вашим поклонником. Это ведь жених!

– Джентльмены, – сказала я, стараясь сохранить достаточное хладнокровие, – позвольте вам представить моего сводного брата, мистера Виндхэма, если кто-то еще с ним не знаком. Фернандо имел счастье уговорить мою лучшую подругу выйти за него замуж – и вот теперь он здесь и даже не обращает на нее внимания!

– Ни в коем случае, милая сестра! Мари-Клэр в данный момент окружена группой недавно вышедших замуж матрон, которые, полагаю, дают ей советы, как обращаться с мужем!

Я сделала вид, что не заметила сдавленных смешков и многозначительных подмигиваний, которыми обменялись некоторые из моих поклонников, в то время как Фернандо встал за моим стулом, являя собой образец брата, бдительно охраняющего честь своей сестры. Конечно, его присутствие сразу внесло некоторое напряжение, на что он, без сомнения, и рассчитывал. Более того, Фернандо оказался настолько хитер, что каким-то образом дал всем понять: любые попытки меня развлечь должны сначала получить его одобрение!

– Мои отец и тетя вступили в заговор с бароном и баронессой, а мы с моей бедной Мари-Клэр просто пешки в их искусных руках! Так что я был направлен в качестве сторожевого пса охранять сестру... Тебе это не очень нравится, а, Триста?

– Ну что ты, как ты можешь, – заставила я себя ответить, надеясь, что моя улыбка покажется не слишком фальшивой. – Фернандо – самый чуткий из братьев и совсем не такой людоед, каким хочет казаться. Правда,

Фернандо? – Повернувшись, я чуть заметно вздрогнула от того, что разглядела в его глазах.

– Боюсь, моя сестра знает меня слишком хорошо! – со смехом пробормотал Фернандо. При этом я почувствовала на своем плече предостерегающее прикосновение его пальцев и едва удержалась от того, чтобы не вскрикнуть.

Я была рада, когда эта хватка ослабла. Начатая Фернандо беседа меня не касалась, на меня больше не обращали внимания. Именно этого он и добивался. Ведь если я сейчас извинюсь и уйду, то все решат, что я веду себя как взбалмошное дитя, которое всегда желает находиться в центре внимания. Но где же миссис Хартфорд? И где тетя Чэрити? Я не видела ее с тех пор, как спустилась вниз, – и папу тоже. Хоть бы кто-нибудь пришел мне на помощь! Пусть даже Блейз, который однажды меня уже спас от моего сводного брата... И тут я увидела его, как будто сумела мысленно заставить его возникнуть. Но... он был с улыбающейся тетей Чэрити и, казалось, не замечал других женщин. Вот он наклонился и прошептал ей на ухо что-то, от чего она снова засмеялась.

Фернандо прервал мои размышления:

– Кажется, моя тетка – синий чулок – наконец нашла себе поклонника! Вот уже два часа они ходят вдвоем, никого вокруг не замечая.

Больше я не могла этого вынести. Меня уже не заботило, что могут подумать, я просто не могла больше видеть их вместе. Усталость, головная боль – подойдет любой предлог! Возможно, когда я оторвала взгляд от того, на что не хотела смотреть, в моих глазах было заметно отчаяние. И уж точно я выдала себя, когда встретила взгляд странных желтых глаз Фарленда Эмерсона и продолжала рассеянно смотреть прямо на него вместо того, чтобы застенчиво опустить глаза под его оценивающим взглядом.

– Привет, Нандо! Я пришел, чтобы увести твою сестру. Мои извинения, джентльмены, но я уполномочен нашей хозяйкой. Она сказала, что мисс Вильяреаль должна познакомиться с некими друзьями, которые не имели еще удовольствия быть ей представленными. Вы разрешите? – Испытывая чувство безмерной благодарности, я встала, поправила юбки и оперлась на его учтиво протянутую руку. Никто, даже Фернандо, не высказал никаких возражений, когда меня столь неожиданно увел «бешеный» сын Эмерсонов, по поводу которого меня так настойчиво предостерегали.

Глава 14

– Вам не о чем беспокоиться. Я лучший стрелок в графстве, и все знают, что если я буду драться на дуэли, то обязательно застрелю соперника. Иначе я только зря потеряю время, правда? Между прочим... неужели в Бостоне действительно учат женщин ездить верхом?

– Я училась ездить на полудиких лошадях в Калифорнии, мистер Эмерсон. Я также считалась хорошим стрелком – до того как уехала учиться в Бостон. Кстати, спасибо за то, что вы меня спасли!

– Возможно, вы обнаружите, что я ничего не делаю из чисто альтруистических побуждений, мисс Вильяреаль! Несомненно, вы уже слышали о моей скверной репутации? Удивительно, что вы не трепещете от страха или от предвкушения того, что я с вами сделаю! Знаете, я ведь совершенно бессовестный! – Фарленд Эмерсон смотрел на меня с вызовом, его темно-золотистые волосы блестели в свете хрустальной люстры.

Я искренне рассмеялась, наслаждаясь этим вызовом... или это была проверка?

– Вы пытаетесь меня испугать? Боюсь, это вам не удастся. Когда вы пришли мне на помощь, я действительно чувствовала себя неудобно, но только потому...

Отчего я вдруг так откровенничаю с человеком, которого впервые вижу? Я запнулась, и Фарленд закончил фразу за меня:

– Потому что ваш брат испытывает к вам вожделение? – Он криво улыбнулся и с легким удивлением сказал: – Какой приятный сюрприз – видеть, что вас не шокирует моя грубость!

– Это вы так испытываете людей? Тем, что шокируете их? Должна признать, что вы весьма пытливы, мистер Эмерсон, но меня нелегко смутить, разве что... это необходимо по ходу пьесы. Так что, нужен небольшой ипохондрический припадок? Или следует как можно грациознее упасть в обморок? Я предпочла бы упасть в обморок, если вы будете настолько галантны, что вовремя подхватите меня!

На этот раз он рассмеялся:

– Дорогая мисс Вильяреаль, должен признать, что вы – редкая находка! Какая приятная неожиданность! Мне хотелось бы увидеться с вами снова – если ваша семья позволит. У меня есть полудикая арабская кобыла. Хотите на ней прокатиться?

Вскоре я вернулась под опеку миссис Хартфорд, так и не поняв, что

это было – вызов или испытание? Что за странный, необычный человек этот Фарленд Эмерсон! К своему удивлению, я обнаружила, что он мне нравится, в его обществе я чувствую себя спокойно: при нем нет необходимости притворяться и играть. В моей жизни это был первый мужчина-друг, которого я приобрела... и потеряла. И возможно, единственный человек, кто знает, какая я на самом деле под известной всему миру блестящей оболочкой. Фарленд, мой циничный друг, – где ты теперь?

Следующие дни я почти целиком провела в компании Фарленда. Все уже перестали покачивать головами и предупреждать меня об осторожности и взамен стали строить предположения о том, к чему приведут наши отношения.

Говоря по правде, меня, как и Фарленда, не заботило, кто что подумает. Его полудикая кобыла меня не сбросила, я практиковалась в стрельбе сначала по неподвижной мишени, а затем по летающей – по глиняным голубям – и не слишком опозорилась. Пока я была с Фарлендом, мне не приходилось думать о ком-нибудь другом или кого-либо бояться. И я тщательно запирала дверь каждый раз, когда оставалась одна.

– Это настоящее достижение! Фарленд Эмерсон, подумать только! Он еще не сделал тебе предложения? – Мари-Клэр настойчиво выпытывала у меня подробности. – Скажи мне, – жадно облизав розовые губы, шепотом спросила она, – вам хорошо... вдвоем? Он не возражает против того, что не был первым?

Я не стала ничего подтверждать или отрицать, и в конце концов Мари-Клэр неохотно отступилась, напоследок посоветовав мне быть осмотрительнее, потому что обо мне «уже говорят».

– Неужели? Как это лестно!

По крайней мере, рассуждала я, оставаясь одна, больше мне не грозят стычки с Фернандо или Блейзом. С Фарлендом я в безопасности, пусть об этом знаем только мы с ним.

– Триста, дорогая, думаю, ты знаешь, что я всегда была свободна от предрассудков... – с беспокойством начала она, – и сейчас, надеюсь, ты понимаешь: я беспокоюсь только о тебе, и мне не важно, что могут подумать или сказать другие. Но ты еще так молода и неопытна... В общем, мне очень бы не хотелось, чтобы кто-то причинил тебе боль. Мужчины могут быть... ну, иногда они могут говорить определенные вещи, и совершать определенные поступки, и вести себя совершенно искренне – в данный момент! Но дело в том, что...

Я стояла у окна, спиной к тете, и думала: а если сказать ей, что мне

уже пришлось в этом убедиться? Если сказать, что я не такая невинная и неискушенная, как она думает... и что именно ей в большей степени угрожает опасность, что именно ее искренние чувства могут быть безжалостно растоптаны?

Я была рада, что свет бил ей в глаза и тетя не могла увидеть выражения моего лица.

– Моя дорогая тетя Чэрити! – сказала я, неловко рассмеявшись. – Уверяю тебя, что нет ни малейших оснований за меня беспокоиться! Пусть все говорят о Фарленде Эмерсоне – мы с ним только друзья. Даю тебе слово. Он... он единственный мужчина, с которым я могу свободно разговаривать, и нам приятно общество друг друга – вот и все! Говорят, что мне грозит опасность быть скомпрометированной, – не удержавшись, добавила я, – из-за того, что я слишком много времени провожу с Фарлендом. Да, мне он нравится, тетя. И я ему доверяю. Между прочим, он ни разу даже не намекнул на что-нибудь непристойное! И меня совершенно не волнует его репутация – это всего лишь досужие вымыслы людей или то, каким он хочет предстать в их глазах! Конечно, у него надменный и циничный вид, он ни о ком и ни о чем не заботится, но под этой оболочкой... – Тут я замолчала, почувствовав, как мурашки побежали у меня по телу. Однажды Фарленд Эмерсон позволил мне заглянуть в глубины своей искореженной души...

– Ну что ты, дорогая! Я не хотела сказать, что... – Прикосновение теплых рук тети вывело меня из оцепенения, и я услышала свое неровное дыхание. – Ты глубокая натура, и у тебя есть дар понимать других людей, чего многие из нас лишены. Только... только обещаю тебе, что будешь осторожна!

Это было накануне свадьбы, и я собиралась снова кататься на лошади с Фарлендом.

– Я обещаю! – беспечно сказала я. – И я обязательно вернусь вовремя, чтобы успеть переодеться к обеду у твоей подруги. Папа тоже с нами поедет?

– Нет... Он еще с несколькими джентльменами отправляется в город играть в карты – вероятно, в какой-нибудь притон! – И добавила другим, уже не язвительным, а нарочито небрежным тоном: – Блейз обещал нас сегодня сопровождать, его тоже пригласили на обед.

Во время прогулки я чувствовала, что у меня внутри все кипит, и раздраженно кусала губы. Заметив мое состояние, Фарленд остановился и предложил разом с этим покончить:

– Если вы не в духе, то нет смысла себя мучить. Слезайте с лошади и сколько угодно колотите кулаками по земле! Или, может быть, хотите пострелять? Я найду вам много пустых бутылок!

– О, проклятие! Если бы мне не надо было уезжать из Калифорнии! Если бы я могла... если бы я могла убежать от всех и всего куда-нибудь... куда-нибудь! Плыть на корабле в шторм... скакать с дикими бедуинами по бесконечной пустыне... грести на каноэ, изучая какую-нибудь не нанесенную на карту реку! Даже, как мисс Найтингейл, отправиться сестрой милосердия ухаживать за бедными ранеными солдатами в Крым! Что-то делать... учиться... познавать жизнь, а не просто существовать как... растение!

– Bravo! – как всегда, цинично произнес Фарленд и зааплодировал. – Я восхищен вашей любовью ко всему эффектному, моя дорогая Триста! И искренне надеюсь, что когда вы определитесь, что именно вам надо, то сумеете этого достичь. Только одно уточнение: зачем ограничиваться ролью сестры милосердия? Почему бы вам не стать врачом? Уверен, что не так уж много женщин способны принять такой вызов! – И тут же, пожав плечами, он ринулся со мной наперегонки.

Как обычно, я надела вместо своих громоздких юбок бриджи и старую рубашку Фарленда, которая здорово села и поэтому была мне впору. Раньше мне уже несколько раз почти удавалось победить Фарленда. На этот раз, на удивление, мне удалось его обогнать. Я с триумфом соскочила с маленькой кобылы и улеглась в тени, закинув руки за голову.

– Будь я проклят, если сейчас вы не похожи на мальчика! Где же ваше женское изящество, где ваши формы?

Я состроила гримасу:

– Вы говорите так потому, что проиграли. И черт с ними, с «женским изяществом и женскими формами». По-моему, так гораздо удобнее и естественнее одеваться. – Я повернула голову и взглянула в его красивое, бесстрастное лицо. – Знаете, мне действительно будет не хватать всего этого, – сказала я. – И особенно вашей дружбы. И не хмурьте так грозно брови, Фарленд Эмерсон! Я имела в виду именно то, что сказала.

– Наверное, это так! Видит Бог: вы за неделю узнали обо мне больше, чем те люди, которые воображают, что знают меня всю жизнь! – Он лежал, вытянувшись, рядом со мной, прикрывая рукой глаза от солнечных лучей. Несмотря на эту расслабленную позу, в голосе Фарленда было столько горечи, что я уже протянула к нему руку, но тут он заговорил другим, нарочито небрежным тоном: – Знаете, вам не обязательно сейчас же возвращаться! Я тут подумал, что для нас обоих будет удобнее, если мы

объявим, что по уши влюблены друг в друга и хотим заключить помолв– ку еще до вашего отъезда. Конечно, на длительный срок, потому что мы знакомы очень недолго, а вы еще учитесь в школе. Достаточно надолго, чтобы проверить свои чувства – или передумать, без того, чтобы тебя сочли ненадежным и бессердечным! – Фарленд повернул ко мне голову, но я не могла различить выражения его глаз, попавших в тень. – Я не думал, что ошеломлю вас своим предложением, дорогая Триста! – сухо добавил он. – Вы, кажется, сейчас лишились дара речи, но я надеюсь, что вы все же немного подумаете над ним, прежде чем разразиться безжалостным смехом и тем самым растоптать мои самые искренние чувства, не говоря уже о сердце, которое я только что преподнес вам на блюде, как голову Иоанна Крестителя!

– Теперь я поняла, что вы только шутите и пытаетесь меня разыграть! – сердито сказала я, злясь на себя за то, что на несколько секунд приняла его слова всерьез. – Ну надо же, Фарленд! Как голову Иоанна Крестителя! К несчастью, я не могу представить себя Саломеей, задрапированной в прозрачные покрывала, так что перестаньте меня дразнить, а то и в самом деле разозлите!

– Но я говорю совершенно серьезно, черт возьми! Разве вы не видите? – Фарленд внезапно сел. Встретив взгляд его желтых глаз, я на мгновение разглядела в них нечто, от чего похолодела, несмотря на жару.

Думаю, я уже знала, что в конце концов ему отвечу, несмотря на все возражения, которые считала необходимым сделать.

– Но ваши родители, Фарленд! Им не понравится наша помолвка – в вашем распоряжении любая из южных красавиц! И потом... есть...

Он оборвал меня.

– Ну что касается моих родителей, – бесстрастно сказал он, – могу заверить, что моя мать просто упадет в обморок от радости и облегчения, увидев, что я наконец образумился. А отец от всей души хлопнет по спине и предложит выпить, поздравляя с тем, что я перебесился! А если вы подумали о... о Джесси, – сказал он изменившимся тоном, – когда начали заикаться, то... Боже мой! Разве вы не понимаете, что для нас обоих это лучший выход? Она поймет. Она всегда вынуждена была это понимать. Она слишком долго живет в страхе и всегда ждет, не зная, когда это случится. Однажды кто-то другой постучит в дверь, и...

– Фарленд! Перестаньте! – Я не знала, что дрожу, пока не услышала свой срывающийся голос. – Вы не должны об этом думать. Такие мрачные мысли... – Пытаясь заставить его замолчать, я схватила Фарленда за руку и слегка встряхнула.

– Господи, Триста! Неужели я и впрямь напугал вас? Но, моя дорогая, ваше согласие на помолвку может спасти меня от того кошмара, когда... В общем, может сделать меня счастливейшим человеком на земле!

Даже после того как Фарленд отвез меня обратно в Хартсвуд и оставил одну, легко прикоснувшись губами к щеке, а затем более церемонно поцеловав мне руку, меня не оставляло ощущение нереальности происходящего. Как будто я была облаком, парящим где-то над иллюзорной сказочной страной и реагирующим на происходящее только тогда, когда без этого никак нельзя обойтись. Даже сидя перед зеркалом, пока Лилит пыталась привести мои волосы в какое-то подобие порядка, я думала: «Завтра после свадьбы – или, может быть, на следующий день – будет официально объявлено о нашей помолвке. Сейчас, вероятно, Фарленд подготавливает своих родителей. Возможно, это произойдет позже, после обеда. «Удобное соглашение» для нас обоих, как сказал Фарленд. Оно освобождает нас от определенных ограничений, и...»

– Мисс Триста! Если вы не посидите хоть немного спокойно, то я вас непременно обожгу! – Лилит, обычно флегматичная и бесстрастная, не могла сдержать своего раздражения. – Клянусь, я никогда не видела вас в таком нервном состоянии, мисс Триста. Меньше чем через час вас ждут в гости, а вы еще не одеты!

– Прошу прощения, Лилит. Я буду сидеть спокойно – обещаю! – В следующее мгновение я уже злилась на себя, тщетно пытаюсь успокоиться. Ну просто трепещущая невеста! Ведь все это фикция – хотя об этом знаем только мы с Фарлендом. Когда станет известно о нашей помолвке, я наконец окажусь в безопасности. И буду защищена. От Фернандо, этого счастливого новобрачного, который пожирает меня глазами каждый раз, как видит, и особенно от Блейза, который использует против меня мою собственную слабость и постоянно стремится унижить. Глядя в свои неестественно расширенные глаза в зеркале, я невольно думала: вот бы посмотреть на него, когда он об этом узнает? Или он вообще ничего не почувствует? Внезапно мне показалось, что я начинаю видеть в зеркале какие-то образы, неуловимо движущиеся, как тени на поверхности воды. Я быстро отвела взгляд, стараясь понять, где я и что со мной.

– Мисс Триста, вы сегодня как картинка! Все другие молодые леди будут кусать себе локти от зависти. – Лилит сделала шаг назад, чтобы полюбоваться своей работой.

Я взглянула на себя в одно из овальных зеркал, висевших на дверях в гардеробную. Еще одно огромное зеркало закрывало всю стену в дальнем конце узкой, похожей на шкаф комнаты, так что при желании я могла

видеть себя с трех разных сторон. Я знала, что сегодня вечером действительно выгляжу почти красивой. Волосы, посередине разделенные пробором, сзади были схвачены гребнем из слоновой кости, позволявшим локонам свободно спадать до плеч. Я снова надела свои любимые серьги из жадеита – под цвет прекрасному новому платью, которое папа подарил мне только сегодня.

Я никогда особенно не беспокоилась о своей внешности, давно признав, что меня вряд ли кто посчитает красавицей. Но в этот вечер я долго рассматривала себя сразу в трех зеркалах, с трудом веря, что вижу собственное отражение. Вот она я, в восхитительном платье из золотистой парчи. Юбка, расширяющаяся книзу от плотно прилегающего лифа, отделана широкой лентой из зеленого шелка. Более узкая полоса того же цвета подчеркивает вырез платья. Лишенное всяческих оборок и оборочек, считавшихся последним криком моды, мое платье тем не менее было очень – я на секунду задумалась, подбирая нужное слово, – элегантно!

Почувствовав внезапный прилив уверенности в себе, я еще раз повернулась перед зеркалами и сказала Лилит: «Да неужели я?..» Подняв глаза, я почувствовала, что конец фразы застрял у меня в горле.

– Вы сегодня выглядите восхитительно, мисс Вильяреаль! – лениво протянул Блейз Давенант. – Но вы опаздываете на ужин – или вы уже обо всем забыли, рассматривая свое изображение в этих зеркалах? – добавил он, смерив меня дерзким взглядом, от которого мои щеки покрылись румянцем.

Глава 15

– Ваши глаза похожи на грозное небо, с которого так и сыплются во все стороны молнии! – заметил Блейз с иронией, которую, казалось, берег специально для меня. – Возможно, вам стоит прикрыть их вашими длинными ресницами, которыми вы научились так замечательно хлопать, когда будете извиняться за опоздание. Вы ведь можете испугать людей, которые не любят бури и штормов.

Если бы мне не пришлось опираться на его руку, пока мы спускались по лестнице, я бы показала Блейзу, что такое настоящий ураган. И еще могу показать, мстительно подумала я. Но я уже научилась тому, что давать волю гневу означает ставить себя же в невыгодное положение. Поэтому, опережая очередной выпад, я смерила Блейза презрительным взглядом и ледяным тоном сказала, что нисколько не нуждаюсь в советах и замечаниях по поводу своей внешности.

– И мне действительно хотелось бы испепелить вас, чтобы от вас осталась одна зола! – воскликнула я. – Вы, мистер Давенант, не только бессовестный и беспринципный человек, но и совершенно аморальный тип! И, простите меня за грубость, вы подлеший из подлых, что уже не раз доказали. Вы слизняк – вот вы кого мне напоминаете!

Допускаю, что я действительно погорячилась. Но вот для взрыва грубого смеха, заставившего нескольких человек, стоявших у подножия лестницы, прервать свою беседу и посмотреть в нашу сторону, не было никаких оправданий.

– Слизняк! – сдавленным голосом сказал Блейз. – Нет-нет, это слишком! Меня уже по-всякому называли, но так... О Боже! Слизняк! – И, усиливая мое гневное замешательство, он еще раз хрипло расхохотался. Краска бросилась мне в лицо. – Слизняк! – снова пробормотал Блейз, покачивая головой. В уголках его глаз все еще были заметны искорки смеха. – А вы совершенно уверены? Знаете ли: пыль, грязь, всякое такое...

– Достаточно! Может быть, вы сможете умерить свое веселье, – со сдерживаемой яростью сказала я, – вспомнив о том, что... что... Да черт вас возьми! – Не в силах больше подавлять свои чувства, я почти шипела. – Сейчас на нас все смотрят, и я стою спокойно, в то время как вы – вы устраиваете здесь целое представление и заставляете меня в нем участвовать!

– Думаю, они смотрят только потому, что сегодня вы – само

воплощение красоты, мое скромное дитя! Но я бы рискнул... – Мне пришлось стоять смиренно, пока Блейз делал вид, что поправляет цветы, которые Лилит только что приколола к моим волосам. – Вот! Вот теперь вы – само совершенство.

Мне показалось – да, конечно, только показалось, – что иронические нотки исчезли из голоса Блейза. Да нет, он никогда не говорил со мной серьезно! Он только всегда поддразнивал меня, чтобы посмотреть, как я выхожу из себя.

Почему я снова смотрю в его глаза? Почему мне внезапно вспомнились темно-зеленые воды, позолоченные лучами солнца? «Что за чепуха!» – сказала я себе. Просто из-за его постоянных провокаций я стала очень... неуравновешенной. Почему же тогда я шепчу ему дрожащим голосом: «Блейз... пожалуйста! Пожалуйста, не надо...» И почему я застыла на месте, чувствуя, как он приподнимает рукой мой подбородок, как будто собирается поцеловать? На середине последнего лестничного марша, на виду у десятков заинтересованных глаз!

Какое это было облегчение! В последний момент Блейз все же опомнился. Он сделал вид, что рассматривает мое лицо под всеми возможными углами, наклоняя его то так, то этак, и в конце концов торжественно заявил:

– Ах, мисс Вильяреаль! Вы в самом деле само воплощение красоты! Я буду считать себя счастливейшим человеком на земле, если вы снизойдете до того, чтобы позволить мне сделать жалкую попытку запечатлеть на холсте ваш головокружительный образ! Смею ли я просить, чтобы вы по крайней мере подумали об этом? Могу ли я хотя бы надеяться?..

Блейз снова начал свои игры, и я с радостью вернулась к действительности, со злостью оттолкнув его руку, как будто ее прикосновение меня обжигало... Нет, ни секунды больше!

Я плохо помню то, что было потом. Кажется, Блейз повел меня через внезапно показавшийся нескончаемым зал, растянувшийся чуть ли не на целые мили. По дороге мне пришлось останавливаться: с кем-то просто необходимо было немедленно познакомиться, а кто-то страстно жаждал быть представленным мне. Смутно припоминаю, что пришлось выслушать слишком много нелепых комплиментов и слишком много раз подставлять руку для поцелуя, прежде чем я начала понемногу приходить в себя. Я почувствовала, как очистительный гнев горячей волной растекается по моим жилам, и поняла, что вот-вот взорвусь, как вулкан, – может быть, даже в следующую минуту, если меня станут еще с кем-нибудь знакомить. И пусть тогда он выкручивается, пусть ищет оправдания моему

безрассудному поведению – если сможет!

Как раз в этот момент Фарленд снова пришел мне на выручку. Я все еще вижу перед собой тот насмешливый, немного удивленный взгляд, которым он удостоил меня, когда я с преувеличенным энтузиазмом поспешила его приветствовать.

– Фарленд! Пожалуйста, скажите, что меня ищете. Если бы вы знали, как я рада вас видеть! Теперь наконец-то я буду не одна под этими любопытными взглядами! – Говоря это, я обеими руками ухватилась за руку Фарленда, как бы забыв обо всем на свете. – И наконец, я могу освободить мистера Давенанта от его обязанностей.

– Да? – протянул Фарленд, приподняв одну бровь. – Ну значит, нет необходимости вызывать мистера Давенанта на дуэль. Но возможно, я должен вызвать кого-то другого? В конце концов, вас не было так долго, что все уже начали беспокоиться, как бы вы не забыли дорогу!

Насколько это было игрой? Думаю, тогда я впервые поняла, что, хотя мы с Фарлендом знаем, что наша «помолвка» не настоящая, чувство гордости и понятие чести заставляют его считать себя обязанным защищать мое имя от малейшего намека на оскорбление. Именно это он имел в виду, когда спросил, не должен ли кого-нибудь вызвать на дуэль. Такое направление наших отношений напугало меня. Некоторое время я ни о чем другом не могла и думать, пока Блейз своим лицедейством снова не заставил меня кипеть от злости. Он изображал из себя фатоватого, даже несколько женоподобного любителя живописи, время от времени марающего краской холст. Он будто издевался над всеми, кто позволял себя одурачить, – как это было низко, как отвратительно! Я почти жалела, что помешала Фарленду вызвать его на дуэль. Конечно, надо принимать во внимание и чувства тети Чэрити: что она ощутила бы, если бы ее поклонник был убит на дуэли из-за меня? Как бы то ни было, гнев не отпускал меня.

Когда мы сели за стол, мне казалось, что каждая перемена длится бесконечно долго. Но по крайней мере Фарленд сидел рядом со мной, и я чувствовала себя гораздо уютнее, чем если бы оказалась между двумя незнакомцами и вынуждена была поддерживать вежливый, бессмысленный разговор. А теперь я могу вести интересную нам обоим, интеллигентную беседу с Фарлендом и с легкостью игнорировать мрачные, угрожающие взгляды моего сводного брата Фернандо, а также вопросительные до назойливости взгляды Мари-Клэр. Я не хотела – и по некоторым причинам не могла – смотреть налево, где бок о бок сидели тетя Чэрити и Блейз Давенант, настолько занятые какой-то глубокомысленной беседой, что,

казалось, не замечали ничего вокруг. После того как он подвел меня к хозяйке дома, чтобы я могла извиниться, Блейз ни разу не посмотрел в мою сторону и вел себя и в самом деле так, будто рад от меня избавиться. С тех пор, если мне по чистой случайности приходилось глядеть в том направлении, он, по-моему, так ни разу и не отвел глаз от сияющего, внезапно помолодевшего лица моей тети, от ее улыбки, подобной которой я раньше у нее никогда не видела. И...

– Дражайшая Триста! – тихо сказал Фарленд, поднеся к губам салфетку. – Не придется ли мне действительно вызвать на дуэль кавалера вашей тети? Боюсь, что ваших молниеносных взглядов в том направлении невозможно не заметить, а заливающаяся румянцем якобы смущения будущая новобрачная прямо-таки лопается от самодовольства и принимает многозначительный вид, когда ловит вас на этом. Я надеюсь, она не знает слишком много?

– Я была... О нет! Я даже не... – Я почувствовала, что краснею, заставляя себя смотреть прямо в бесстрастные желтые глаза Фарленда. – Я не предполагала, что так выдаю себя. Слава Богу, вы сказали мне об этом, иначе я умерла бы от унижения, если бы он... если бы кто-нибудь еще это заметил! Фарленд, я прошу прощения, что я... что это...

– Почему бы вам не сделать вид, что вы проникновенно смотрите в мои глаза и одновременно, фигурально говоря, рвете на себе волосы и посыпаете голову пеплом? Или еще лучше – представьте себе, как он будет вас ревновать! И насколько счастливыми в то же время будут себя чувствовать мои родители. Конечно, вы можете думать и о том, что это кара за ваши тяжелейшие прегрешения.

Я невольно улыбнулась в ответ на ироническую речь Фарленда, расставившую все по своим местам и спасшую меня от ужасной глупости. Он был прав. Не имело никакого смысла рвать на себе волосы и посыпать голову пеплом из-за того, что было и былшем поросло. Теперь надо думать только о будущем и по возможности принять меры к тому, чтобы не оказаться в неприятной и даже опасной близости от Блейза Давенанта. Никогда! Никогда я не позволю себе больше этой проклятой слабости. А когда будет официально объявлено о моей помолвке с Фарлендом – ну тогда этому точно наступит конец!

– Фарленд, когда вы собираетесь поговорить с папой? – Я наклонилась к нему так близко, как только могла, – без риска получить репутацию нахалки. Когда Фарленд насмешливо прищурился, я сладко и бесхитростно улыбнулась ему и так кокетливо захлопала ресницами, что заставила и его улыбнуться. – Не сочтете ли вы меня слишком смелой, если я признаюсь, с

каким... с каким нетерпением я жду нашей помолвки? Стать... о, мистер Эмерсон!... Стать вашей! О, при мысли об этом мое сердце бьется так часто, что я готова упасть в обморок от счастья и... и восторга от того, что... что...

– Умоляю вас, перестаньте! – Мне действительно удалось – чуть ли не впервые – вызвать у него удививший даже меня вполне искренний смех. – По крайней мере, мадам, – с притворной строгостью сказал Фарленд, – я надеюсь, вы сможете сдерживать ваш «необузданный восторг» как можно дольше – хотя бы до конца ужина?

– Вы знаете, что действительно нравиться мне, мистер Эмерсон? – прошептала я, дотронувшись до его руки. До конца ужина я все свое внимание уделяла Фарленду, не позволяя себе даже краешком глаза взглянуть на Блейза, чтобы увидеть его реакцию, хотя чувствовала кожей его обжигающий взгляд.

– Великолепное представление! Я горжусь вами, – заметил Фарленд, когда ужин, к счастью, почти подошел к концу. – Но вы, конечно, понимаете, – с кривой улыбкой добавил он, – что в глазах нашей чересчур внимательной аудитории мы теперь... гм... скомпрометированы? Пожалуй, мне следует сегодня же поговорить с вашим отцом – до того, как ваш мрачный сводный братец не станет чересчур воинственным! Вряд ли, мне кажется, следует убивать жениха накануне свадьбы, а затем просить руки его сестры. Нет – конечно, нет! Разве что... – И он почти небрежно добавил: – Разве что вы захотите, чтобы я убил его, Триста.

Несмотря на свое кажущееся равнодушное, Фарленд замечал почти все. И ничего не говорил зря. Я гадала тогда, почему он предположил, что я могу захотеть смерти Фернандо. В конце концов Фернандо должен был на следующий день жениться и вскоре уехать с Мари-Клэр в Европу. А я – я должна была вернуться с тетей Чэрити в Бостон, к спокойной, размеренной жизни. И скорее всего я теперь очень долго не увижу Фернандо. А к тому времени, когда увижу, они благополучно устроятся, может быть, заведут себе кучу визжащих ребятишек... Хотя я не могла удержаться от улыбки, представляя себе, как моя легкомысленная подруга будет управляться с детьми. Вряд ли мысли об этой стороне супружеской жизни вообще когда-нибудь приходили ей в голову.

Но ведь, когда я отправлялась из Бостона на свадьбу, и мне не приходила в голову мысль о том, что я обручусь с человеком, которого знаю всего лишь неделю! И уж тем более я не думала и не гадала, что моя жизнь никогда больше не будет прежней – как и я сама.

Глава 16

Странички из дневника

Париж, Франция, 1861 год

...Перемены! Почему в жизни происходит столько перемен и нет места постоянству именно тогда, когда этого больше всего хочется? Люди, вещи, весь образ жизни, даже погода меняются без предупреждения, как и мое настроение. В то утро я была в полном унынии. Я пыталась втиснуть как можно больше вещей в три небольшие дорожные сумки и один довольно объемистый чемодан, которые мне, вероятно, придется нести самой, если удача по-прежнему будет меня избегать. Именно тогда я обнаружила свои потрепанные дневники, погребенные в недрах старого «школьного портфеля», как я его всегда называла. Какой черт меня дернул листать страницы первого же тома, который подвернулся под руку?

После долгой и упорной борьбы я стала наконец доктором медицины – хирургом. И я знаю, что со временем от некоторых заболеваний можно приобрести определенный иммунитет – как у взрослого против детских болезней, которыми он уже переболел. Или как в случае с гангреной: вы просто как можно аккуратнее отделяете пораженный член и очень быстро зашиваете кровавую рану, чтобы пациент не истек кровью. Если через неделю или больше он еще жив, то считается, что операция прошла успешно. Но остается шрам и ощущение потери – и воспоминания.

Как нелепо с моей стороны – сдержанной, разумной, взрослой женщины двадцати одного года от роду – вдруг снова вспомнить все, что я считала давно забытым! Вспомнить и вновь почувствовать те смятение и боль, которые в шестнадцать лет казались мне совершенно невыносимыми. Слава Богу, в этот момент вошла Джесси. Спросив, чем она может помочь, Джесси обеспокоенно заметила, что у меня совершенно белое лицо и мне стоит пойти подышать свежим воздухом.

Порой Джесси может спокойно, но твердо настаивать на том, что считает необходимым. Обычно я теряю немало времени в спорах с ней, потому что не могу уступить без всякого сопротивления. Но в данном случае я сдалась так быстро и с такой готовностью, что поставила ее в тупик. Джесси вопросительно и даже немного подозрительно посмотрела на меня, и я поспешила заверить, что и сама думала о том же: в доме что-то очень душно.

– Наверное, потому, что давление падает – это означает, что возвращаются холод и дождь. Конец солнечной погоде, которой мы так радовались! Поэтому я подумала, что вам, вероятно, захочется насладиться последним солнечным днем в Париже. Почему бы вам не отправиться в ателье мистера Уорта, чтобы забрать новые платья, которые вы заказали? Вы там, конечно, устроите настоящий переполох, а вам ведь всегда это доставляло удовольствие!

Конечно, Джесси, как всегда, была права! Когда я вышла на улицу и почувствовала на своей коже теплые солнечные лучи, мое настроение изменилось. Усевшись в новый фаэтон, я почувствовала прилив радости. Я откинула верх, и ветер окатил меня холодной волной, пытаясь освободить волосы от сеток и заколок. Прохожие ругались или изумленно смотрели вслед, так лихо я правила лошадьми – иногда я проезжала в считанных сантиметрах от препятствия.

Как обычно, мсье Уорт превзошел сам себя. Я примеряла свои обновки – два костюма для верховой езды, – а он суетился вокруг меня и поспешно делал микроскопические поправки. Один из них был темно-зеленый с черной отделкой, а другой – винного цвета, отделанный серебристо-серым. «Как раз под цвет глаз мадам!»

Платье для прогулок, два «городских» платья для покупок и чаепитий, а также для дневных приемов уже были тщательно упакованы и завернуты. Двое помощников с благоговением развернули мой новый «вечерний туалет», как назвал свое творение Уорт, – платье до сих пор лежит на кровати, на которую мне так и не довелось прилечь. У меня перехватило дыхание.

– Только вы, мадам, способны проявить достаточно смелости, чтобы надеть платье, которое предназначено впервые освободить женщин от клеток и обручей, – надеть еще до того, как оно станет, так сказать, последним криком моды. Вы видите, как оно необычно и как великолепно?

Я добавила угля в камин, и пламя поднялось выше, бросая отсвет на стол, за которым я пишу. В тот вечер в опере все взгляды были устремлены на меня, не избежал этой участи и сам император (что с его стороны было достаточно смело, потому что императрица Евгения, в свою очередь, бросала в его сторону гневные взгляды). А затем я удостоилась кивка и заговорщической улыбки княгини Полины де Меттерних, занимавшей ложу напротив. Княгиня ненавидит Евгению и готова привечать любого, кому удастся ее затмить.

– Мое дорогое, прелестное дитя, вы сегодня пользуетесь успехом и, думаю, знаете об этом! – сказала де Меттерних, когда в первом антракте

пригласила меня в свою ложу на бокал шампанского. Еще раз оглядев меня с головы до ног, она снова улыбнулась. – Конечно, это работа достойного мсье Уорта? Я сделаю ему выговор за то, что он не мне первой продемонстрировал свои вещи в новом стиле. Хотя он, возможно, был слишком занят пополнением гардероба «кринолиновой императрицы»...

– Я думаю – хотя и не вполне уверена, – что меня одобрили! – прошептала я сидевшей рядом со мной Джесси, как всегда, спокойной и красивой. – Но только не ее императорское величество! Это так же верно, как то, что завтра вечером я отплываю в Калифорнию!

Отплыть в Калифорнию с вечерним приливом... Это звучит как начало поэмы. Сейчас, когда я пишу эти строки, мне кажется, что я механически выписываю стихи из книги. Я не могу сказать даже себе: «Я возвращаюсь домой в Калифорнию!» Я почему-то чувствую себя так, как будто у меня нет настоящего дома, так, будто у меня его никогда и не было! Я хотела бы – я даже думала об этом – еще на некоторое время остаться в Париже, попутешествовать по Европе. Хотела бы насладиться вновь обретенной свободой – от учебников, лекций, больничных палат, переполненных страждущими и умирающими, о которых я должна научиться думать отвлеченно, как о случаях из врачебной практики. Но, слава Богу, я все же прошла через это. Четыре года упорного, изматывающего труда, когда моя голова была все время занята, а тело настолько утомлено, что я почти падала на кровать и тут же засыпала крепким сном без сновидений. А утром Джесси будила меня, подавая дымящуюся чашку кофе со сливками, яйцо и бренди, чтобы встретить новый день, переходящий в ночь.

Но теперь все кончено! И хотя мне пришлось научиться курить сигары, выдавая себя за мужчину, чтобы быть принятой в консервативную «Эколь де медсин», зато все признали (пусть даже скрежеща зубами), что я действительно заработала тот драгоценный кусок пергамента, который удостоверяет всему миру, что я доктор медицины. В конце концов я победила! Но почему я все время себе это повторяю, как будто мне нужно себя в чем-то убедить?

Наверное, это внезапное похолодание и дождь, которому, кажется, не будет конца, так подействовали на меня, что лихорадочное веселье сменилось депрессией. Я не сплю, хотя часы на каминной полке напоминают, что уже скоро рассветет.

Новый комплект дневников в кожаных переплетах – толстый том на каждый месяц – это подарок в дорогу от Джесси.

– Я подумала, что теперь, когда вам не нужно больше изо дня в день столько писать, вы можете вновь вернуться к привычке каллиграфическим

почерком вести дневник, как это было раньше, когда вы были еще посвободнее. Вы тогда будете помнить все, что с вами произошло, и сможете точно описать мне это в письме – а вы ведь будете мне писать, не так ли? Пожалуйста, Триста, я больше ни о чем вас не прошу!

– Ох, Джесси! Знали бы вы, как мне будет не хватать вас – моей дорогой, верной, любимой подруги! Как видите, я уже начала писать, еще будучи здесь, в этом уютном окружении, где мне все так знакомо! Я слышу недовольный тихий плач Джастин, которая проснулась голодная и мокрая и требует вашего внимания. А теперь ее плач вдруг прекратился, и я знаю, что вы только что забрали ее у няни и положили к себе в постель.

О проклятие! Да, почему бы мне не подчеркнуть это слово! Будь проклято это мое настроение и мое эгоистичное нежелание ехать к тем, кто меня любит и во мне нуждается! Я должна быть счастлива, должна радоваться при мысли, что снова увижу Калифорнию, все то, что вспоминала, к чему стремилась, когда была в Бостоне и в школе. Я снова увижу папу и смогу сама рассказать ему свои новости, увижу Мари-Клэр...

Может быть, вчера в опере мое настроение так внезапно изменилось потому, что там были граф и графиня де Мартино? Или либретто оперы и величественная музыка Вагнера, выражающая, кажется, все возможные оттенки человеческих чувств, вызвали эту меланхолию, от которой я никак не могу избавиться? Капли дождя бьются в окно и стучат по крыше, и мне кажется, что это звучат голоса, повторяющие те слова, о которых я предпочла бы забыть.

Почему воспоминания нельзя стереть так же легко, как буквы, написанные на доске? Проклятие и снова проклятие! Я так долго притворялась мужчиной, что теперь должна следить за собой, чтобы в гневе или в расстройстве у меня не вырвались гораздо худшие слова. Я попыталась заснуть, но мне это не удалось, и я решила изложить на бумаге все свои чувства и страхи. Может быть, тогда станет легче и прошлое наконец перестанет меня преследовать.

Прежде всего надо упомянуть письмо от Мари-Клэр, в котором она сообщала, как страстно желает меня видеть и до какой степени огорчена тем, что я не писала ей обо всех новостях и последних сплетнях. У нее уже двое детей, и пока на подходе нет еще одного хнычущего младенца – хотя, конечно, в ее распоряжении всегда есть няня, чтобы позаботиться о детях. Так что она совсем не чувствует себя связанной и не пропускает ничего заслуживающего внимания. У них есть в Сан-Франциско дом, и она проводит в нем большую часть времени, потому что в Сан-Франциско постоянно происходит что-нибудь интересное... «А Фернандо, конечно, все

такой же любящий и внимательный муж, который не возражает против моего участия в светской жизни, – даже если он в отъезде, или занят своей дурацкой политикой, или пребывает в компании своего друга судьи Терри. Тот убил на дуэли сенатора Бродерика, а теперь по всей Калифорнии агитирует за южан! Фернандо думает, что все земельные владения, которые янки так несправедливо отобрали, будут возвращены их законным владельцам. Конечно, после того, как война окончится (а по слухам, это должно произойти скоро) победой храбрых южан. Так как ты давно живешь в Париже, то, должно быть, слышала, что не только англичане, но и французы более чем симпатизируют южанам и скоро должны открыто поддержать их. А теперь, после того как я по просьбе Фернандо все это написала, пожалуйста, выполни мою просьбу: запомни в деталях, как теперь в Париже одеваются и какие прически носят...»

Почему я до сих пор не понимала, что за пустоголовая женщина эта Мари-Клэр? Если она не повторяет то, что ей велели передать, все ее разговоры только о себе и своей скучной светской жизни! На самом деле между нами никогда не было ничего общего, а теперь, когда я вообще привыкла держать язык за зубами, это станет совсем очевидным.

Я внезапно подумала, не удержавшись от улыбки, что могли сообщить Мари-Клэр ее отец или ее надутая мачеха. Или даже уже написали – откуда мне знать? Боюсь, что я уже стала в Париже довольно известной личностью из-за своих «смелых эскапад», как это называют любители сенсаций, – когда стало точно известно, насколько далеко я зашла, чтобы с отличием окончить лучшую медицинскую школу в Европе. А. Т. Вильяреаль, терапевт и хирург. Проклятие! Фернандо, который как будто бы стал примерным семьянином, никогда с этим не смирится – если, конечно, тетя Чэрити не постарается сгладить углы. Если бы не ее короткое, немногословное письмо, в котором сообщалось только, что папа болен и мне срочно надо быть в Калифорнии, я бы не покидала сегодня Париж на судне «Санфлауэр». Во всяком случае, сама тетя Чэрити там тоже будет. Но почему ее письмо выглядит столь загадочным? И почему на нем нет почтового штемпеля?

Нет, не стоит раньше времени беспокоиться! В любом случае теперь, когда мне исполнился двадцать один год, я должна вернуться домой, чтобы получить свое загадочное наследство, или... или проявить фамильное упрямство Вильяреалей и с презрением от него отказаться! В конце концов... И тут я вспомнила ту ночь, когда моя жизнь бесповоротно изменилась, – и свое обещание все описать, чтобы забыть. Небо за моими окнами, за черными от дождя печными трубами начинает понемногу

светлеть, а мой весело горящий в камине огонь взрывается золотистыми искрами и превращается в мрачную кучку тлеющих углей.

Столько событий и столько взрывов эмоций предшествовало этому! Я стала совсем другой. Я уже не та шестнадцатилетняя девочка, которая забавлялась тем, что ломала комедию, из чистого упрямства играя на чувствах других. Да, это неоспоримо!

Шум дождя похож на отдаленные голоса... или они все время звучат в моем сознании, требуя, чтобы их услышали, чтобы я поняла, о чем они действительно говорили в ту ночь...

– Ты, дешевая шлюха! Ты, презренное отродье своей матери! Ты спала с галантным мерзавцем только для того, чтобы все остальные женщины тебе завидовали! Разве это не так, дрянь? А? Тебе страшно или стыдно мне отвечать? Пута! Шлюха! – Руки Фернандо, вцепившиеся в мои плечи, внезапно вырвали меня из сна. Его тело давило на меня сверху, прижимая к кровати, а он продолжал шипеть мне на ухо грязные непристойности. Фернандо пресекал все мои попытки кричать или хотя бы протестовать, больно сжимая одной рукой мое горло, а другой грубо шаря под легкой шелковой сорочкой, которую я решила надеть из-за страшной жары и угнетающей влажности. – Так ты ждешь любовника? Или ты каждую ночь оставляешь дверь незапертой – для любого мужчины, который захочет попользоваться твоим телом? Сегодня, шлюха, я сам узнаю, использовали тебя или нет!

При воспоминании об этом я и сейчас начинаю дрожать и сжимаю ноги. Тогда, охваченная ужасом, я сначала беспомощно извивалась, пытаясь вырваться. Затем, почувствовав, как его пальцы глубоко и больно вонзились в меня, я застонала, как раненое животное, и, изловчившись, укусила Фернандо в плечо. Ощувив на губах вкус крови, я принялась корчиться, извиваться и биться как сумасшедшая. Я неистово кусалась и царапалась, и Фернандо уже не мог меня удержать. Он злобно выругался и отвел назад покусанную руку, чтобы меня ударить. Но тут, слава Богу, я услышала голос папы. Тонем, какого я от него никогда не слышала, он крикнул: «Фернандо!» И время, казалось, остановилось, все застыло в неподвижности. Было слышно только мое тяжелое, прерывающееся рыданиями дыхание. Папа что-то говорил Фернандо тем же ужасным тоном. Не говоря ни слова, Фернандо поднялся, вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

– О Боже! Моя маленькая Триста! Моя бедная маленькая дочка, мое родное дитя! Я... – Папа осекся, и я вспомнила, что никогда еще не видела

его плачущим. Его лицо превратилось в сплошную маску страдания. Я не могла этого выносить! Его «маленькая Триста», его родное дитя, которое папа считал невинной девственницей, совсем ею не была – как в этом только что убедился Фернандо. Я сама, терзаемая похотью, по доброй воле отдалась безжалостному незнакомцу, который...

Да будь честной хоть сама с собой, Триста! Этот человек всего лишь взял тело, которое ему бесстыдно предлагали. Какой нормальный мужчина откажется от такого предложения?

А потом – потом я сделала самое ужасное. Истерически рыдая на плече тети Чэрити, которую папа ко мне прислал, я в промежутках между всхлипываниями выболтала все, о чем должна была молчать. Я рассказывала правду, считая это неким искуплением своей вины, и вовсе не думала о том, какую боль и разочарование причиняю ей, которой и так пришлось много вынести.

Это называется перекладывать свою вину на плечи тех, кто тебя любит, чтобы они страдали вместо тебя. Как я могла так бессердечно поступить?

Должно быть, она говорила с Блейзом – собственно, я точно это знаю, – и он вскоре пришел ко мне, со все еще всклокоченными волосами и с лицом, застывшим от бешенства. Он, видимо, только что встал с постели – с чьей? – и стоял босой, заправляя рубашку в мятые панталоны. Он ворвался в мою комнату, только что не хлопнув дверью, но затем, овладев собой, аккуратно запер ее и уставился на меня горящими яростью глазами. Я сжалась, чувствуя себя так, как будто передо мной возникло бушующее пламя, грозящее меня испепелить.

Меня не обманула мягкость его тона, напоминавшего первое, предупреждающее рычание тигра, долго выслеживавшего свою жертву и перед смертоносным прыжком лишь чуть-чуть обнажившего клыки. На обнаженной груди Блейза непроизвольно подергивались мышцы.

– Ну? Что вы еще собираетесь натворить, прежде чем ваш эгоистичный, алчный умишко решит, что можно остановиться? Вы явно не настолько глупы и не пойдете на риск, требуя, чтобы я на вас женился: поскольку явно не я являюсь объектом ваших симпатий. – Его короткий, резкий смех подействовал на меня как пощечина.

Я застыла в оцепенении, не в силах защищаться от несправедливых обвинений, которые Блейз с таким презрением высказывал мне. Я могла только отрицательно качать головой, в то время как он продолжал, стараясь окончательно меня добить:

– Я ведь не просил того, что вы мне предложили с такой легкостью и с

такой готовностью! И если бы кто-то другой имел несчастье оказаться там, где вы набрали на меня... Но чего, черт возьми, вы намеревались добиться, рассказав Чэрити эту отвратительную историю? Я пришел сюда только потому, что не хочу причинять ей боль. Почему бы вам не пригласить сюда и Фарленда Эмерсона? Или вашего сводного брата, которого вы всегда так домогались, душа моя. Даже если произойдет громкий скандал, я уверен, что Мари-Клэр его переживет и будет чувствовать себя вполне довольной!

Нет, я не могу заставить себя передать на бумаге все те ужасные слова, которыми он тогда осыпал меня. Хотя я снова и снова повторяю себе: в то время я была еще почти дитя и совсем ему не пара. Тогда – не пара!

– Я... Вы льстите себе, если можете хоть на миг заподозрить, что я... Я скорее умру, вы слышите? Я скорее... – И тут я допустила последнюю, роковую ошибку. – В любом случае... в любом случае... – выкрикнула я, – Фарленд Эмерсон попросил меня... стать его женой, и я... я люблю его! А совсем не вас! Неужели, несмотря на мужское тщеславие, вы не понимаете, что нужны были мне только потому... потому что были единственным подходящим мужчиной, чтобы... чтобы избавить меня от... от этой обузы! – Затем, с вызовом подняв голову, я бросила ему в лицо: – Я рассказала об этом тете только потому, что не хочу, чтобы она стала еще одной вашей жертвой! Думаете, я не поняла, какой вы подлец? Кстати, когда вы в последний раз навязались мне, – ядовито добавила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал, – я убедилась, какой вы плохой любовник по сравнению с... с другими, с которыми я была, чтобы избавиться от воспоминаний о ваших отвратительных прикосновениях!

Лицо Блейза побелело от ярости, он повернулся и принялся молча дергать ручку. Он сломал бы ее, если бы не вспомнил, что сам запер дверь.

До сегодняшнего дня я не знаю, что заставило меня внезапно спросить Блейза, когда он распахивал дверь:

– Вы в самом деле любите ее, Блейз? Или относитесь к ней так же, как к остальным?

Уже почти выйдя, Блейз резко остановился, как будто его толкнули.

– Да! – не повернув головы, ответил он неожиданно бесстрастным голосом. – Люблю той любовью, которой вам не дано знать или понимать!

А потом... Потом я глядела в пустой дверной проем. С тех пор я не видела Блейза Давенанта. Даже на свадьбе. Даже на приеме, который через два дня устроили родители Фарленда. К тому времени я поняла: все, что действительно или только в моем воображении произошло между нами, исчезло навсегда. И никогда больше ни к одному мужчине я не буду испытывать такого сильного влечения.

Но по крайней мере – я задрожала от холода, проникшего в комнату после того, как погас огонь, – по крайней мере я попыталась немного поправить дело, сказав тете Чэрити, что Блейз признался мне в любви к ней – «даже чересчур сильной». И я увидела, что ее лицо снова обрело счастливое выражение. Тетя обняла меня и прошептала, что была очень рада узнать о том, что Фарленд – это моя настоящая и единственная любовь.

Глава 17

*Странички из дневника
В море*

С меня хватит! Лучше бы я осталась в Париже или наслаждалась сейчас красотами Андалусии и Сардинии – вместо того чтобы болтаться на корабле посреди шторма, или в очередной раз укрываться от непогоды в ближайшей гавани, или... Но к чему перечислять весь список моих огорчений? Пожалуй, я должна радоваться уже тому, что до сих пор жива, что команда не взбунтовалась и не отправила нас в крошечных спасательных шлюпках в открытое море. Этого вполне можно было ожидать, потому что наш капитан – чрезвычайно властный, грубый и неприятный тип. Он проявляет полное равнодушие и к протестам пассажиров, даже тех пассажиров, которые, подобно мне, имели глупость заплатить почти двойную стоимость за так называемое уединение в крошечной каюте под названием «одноместная каюта».

Впервые я столкнулась с этим, когда первый помощник капитана, презренный мистер Симмонс, отказался взять меня на борт.

– Я вам все сказал и не надо понапрасну тратить время! – грубо отрезал он, а его холодные глаза смотрели на меня при этом с очевидным недоброжелательством и даже... да, с презрением! И сейчас еще при воспоминании об этом мне трудно дышать от ярости. Подумать только: мне ведь пришлось смириться с подобным обращением, потому что другого выхода не было!

– На своем корабле любой капитан – бог, мисс! Он имеет право выбирать, кого берет на борт. Если бы я знал, что вы женщина – то есть прошу прощения, мисс, леди, – я бы сказал об этом раньше, когда тот джентльмен – ваш друг? – пришел покупать билет. В конце концов, мисс, я видел только вашу фамилию с инициалами. Вы не можете винить меня за то, что я подумал, что вы – джентльмен. Первый класс. Одноместная каюта. Если бы можно было что-нибудь сделать, мисс, я бы сделал, но капитан Мак-Кормик – лучший, самый опытный шкипер, так что его слово – закон! И он никогда бы не взял женщину на борт своего судна. Конечно, извините, мисс, но...

– А если бы А. Т. Вильяреаль был мужчиной – как, похоже, все считают? – Вместе с носовым платком я достала из сумочки

десятифунтовую банкноту и принялась небрежно складывать ее. По алчному блеску в глазах помощника капитана я уже поняла, каков будет результат.

– Мужчина, мисс? Ну конечно, если бы это был мужчина, как все считают... Я хочу сказать... ну... конечно, никто и не думал, что может быть иначе.

– Я уверена, что когда я сообщу доктору Вильяреалу о том, как вы мне помогли, он будет более чем щедр в своей благодарности! Спасибо вам, мистер... Симмонс, если не ошибаюсь? И поскольку было бы неуместно вас расцеловать, то позвольте пожать вам руку!

Пока Симмонс все еще переваривал слово «доктор», которое я все же не преминула вернуть, я грациозно подала ему руку – и дело было сделано! «Не позволю нарушить мои планы какому-то тупоголовому женоненавистнику-капитану», – сказала я себе. Я уже и раньше выдавала себя за мужчину, а сейчас это всего лишь на месяц или чуть больше!

Но на этот раз я не смогла себя заставить снова обрезать волосы, которые только-только отросли. Я заплетала их в две толстые косы и укладывала вокруг головы, всегда надевая поверх какую-нибудь шляпу. Кроме того, я старалась не вступать ни в какие беседы за исключением обычного вежливого обмена любезностями при встрече с пассажирами. Да и то это происходило крайне редко, поскольку почти все эти бедные создания жестоко страдали от морской болезни. Каким же образом тогда я себя выдала? А выдала несомненно: встретив взгляд холодных глаз капитана Мак-Кормика, я сразу поняла, что он знает, кто я на самом деле. Даже до того, как он приказал мне держаться подальше от мужчин – по крайней мере тех, кто служит под его началом. Мне до сих пор трудно в это поверить!

Мне все еще тяжело заставлять себя все это записывать – вместо того чтобы дать волю своему необузданному характеру. А ведь ясно, что именно этого и добивается капитан. Он только и ждет случая, чтобы продемонстрировать свою власть.

Да – именно этого он хочет. Я это точно знаю, но все еще не понимаю почему. Лучше и в самом деле держаться подальше от его команды! Единственное, что я тогда сделала, – это перевязала спину одному из моряков, которого этот дьявол приказал выпороть за какое-то незначительное нарушение или за медлительность, лающие команды Мак-Кормика все равно невозможно услышать из-за воя ветра и плеска волн. И он называет эту преднамеренную жестокость дисциплиной!

– Моряки не нуждаются в том, чтобы их баловали, им не нужна ваша

нежная забота, иначе эти грубые люди могут вообразить себе бог весть что. И я не хочу такого рода проблем! Так что попрошу вас приберечь вашу заботу для ваших друзей в Калифорнии – если вы все еще хотите их увидеть – и предоставить мне заботу о моих людях. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду? Прекрасно! Я уже попросил стюарда, чтобы еда доставлялась вам прямо в каюту. Он, конечно, позаботится обо всем, что вам нужно и за что вы заплатили! Да, еще кое-что, о чем я чуть не забыл. Завтра мы остановимся в порту Сан-Диего, чтобы пополнить запасы свежей воды, и возьмем одного или двух новых пассажиров. Я уверен, что вы, при вашем добром сердце, не станете возражать и на несколько дней разделите каюту с еще одним джентльменом – до Сан-Франциско. Ну, теперь я все сказал! Остается пожелать вам хорошо провести вечер.

И сейчас я могу мысленно воспроизвести каждое его слово. Я помню даже интонацию его голоса и насмешливый изгиб губ и как внимательно капитан наблюдал за моей реакцией на каждое его слово. Если бы я в ярости бросилась на него или, как мне отчаянно хотелось, швырнула в него каким-нибудь предметом с его же стола – о, я не сомневаюсь, что он не преминул бы использовать данную ему власть и приказал бы заковать меня в кандалы или сделать еще что-нибудь похлеще!

Как же тут не волноваться и не сердиться! Ведь мне не только ясно дали понять, что я должна оставаться в каюте и не выходить даже для того, чтобы поесть. У меня к тому же появится попутчик – естественно, мужчина, – который, несомненно, храпит и наверняка грубиян и законченный негодяй. Кого же еще мог мне в наказание подселить капитан? Я полагаю, что, поскольку он не смеет пойти настолько далеко, чтобы выпороть меня под каким-нибудь предлогом, капитан решил помучить меня другими способами. Как только он догадался, если до этого едва смотрел в мою сторону? Если бы он глядел на меня раньше, я бы это заметила... О проклятие! Сколько мне еще терпеть столь оскорбительное и несправедливое обращение?

Мы бросили якорь – всего на четыре часа, как сообщил мне до отвращения раболепный стюард, когда принес обед и две бутылки вина. Меня бесит то, как он смотрит на меня – хитро, оценивающе. Кажется, что... Но нет! Я отказываюсь дать волю воображению, иначе это может привести меня в такое состояние, что я стану легкой добычей для капитана. Мне не о чем, абсолютно не о чем беспокоиться. В конце концов я не член его команды, а пассажир первого класса и обладаю всеми привилегиями, за которые заплатила достаточно высокую цену. И самое меньшее, на что я

могу рассчитывать, – это на вежливое обращение! Он отнюдь не полубог и не восточный владыка, этот капитан Мак-Кормик – несмотря на то что он о себе думает! И я не позволю ему себя запугать!

Написав эту фразу и подчеркнув каждое слово, я почувствовала, что вновь обрела душевное равновесие. Мне даже стало почти жаль этого маленького человека, чья империя включала в себя всего лишь одно судно, к тому же принадлежащее не ему, а компании, которая его нанимает. Какая же я была дура! Как будто мне все еще шестнадцать лет. Нет, я взрослая – хотя странно, что мне всякий раз приходится напоминать себе об этом. Может быть, потому, что после долгих лет отсутствия я наконец возвращаюсь в Калифорнию? И потому я, как маленький ребенок, чувствую неуверенность в себе и боюсь того, что ждет меня впереди? Как будто... как будто...

Между прочим, после всех штормов, когда корабль в облаке пены взбирался на зеленую стену воды, а потом резко опускался, и так до бесконечности, – нынешнее легкое покачивание действует даже успокаивающе!

Итак, мы проплыли мимо Мексики! А это уже, видимо, Сан-Диего, как я предполагаю, глядя в иллюминатор. Кучка оранжевых огоньков, которые, кажется, жмутся друг к другу в надежде найти защиту от черной пустоты ночного неба, на котором видно всего несколько звезд.

Мне так хотелось бы сойти на берег! Сесть в одну из лодок и грести по направлению к этим маленьким мерцающим огням. Грести до тех пор, пока песок или камни не станут царапать дно. Тогда я выйду и побреду к берегу и к тем приключениям, которые меня там ожидают.

Те дикие импульсы, которым я без всяких раздумий уступала пять лет назад, побуждают меня сию же минуту выйти из каюты и бежать! Бежать до тех пор, пока я не прибегу туда, где могу оказаться еще более беспомощной, чем сейчас. Но слава Богу, я уже не та шестнадцатилетняя девочка. Я зрелая женщина двадцати одного года от роду, достаточно научившаяся держать себя в руках, чтобы рассуждать здраво и не совершать тех бессмысленных и нелепых поступков, которых, я уверена, от меня уже ждут.

Книга вторая
БЛЕЙЗ

Глава 18

«Больше этот поборник дисциплины меня не запугает», – думала Триста, отвернувшись от крошечного иллюминатора, чтобы не искушать себя перспективой близкого освобождения. Почему, собственно, она должна беспокоиться о своей безопасности? До прибытия в Сан-Франциско осталось всего несколько дней и ночей. Она уже придумала один хитроумный план, который, несомненно, приведет капитана в замешательство и покажет не только ему, но и всем пассажирам, как мало ее беспокоят его угрозы... Пожалуй, придумав такой план, можно позволить себе улыбнуться стюарду, который только что робко вошел в каюту, чтобы убрать посуду. К еде Триста так и не прикоснулась.

– Вы можете оставить сыр и, конечно, вино, которое капитан мне столь любезно послал! Передайте ему, пожалуйста, мою благодарность. Скажите ему также, что я с нетерпением ожидаю того джентльмена, которого он собирается поселить в мою каюту. Мне будет очень приятно снова оказаться в интеллигентном обществе, которого, к несчастью, я все это время был лишен. Конечно, капитан Мак-Кормик, с его безошибочным знанием людей, наверняка подобрал мне весьма достойного попутчика! Надеюсь, вы передадите капитану мои слова? Вы поняли меня?

Спрятав в карман фунт, который только что получил, и удивляясь улыбке и необычно самоуверенному виду молодого джентльмена, Прюитт наклонил голову и взял поднос. Руки его дрожали.

Бедный стюард занервничал еще больше, когда, переминаясь с ноги на ногу, робко постучал в дверь капитанской каюты. Боже мой! А если капитан спустит с него за это шкуру? Да нет – в чем он-то виноват? Он просто сделал все, как ему сказали!

Капитан Мак-Кормик в этот момент в последний раз окинул взглядом свое жилище, проверяя, не оставил ли этот балбес где-нибудь пыль и все ли вещи на своем месте. Черт бы побрал этих беспомощных, перепуганных дураков, которые ничего не могут сделать как следует, а только и умеют, что бормотать оправдания! Если этот идиот Прюитт не зайдет сюда перед тем, как начнется обед для пассажиров первого класса...

– Капитан, сэр, я сделал все, как вы сказали, – клянусь святой девой! Принес на подносе обед: лучший кусок мяса, горячий суп, даже кусок той рыбы, которую вчера поймал мистер Браун! Когда я вошел, он писал что-то в дневнике и лицо у него было белое. Он прямо-таки дрожал от страха, сэр!

Но когда я вернулся за подносом...

– Ну! – рывкнул Мак-Кормик и раздраженно выпятил вперед нижнюю челюсть, отчего Прюитт еще больше затрепетал. – Что ты уставился на меня, разинув рот, безмозглый кретин! Или хочешь попробовать боцманской плетки? Может, она научит тебя, как надо относиться к своим обязанностям?

– О нет, сэр! Прошу вас, сэр! Я только искал слова, чтобы поточнее рассказать вам, как было, сэр! Ну, вдруг молодой джентльмен, который раньше очень боялся и чуть не трясся от страха, повернулся ко мне от иллюминатора и... и сказал, сэр, что не хочет ничего, кроме сыра и вина, сэр! И поблагодарил вас за вино, и сказал, что он не... что он ничего не имеет против вас, сэр!

– Да? И это все?

– Н-нет, не совсем, сэр! Молодой джентльмен сказал, почти весело, что он с нетерпением ждет, когда окажется в... в интеллигентной компании, сэр! И он благодарит вас за вашу заботу... сэр!

– Да неужели? Какой пронцательный молодой человек, правда, Прюитт? А теперь ты можешь убираться отсюда и возвращаться к своим обязанностям, пока у меня не появилось искушения дать тебе хорошего пинка!

Когда Прюитт стремительно ретировался, капитан Мак-Кормик поправил фуражку с золотой тесьмой и отряхнул китель с многочисленными нашивками, говорящими о его высоком звании. На мрачном лице Мак-Кормика на мгновение промелькнуло подобие улыбки. Пусть Прюитт дурак, но он тем не менее все замечает. А сеньор Вильяреаль, несмотря на свое кажущееся безразличие, покорно сидит в своей каюте. Ждет? Ну что ж, пусть еще несколько дней подождет и пусть гадает, что будет дальше...

Пока капитан предавался этим мыслям, Триста решала, запирает ли дверь на ночь. Сначала она хотела ее запереть, но затем, пожав плечами, передумала. В конце концов она заснула с двуствольным крупнокалиберным пистолетом под подушкой (оружейный мастер в Париже заверил ее, что это «самая последняя модель») и с утешительной мыслью, что знает, как в случае необходимости им воспользоваться против любого, включая самого капитана Мак-Кормика!

Глава 19

Через некоторое время, яростно царапая пером бумагу, Триста записала в своем дневнике:

«По крайней мере я могу быть спокойна насчет одного – на меня не нападут во сне, не разбудят громким храпом и не будут докучать разговором. Фактически все, что я слышала от «попутчика», которого мне выбрал капитан Мак-Кормик, – невнятные неприличные ругательства. Он ввалился в каюту уже под утро, едва держась на ногах, и предпочел спать на полу, вместо того чтобы пытаться добрести до своей койки. Благодарение Богу, к тому времени, когда ближе к полудню я проснулась, мой «попутчик» уже исчез.

Эта отвратительная жаба Прюитт, у которого волосы такие же сальные, как и его манеры, намекнул, что любимое занятие «другого джентльмена» спаивать глупых, ничего не подозревающих мужей тех женщин, которых он собирается соблазнить. Видимо, у него такое хобби! Но по крайней мере я могу чувствовать себя в безопасности от этого Казановы... если буду сдержанной и осторожной до самого Сан-Франциско. Может быть, мне даже настолько повезет, что я вообще больше с ним не встречу! Теперь он ушел, и я получила наконец возможность доказать нашему богоподобному капитану, что он ошибается, думая, будто своими угрожающими намеками сумел меня запугать и принудить к подчинению. Я вспоминаю то, что говорил Фарленд Эмерсон, – пять лет назад или только четыре?

Ну, не важно, когда он мне это говорил, главное, что я никогда не забуду его слова: «Никогда не показывайте своего страха – даже животные чувствуют, что вы их боитесь! Вы должны, дорогая Триста, глядеть сопернику прямо в глаза и стараться его запугать... Всегда помните об этом – обязательно смотрите в глаза. Вы обнаружите, что большинство людей этого не выдерживает!»

Иногда мне кажется, что мне не хватает Фарленда в такой же степени, как и Джесси, пусть я и злюсь на него за то... за то, что его поступки прямо противоречат его собственным советам, – вот за что! Как он мог? Если он не подумал о своей жене, то мог хотя бы вспомнить о ребенке! Такой законченный циник, как Фарленд, – и пошел, подобно последнему идеалисту, сражаться за то, во что даже не верит! Джесси говорит, что его понимает, но я никогда этого не пойму. Черт побери этих мужчин с их

дурацкими, бессмысленными идеями, за которые они готовы умереть, даже зная, что ничего не изменят – даже своей смертью ничего не смогут изменить! О Боже, мне невыносима мысль, что Фарленд может сделать такую глупость – дать себя убить! Я...»

Корабль неожиданно накренился набок – очевидно, налетел шквал. Чернила разлились по всей странице, а на белой рубашке Тристы появилось пятно – на последней ее чистой рубашке.

– Проклятие! – воскликнула Триста, стараясь с помощью промокательной бумаги свести ущерб к минимуму. При этом она добавила еще несколько слов на разных языках.

– О Боже! Меня только что послал сам капитан предупредить вас, что из-за этого ветра могут быть неприятности! Какая жалость, сэр, вы ведь столько времени тратите на то, чтобы писать, – весь день и половину ночи, как я заметил! Может, я могу хоть немного помочь? Вот салфетка – ею можно вытереть пятно! И я сейчас же принесу вам новую чернильницу, сэр!

Какое счастье, что она положила промокательную бумагу поверх страницы – ведь этот скользкий маленький негодяй наверняка хотел прочесть, что она там пишет! Ну все, с нее уже более чем достаточно!

Встав, она посмотрела на несчастного Прюитта так, что он, перепугавшись, отпрянул назад. Увидев холодный взгляд этих серых глаз, Прюитт побледнел и уронил салфетку. От одного этого взгляда, вспоминал потом Прюитт, кровь может застыть в жилах!

– Что ж, спасибо, мистер Прюитт! Какое совпадение, что вы всегда оказываетесь на месте тогда, когда требуется! Но больше вы здесь не нужны, мистер Прюитт! И если вы хоть когда-нибудь еще посмеете войти в эту каюту, не постучавшись и не спросив моего разрешения, боюсь, что я могу случайно разрядить в вас свой пистолет! – Триста злобно улыбнулась, и несчастный стюард, чуть не падая, бегом устремился к двери. – Боюсь, что у меня есть довольно скверная привычка убивать всех, в кого я стреляю! – с сожалением добавила она. – Это все мой несдержанный характер: стоит мне выйти из себя, и... Вы понимаете? Ну, я вижу, что понимаете!

Когда Прюитт выбежал из каюты, с необычайной быстротой закрыв за собой дверь, Триста упала в кресло и истерически расхохоталась: «Боже мой! Я бы действительно сейчас так поступила – и без всяких колебаний. Хотя все это время сомневалась, что смогу убить человеческое существо – даже такое гнусное, никудышное создание, как Прюитт. Но кажется, это довольно легко – убить, не раздумывая...»

Корабль начало качать и бросать из стороны в сторону. Без всякой помощи машин он несся по волнам так же быстро, как клипер. Сквозь покрытый слоем морской соли иллюминатор Триста видела, как за кормой судна разлетаются клочья пены, а в борта его бьют кипящие синие волны.

Единственное, что можно сказать хорошего о капитане Мак-Кормике, нехотя признала Триста, это то, что он неплохой моряк. И сейчас, когда корабль летит по волнам, он крепко держит в своих руках штурвал и резким голосом отдает приказы несчастным, которые лазают по мачтам, опуская или поднимая паруса, и надеются, что ветер не сорвет их оттуда. Но пока капитан Мак-Кормик занят со своим драгоценным судном, а его робкие пассажиры прячутся в каютах... он даже и не заметит, что кто-то рискнул выйти на палубу. А если и заметит – какое это имеет значение?

Триста уже почти чувствовала на лице соленые поцелуи моря и слышала свист ветра в ушах. Ведьма! Вот что подумают все, кто ее увидит. Черноволосая морская ведьма, порождение ветра и волн, которое исчезнет так же внезапно, как и пена за кормой. Триста начала рыться в одной из сумок, пока не нашла плащ, который искала, – тяжелый шерстяной плащ с капюшоном. Пожалуй, это подойдет. Так она будет вполне похожа на ведьму.

Очевидно, ей удалось напугать Прюитта, который обычно ее сторожил, а из пассажиров больше никто не рискнул выйти на палубу под порывы ветра и удары волн! Триста обеими руками уцепилась за поручни, ничуть не заботясь о том, что ветер откинул с ее головы капюшон.

Даже не задумываясь над тем, зачем это делает, она поднесла руку к голове и стянула с себя шерстяную шапочку, а затем принялась вытаскивать из волос скрепляющие их заколки и шпильки. Вот! А теперь косы! Тело Тристы раскачивалось из стороны в сторону вместе с судном. Подчиняясь только инстинкту, она обеими руками расплела косы и подставила волосы ветру и соленым брызгам...

Брошенная в воду шерстяная шапочка долго летела над волнами, а затем пропала, внезапно исчезнув из виду. Хватит прятаться! Триста откинулась всем телом, снова ухватившись за поручни. Она закрыла глаза и, ни о чем не думая, целиком отдалась ощущению полета.

– Отдать шапку на волю ветра – как это символично! Неужели вы и в самом деле не призрак?

На мгновение Триста окаменела от ужаса, как будто вызвала из небытия злого духа. Нет. Нет! Как в кошмарном сне, Триста не могла сдвинуться с места, хотя все ее чувства кричали: «Беги! Беги!» На какой-то миг ей даже пришла в голову дикая мысль перелезть через поручни и

броситься в морские волны – уж лучше так, чем это! Немного придя в себя, Триста заставила себя надеть на голову капюшон, закрыв лицо. Но прижимавшееся к ней тело излучало тепло, которое, казалось, прожигало ей кожу, распространяясь внутри, как лесной пожар. Рука мужчины крепко держала ее, и Триста со страхом почувствовала, что растворяется в нем – так же, как и он растворяется в ней, проникая в каждую клеточку ее тела. Триста откинула назад голову и издала нечленораздельный, почти животный крик.

– Боже! А я-то представлял себе, что... – услышала она удивленный голос. Мужчина резко развернул ее к себе и поцеловал. Его поцелуй был одновременно грубым и несмелым, жадным и нежным – всем, чем только может быть поцелуй.

Триста потом не могла вспомнить, каким образом ей удалось вырваться из его объятий и бежать – бежать без оглядки, бежать так, как будто за ней гнались все демоны ада.

Он не стал ее преследовать. Должно быть, Триста пробежала через всю палубу, пока пришла в себя настолько, чтобы найти свою каюту и стремглав влететь в нее. Захлопнув и заперев за собой дверь, она в изнеможении упала на свою узкую койку.

«Не хочу ничего знать!» – не говорило, а кричало ее сознание. Она наверняка все придумала. Это совершенно невозможно. Как в «Демонелюбовнике» – поэме, которую она когда-то читала... Она даже не видела его лица – если оно у него вообще было! Но тем не менее не сказала ни слова... Как же она могла? И он тоже не сделал ни малейшей попытки ее догнать – это мог быть просто один из матросов, потом испугавшийся собственной смелости. Ну конечно! А теперь, когда отвага его покинула, бедняга мучается от беспокойства, ожидая, когда таинственная леди в плаще с капюшоном пожалуется капитану!

В плаще! Она ведь потеряла свой плащ. Бешеный порыв ветра сдул его с плеч, когда Триста мчалась по скользкой палубе. Тогда она едва обратила на это внимание. Собственно, это и сейчас не имеет большого значения. Пусть плащ вслед за шапочкой станет жертвой, принесенной ветру и волнам! Жертвой Посейдону, древнему богу моря, в обмен на его защиту. Но от чего? Или хуже того – от кого?

Нет! Она уже позволила своему воображению зайти слишком далеко. С таким же успехом можно представить, что она вызвала самого Посейдона! «Отдать шапку на волю ветра», – так, кажется, он сказал...

Больше она не будет об этом думать – по крайней мере сейчас. По крайней мере до тех пор, пока не снимет мокрую одежду и не высушит

волосы, сказала себе Триста, когда ее начал пробирать озноб. Не хватало только простудиться или даже подхватить пневмонию!

Естественно, соленые брызги испортили одежду, но Триста была в таком состоянии, что не обращала на это внимания. Она ее пока куда-нибудь сложит. Рубашка намочла и липла к коже, ясно обрисовывая груди с выдававшимися сосками. Сидя все время в каюте, Триста не заботилась о том, чтобы их плотно перебинтовывать. «Ну по крайней мере я не натолкнулась на капитана! – с содроганием подумала она. – Что бы он тогда сделал? А Прюитт? Он, вероятно, завизжал бы от страха и пустился бежать от ужасного призрака с развевающимися по ветру волосами! В тот момент я действительно была похожа на ведьму!»

Состроив себе гримасу в зеркале, Триста попыталась привести в порядок растрепанную ветром прическу. Все еще мокрые волосы никак не поддавались. Все-таки надо было их снова подстричь! Потому что...

Потому что тогда они не вились бы и не кружились вокруг головы, привлекая к ней внимание, – и не били бы по лицу, не лезли бы в глаза, так... Так что на несколько минут она ослепла и перестала воспринимать окружающий мир, поддавшись той дикой, неукротимой стороне своей натуры, о существовании которой уже почти забыла. До сегодняшнего дня, когда мужчина, который мог быть кем угодно – незнакомцем, которого она и в глаза не видела, – подошел к ней и обхватил сзади, заставив ощутить твердость своей плоти. А потом он развернул ее и поцеловал так, что она – о Боже! – почувствовала, будто он уже в ней. А потом все смел вихрь ощущений и наступила слабость – как тогда, когда Блейз...

Триста резко отвернулась от зеркала, в которое, оказывается, до сих пор смотрела невидящим взглядом. Она злилась на себя за то, что вновь вспомнила о прошлом, казалось, прочно забытом, – осталось разве что смутное воспоминание о допущенной слабости, которую нужно не допускать впредь. Конечно, это не мог быть Блейз Давенант. Прошло уже пять лет, и потом – как он может оказаться здесь, на этом корабле? То, что случилось сегодня, всего лишь естественная реакция на напряжение, в котором Триста пребывала в течение всех этих злосчастных недель. А сейчас оно достигло кульминации. Ведь она буквально заключена в этой крохотной каюте, где негде даже повернуться или вытянуть ноги.

И еще капитан Мак-Кормик с его холодным взглядом, который рад поиграть в кошки-мышки с испуганной жертвой – как по крайней мере он считает! Да, лучше думать о мести капитану и о том удовольствии, которое она от этого получит, чем размышлять о собственных глупостях, подумала Триста. И принялась снова заплетать в косы непокорные волосы, внезапно

вспомнив о том, что противный Прюитт может в любой момент постучать в дверь, чтобы спросить, какие блюда «молодой джентльмен» предпочтет сегодня на ужин. Что он подумает, когда узнает, что «молодой джентльмен» ничего не хочет, кроме нескольких кружек дымящегося гоголь-моголя с добавлением большого количества коньяка? Ну разве что сначала тарелку супа, чтобы заполнить желудок. В конце концов, врач вправе сам себя лечить. Во всяком случае, сегодня вечером, когда ее мысли устремляются в каком-то странном, нежелательном направлении, найти забвение в алкоголе кажется вполне оправданным. Пусть даже на следующее утро голова будет тяжелой! Так думала Триста, выдвигая себе все новые аргументы необходимости напиться до бесчувствия. Так напиться, чтобы не сознавать, что делаешь, и не заботиться ни о чем!

Глава 20

Мистер Прюитт потом говорил, что он всегда что-то подозревал насчет этой молодой особы. И важно откашливался, готовясь рассказать свою историю – но предварительно убедившись, что поблизости нет капитана Мак-Кормика. За всю свою жизнь Прюитт никогда ничего подобного не видел и не слышал. Капитан был вне себя от гнева – а сделать ничего не мог! Да, наверное, за эти дни всем несчастным матросикам пришлось отведать плетки или получить пинка, что еще хуже, потому что капитанский ботинок может попасть куда угодно. Даже если ты ни в чем не виноват.

– Три порции гоголь-моголя, в которых было больше коньяка, чем молока и яиц! А потом еще коньяк и еще один гоголь-моголь с ромом, потому что я не нашел больше коньяка и не хотел просить кэпа выделить немного из его личных запасов. Откуда мне было знать, что потом произойдет? Бог ты мой, я сначала подумал, что у меня видения! Я пошел убираться и вместо молодого джентльмена, валяющегося на постели в стельку пьяным, нашел только его одежду! Наверное, он напился до того, что прыгнул за борт, подумал я и побежал в столовую, чтобы сразу доложить кэпу, а там... Тут-то я все и увидел! Какие у них у всех были лица – рты открыты, а глаза... Они смотрели так, будто увидели привидение. Даже... – Прежде чем продолжать, Прюитт в этом месте всегда понижал голос и пугливо осматривался по сторонам. – Даже у самого кэпа! Единственный, кто был спокоен и не казался удивленным, – это джентльмен с французской фамилией, который сел в Сан-Диего. Он только с улыбкой, от которой кровь стынет в жилах, продолжал пить вино и смотрел на нее – и все! А эта наглая, лживая потаскуха, одетая в блестящее модное платье, которое открывало почти всю грудь, руки и плечи – откровенно говоря, ни одна порядочная женщина не рискнет в этом показаться на людях, – она, естественно, совершенно пьяная, сначала просто стояла и смеялась, а потом... потом она сказала...

Вот что невинным тоном произнесла Триста после того, как перестала смеяться:

– О, прекрасно! Я надеюсь, что не слишком опоздала на обед! – И снова принялась неудержимо хохотать. Да, представление удалось на славу! Она впервые вышла (ну может быть, немного покачиваясь) на сцену, чтобы сыграть роль самой себя, и смотри-ка, как все захвачены – включая

капитана!

А капитан – как, должно быть, он злится на то, что его одурачили! Ну что ж, так ему и надо! Ведь этот чересчур рьяный поборник дисциплины пытался запугать Тристу своими угрозами и приказами. Как будто она относится к числу его несчастных рабов, которых он с наслаждением порет под любым предлогом – просто чтобы лишний раз продемонстрировать свою абсолютную власть! Если бы у нее сейчас перед глазами все так не расплывалось, то она просто наслаждалась бы выражением бешенства на лице капитана.

Сам виноват: ведь это из-за его идиотских придиорок ей снова пришлось изображать мужчину! Никто из присутствующих пока так ничего и не сказал, тем более не предложил стул. Они ведь должны понимать, что она чувствует некоторое головокружение... А кто это там аплодирует? Почему бы этому единственному ценителю ее таланта не пододвинуть ей стул? Может, они вообразили, что она одна из тех, кто любит одеваться в мужское платье, но отнюдь не принадлежит к женщинам? Может, если она им докажет...

– Вы что, мне не верите? Но я могу вам все показать – хотите?

– Думаю, что этого достаточно! – внезапно взорвался Блейз Давенант. Придя в совершенно необъяснимую ярость, он как буря пронесся по комнате и больно схватил Тристу за руки.

Триста как раз уже собиралась порвать тугой лиф платья, чтобы доказать всем, что она действительно женщина – у нее есть груди! В следующее мгновение она покачнулась и упала. Последнее, что помнила Триста, – это ощущение, что ее подхватила и понесла в море гигантская волна; а еще звук чересчур хорошо знакомого ненавистного голоса, который все звучал и отдавался эхом в ее голове до тех пор, пока все не поглотила темнота.

– Я сам о ней позабочусь! – коротко бросил через плечо Блейз, протискивая в дверь ее сразу обмякшее тело. Ответа он не ждал и скрылся, едва не задев вовремя отпрянувшего в сторону Прюитта.

А теперь ее, вероятно, вырвет прямо на него. Вот глупая девка! Вероятно, она напилась, чтобы лишний раз продемонстрировать свои груди любому, кто захочет на них смотреть, и уж наверняка не в первый раз! Если бы у него было достаточно здравого смысла, следовало бы выбросить ее за борт. И если бы он мог отказать себе в удовольствии рассказать ей о том, какой распоследней шлюхой она стала.

Блейз яростно выругался, заставив себя остановиться на полпути в каюту Тристы, чтобы перегнуть ее через перила. Пусть ее вырвет. Она

заслужила, мрачно подумал Блейз, чтобы ее как следует вырвало. Приподняв голову Тристы за волосы, он почувствовал искушение оторвать их вместе со скальпом. К несчастью, в этом отвратительно пьяном состоянии она вряд ли вообще что-нибудь почувствует, тем более вряд ли услышит те обличительные речи, которые Блейз так страстно желал обрушить на нее! Тем не менее он тут же высказал все, что думал о Тристе и о ее полном пренебрежении моралью:

– Черт тебя побери, ты, пьяная дрянь! Интересно, чему же ты научилась за последние пять лет, кроме того, чтобы устраивать спектакли! Если ты сейчас же не перестанешь вертеться, я надаю тебе по твоей ведьминской физиономии – клянусь Богом! Ты меня слышишь? Вот проклятие!

К тому времени, когда Блейзу удалось протиснуть ее в дверь каюты вместе с этими нелепыми кринолиновыми юбками, он чувствовал себя так, будто взобрался на чрезвычайно крутую горную вершину. Он злился на себя за то, что сейчас не сдержался, а также сожалел о том, что не остался спокойно сидеть на своем стуле и наслаждаться зрелищем, которым эта проститутка собиралась всех одарить.

Игнорируя протестующие стоны, Блейз безжалостно бросил Тристу на незастеленную, смятую кровать и зажег одну из ламп, предварительно заперев дверь. Триста полулежала на узкой койке, не приспособленной к фижмам и кринолину, и продолжала постанывать, напоминая Блейзу больного котенка. Будь она проклята – неужели она собирается простонать так всю ночь, лишая его вполне заслуженного отдыха? Глядя на Тристу, Блейз не мог удержаться от усмешки. Хоть она и дрянь, но явно неглупа! Одурачила всех, включая капитана Мак-Кормика, заставив их поверить, что она и в самом деле молодой человек. Это с ее-то круглым, соблазнительным задом, таким восхитительно упругим в его руках? Изображая напыщенного юнца, она, должно быть, привлекала внимание тех, кто предпочитает мальчиков. Сказал же кто-то не далее как сегодня вечером, многозначительно при этом подмигнув, что ему предстоит жить в одной каюте с «последним увлечением капитана Мак-Кормика»! Неужели она могла зайти так далеко? Когда она сегодня появилась на сцене, бессмысленно смеясь, а затем прислонилась к косяку, чтобы удержаться на ногах, на лице капитана были явно написаны ярость и разочарование. Да нет, лениво подумал Блейз, пожалуй, вряд ли. И вообще его это совершенно не касается!

Позднее Блейз говорил себе, что поступил так только потому, что это племянница Чэрити и, кроме того, она внезапно показалась ему такой

уязвимой, как будто ей всего шестнадцать лет. И неустанно стремящейся все испытать, напомнил он себе, злясь на свою слабость. Он ведь дошел до того, что намочил свой чистый платок водой из графина, стоящего на умывальнике, и принялся протирать ее потное лицо. Он грубо тер его, не обращая внимания на невнятные протесты Тристы, и ее побелевшие губы и щеки немного порозовели. И только потому, что она так неровно дышала, Блейз раздел ее. Бормоча ругательства, он возился с бесчисленными крючками и пуговицами, криво повязанными лентами, гадая про себя, зачем женщины позволяют заключать себя в такие нелепые, похожие на клетки устройства. Ведь это же какая-то модернизированная версия средневекового пояса целомудрия! Хотя, мрачно подумал он, наконец освободив Тристу, некоторые женщины в таких вещах нуждаются!

Блейз обнаружил, что Триста явно не относится к тем, кто надевает на себя лишь самое необходимое. Он чувствовал себя так, будто разворачивает рождественский подарок, – сначала снял платье, потом несколько слоев юбок и, наконец, расстегнул тугой корсет, оставивший красные полосы на слишком бледной коже Тристы. Никакого белья! Нет даже кружевных панталонов, которые большинство женщин носят из соображений приличия. Вероятно, в своих постоянных поисках удовольствий она считает нижнее белье ненужной помехой!

Каждую деталь туалета Блейз бросал к противоположной стене, где они образовали беспорядочную кучу. Когда она сможет наконец продрать глаза, пусть все это разбирает! Мрачно глядя на Тристу, Блейз не мог заставить себя отвести взгляд от ее тела. Он думал о том, сколько мужчин видели его и скольким была дана возможность его трогать и использовать для собственного – и ее тоже – удовольствия. Так же поступал и сам Блейз в те времена, которые сейчас казались очень далекими. Триста лежала на животе, одна нога свешивалась с койки. Чтобы она не упала, Блейз грубо перевернул ее на спину, затем, не задумываясь над тем, зачем это делает, потянулся за одеялом, чтобы прикрыть ее наготу. Действительно, зачем? В конце концов, судя по тому, как Триста себя вела до сих пор... Проклятие! Вот теперь она лежит, раскинув ноги, как дешевая портовая шлюха, и даже не делает инстинктивных попыток их сдвинуть... Нет ни малейших сомнений, что такова она была и с другими – ноги с готовностью раздвинуты, соски твердые от возбуждения, черное облако волос раскинулось на подушке, а серебристые глаза ведьмы потемнели от похоти, приняв оловянный оттенок.

Но сколько их было? Заботило ли ее, кто они, или ей нужно было только одно – чтобы удовлетворили ее ненасытное желание? Какое, к

дьяволу, ему до этого дело? Испытывая отвращение к самому себе за то, что он вдруг снова ее захотел, Блейз натянул одеяло до самого горла Тристы. Повернувшись спиной, он начал с яростью раздеваться, обрывая непослушными пальцами половину пуговиц. Внезапно Блейза осенила одна идея, и он надолго застыл с циничной улыбкой на губах. Он подумал о том, что некоторые ее любовники должны были бы увидеть ее такой, как сейчас, еще более доступной, чем обычно, – когда она лежит здесь совершенно пьяная, ко всему готовая маленькая шлюха! Возможно, она и сама должна увидеть себя в таком состоянии!

А почему бы нет? Может быть, когда она протрезвеет, то даже испытает что-то вроде шока, увидев себя такой на рисунке. Нет, на этот раз он сделает не просто рисунки, он напишет большой портрет маслом и выставит его! Эта дрянь вполне такого заслуживает. Все еще кипит от гнева, Блейз сорвал с нее одеяло, сделал свет лампы поярче и стал наносить на бумагу каждый изгиб ее тела, каждую линию повернутого набок лица – все, кроме темного шелковистого треугольника, резко выделяющегося между ног...

Нет, черт возьми, это не для него! Даже если единственный способ избавиться от колдовских чар – лишить ее бессмертия, нарисовав непристойную картину.

Глава 21

– Сначала я встречусь с тем джентльменом, а затем, когда с ним закончу, – с этим созданием. Клянусь Богом, я не потерплю, чтобы на моем корабле промышляли проститутки и чтобы мои пассажиры и команда погружались в пучину разврата! Ты меня понимаешь, Прюитт? Хорошо! Потому что именно тебе предстоит точно передать мои слова мистеру Давенанту и этой... этой твари, которая столь бесстыдно выдавала себя за respectable молодого джентльмена, доктора всяческих наук! Ну, у меня есть полное право... Убирайся с моих глаз, ты, отвратительный слизняк! Чего ты здесь стоишь, мерзавец?

Прюитт, запуганный почти до невменяемости, был только рад возможности исчезнуть с глаз капитана и не видеть перед собой его багрово-красного лица с угрожающе набухшими венами. Ему и раньше случалось наблюдать капитана Мак-Кормика в гневе, но в таком состоянии полного бешенства тот еще не был никогда. Вдобавок капитан, как грозное оружие, сжимал в руках Библию в тяжелом переплете. «Господи Иисусе!» – думал Прюитт, переходя на бег. Лучше уж пусть пострадает эта грязная, лживая шлюха, чем он, который ни в чем не виноват! Теперь, когда Прюитт узнал о ее истинной сущности, он почти сожалел, что не вкусил ее прелестей, которые она так легко предлагает любому, судя по ее развязным манерам. Может быть, пока этот ее новый приятель-джентльмен будет объясняться с капитаном, Прюитту удастся ее попробовать? Он ведь утащил у нее тот маленький пистолет, которым эта лживая потаскуха вряд ли знает, как пользоваться! Ну а после того, как он ее поймет – при этой мысли Прюитт плотоядно улыбнулся и облизал пересохшие губы, – эта сучка, возможно, пожалеет о том, что вообще села на корабль!

Искренняя радость по поводу неприятностей других и желание использовать ситуацию к своей выгоде придали Прюитту храбрости. Дверь в каюту, как он скоро обнаружил, была не только закрыта, но и заперта. Ага! Прошло ведь уже больше двух часов с тех пор, как они ушли вдвоем! Прюитт был столь поглощен сладострастными картинками, которые рисовало ему воображение, что потерял всякую осторожность. Он небрежно постучал, тут же открыл своим ключом замок и быстро распахнул дверь.

Потом Прюитт говорил себе, что должен был вспомнить свои первые впечатления об этом «джентльмене-художнике». Смуглый, с суровым

лицом, выражением глаз напоминает какого-то злобного зверя, поджидающего добычу. Но, вскоре после того как он оказался на корабле вместе со своим другом-испанцем, этот джентльмен стал совсем другим человеком – рисовал то да се, заигрывал с женщинами, так что даже капитан стал обращаться с ним с плохо скрываемым презрением.

Можно ли было представить себе, что, передавая сообщение капитана, он едва не расстанется с жизнью? И за что – всего лишь за то, что выполнял свой долг!

– Он на меня прямо-таки набросился, вот как! Я едва успел открыть дверь – по приказанию капитана, конечно. Откуда мне было знать, что так все обернется?..

Единственное, что потом мог вспомнить Прюитт, – это сильную боль и неудержимые рвотные позывы. А откуда-то сверху доносился голос, который с притворным сожалением сообщил, что Прюитт должен обязательно спрашивать разрешения, прежде чем входить в чужую каюту, иначе это может быть для него очень опасно.

– Скажите спасибо, мистер Прюитт, что вы остались живы! Чтобы пережить все войны и революции и продолжать посылать редактору свои рисунки, мне пришлось многому научиться. Обычно я сразу убиваю – без всяких лишних вопросов. Надеюсь, у вас есть достаточно веские основания для вторжения?

Когда Прюитт смог отдышаться и немного прийти в себя, он с радостью унес оттуда ноги, надеясь только, что не слишком скоро понадобится капитану. А уж что там произойдет между капитаном Мак-Кормиком и этим удивительным мистером Давенантом – об этом он предпочел бы не знать!

Триста, погруженная во внезапно поглотившее ее забытие, вовсе не ведала о том, что происходит вокруг. Она спала, не сознавая того, что спит, не зная, где она, какой сейчас день и час и как она сюда попала. Постепенно выплывая из своих странных, неясных снов, Триста все еще была отрешена от реальности. Ее сознание желало оставаться в небытии, в то время как чувства начинали функционировать сами по себе, инстинктивно реагируя на происходящее.

Полузабытое, непривычное ощущение теплоты, тяжесть на ноге, не дающая перевернуться с бока на спину...

Сны относились к тем временам и событиям, которые Тристе почти удалось забыть. Неясные видения медленно всплывали из глубин сознания, взрываясь быстро сменяющимися яркими образами.

Болотная вода, Остров и Старуха, предупреждавшая ее о том, о чем нет необходимости говорить вслух:

– В тебе есть молодая сила, которая может дать тебе то, чего, как тебе может показаться, ты хочешь. Но всегда старайся помнить, что это ощущение силы обманчиво; когда ты используешь ее в своих целях, то она сама использует тебя...

Слова расходились все дальше и дальше, как круги на черно-зеленой воде бездонного колодца, вбирая в себя все цвета и оттенки цветов, так что вскоре Триста была частью всего и была всем. Центром водоворота и расходящимися кругами, поднимающимися из пучин болота волнами и вздымающимся до небес пламенем... Внезапно ей стало страшно. Слишком темной казалась тьма и слишком ярким свет. И то и другое подтачивало ее силы – и Триста отчаянно стремилась бежать, бежать! Но в то же время ее собственные ощущения не пускали ее – ее ощущения и...

– А-а-а! Нет, нет!

– Что «нет»? Черт побери, да перестаньте же орать и успокойтесь! Как вы мне уже надоели! Вы меня слышите?

«Может быть, это еще один кошмар?» – подумала Триста. Или это действительно он поднялся из той адской бездны, в которой ему самое место? О Боже, она ведь совершенно голая – как и он, между прочим. Так что же делает Блейз Давенант в ее постели? Господи, почему у нее в голове такое смятение, что она никак толком не очнется и даже не может ничего вспомнить!

Ему не следует говорить с ней таким покровительственным, самодовольным тоном!

– Так-то лучше! – сказал Блейз. – А поскольку у вас – что совершенно естественно! – болит голова, то ложитесь и поспите еще. Мы причалим к берегу через несколько часов.

Несмотря на то что ее голова действительно болела так, как будто по ней колотили чем-то тяжелым, Триста почувствовала, как у нее внутри все закипает от ярости.

– Вы, вы подонок! Вы подлый хам! Как вы посмели воспользоваться тем, что я спала? Видимо, это единственный способ сделать так, чтобы женщина не отвергла ваши... ваши гнусные притязания! О Господи! Если бы только у меня под рукой был пистолет или нож, я бы... я бы...

Больше всего Тресту бесило то, что негодяй спокойно повернулся на спину и закинул руки за голову, реагируя на ее слова лишь усмешкой и только изредка приподнимая одну бровь – когда ругательство было особенно смачным. Любого, кто сохранил хотя бы ничтожные остатки

нравственности, эта брань хоть немного привела бы в смущение, но только не его! И более того, когда Триста на секунду замолчала, переводя дыхание, этот мерзавец рассмеялся ей в лицо! Это уже было просто нестерпимо!

– Подонок! Я... я готова вас убить! – И Триста принялась молотить кулаками по его голой груди, чтобы только стереть гнусную ухмылку с ненавистного лица Блейза. Но тут ее внезапно схватили за руки с такой силой, что ей ничего не оставалось, кроме как упасть на Блейза сверху. Лицо его находилось всего в нескольких сантиметрах от ее лица, а ее руки были разведены далеко в обе стороны. Беспомощно распростершись на его обнаженном теле, Триста чуть не плакала от бешенства.

– Ну и ну! – зло процедил Блейз. – Значит, все по-старому? Однако, душа моя, вам можно было и не заходить так далеко, чтобы пробудить мою память. Достаточно было просто попросить меня, как вы это делали раньше, притом так очаровательно! Неужели вы думаете, что я обо всем забыл?

– О Боже, как вы отвратительны! Мне следовало помнить об этом! Вы столь развратны, так низки, что наверняка изнасиловали меня, пока я спала. Наверное, вы проникли сюда с помощью подкупа – я ничему не удивлюсь! Вы – вы заставили этого слизняка-стюарда подмешать мне наркотики! А кто меня раздел? Что еще тут случилось, пока я... пока я...

Триста закричала, когда Блейз внезапно, без предупреждения, рывком перекатил ее на спину и придавил так, что она едва не задохнулась.

– Что еще? – сквозь зубы процедил он. – И вы еще спрашиваете, развратная пьяная девка! Наверное, это я заставил вас выпить до потери сознания, а потом выставлять напоказ свои груди – так, как сейчас, – перед всеми, кто находился в столовой! Впечатление было такое, что вы рекламируете свой товар, чтобы за него дали наивысшую цену. А потом, должен добавить, вас рвало, и если бы я не был настолько глуп, что стал вас удерживать, то вы свалились бы за борт – и слава Богу! Господи Иисусе! Сколько неприятностей вы мне доставили, пока лежали здесь в пьяном забытьи! И позвольте мне сказать вам – нет, молчите, пока я не закончу, я вас уже выслушал, – что вы стали самой настоящей шлюхой! Пусть я не дал вам выпасть за борт, но мне нужно было позволить Прюитту или капитану Мак-Кормику вас поиметь – хотя капитану могло прийти в голову наказать вас за внезапную смену пола! Черт побери, да любой мужчина на этом корабле мог переспать с вами, а вы об этом даже бы и не узнали! – Не давая Тристe возможности возразить на эти резкие слова, Блейз коротко хохотнул, и смех его был похож на рычание, и добавил: – Портовые шлюхи, особенно пьяные, меня не привлекают, и единственная

причина, по которой я разделяю с вами постель, – это то, что вы разлили на мою полбутылки рома или вина, а я не люблю спать на насквозь промокших простынях! Это-то хоть дошло до ваших пропитанных алкоголем мозгов?

– Нет, нет – вы лжете, лжете! Вы думаете, я вам хоть столечко поверила? Вы просто пытаетесь возложить на меня вину за ваше... за ваше...

Почувствовав, что Блейз зашевелился, Триста решила, что он без лишних церемоний собирается ее покинуть. Но он только протянул руку, чтобы поднять несколько плотных листов... Увидев, что он держит в руках, Триста почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица. Так вот какой он ее увидел – грязной шлюхой! Рот раскрыт, ноги раздвинуты... «О Боже, нет! Он все это придумал... это не я! Он...» И тут Триста вспомнила те, другие рисунки, которые были вполне реалистичны. Но эти – эти просто ужасны! Неужели он действительно увидел ее такой? Да, именно он поцеловал ее тогда на палубе – сейчас Триста была в этом совершенно убеждена. И прошлой ночью он не испытывал к ней физического влечения – теперь, когда Триста увидела рисунки, она могла сказать об этом с уверенностью. Так почему бы ему сейчас не уйти, оставив ее один на один со своим унижением? Только бы не вести себя как совершенная идиотка и не расплакаться!

Глядя на побледневшее лицо Тристы, на ее по-детски закрытые глаза, Блейз против своего желания начал чувствовать себя тем самым низким развратником, каким она его назвала. Проклятие! Ведь он только хотел преподать ей урок. И если бы она проявила хоть малейшие признаки раскаяния, а не стала вместо этого во всем обвинять его, Блейз скорее всего замолчал бы. А теперь у нее такой убитый, подавленный вид, как будто он нанес ей смертельный удар! И какого дьявола...

Боже, как он ненавидит хнычущих баб! Особенно таких хитрых сучек, которые притворяются, будто сдерживают слезы, позволяя лишь одной несчастной слезинке скатиться по щеке... Черт побери! Теперь он точно знает, что она ведьма, – иначе его не обманула бы ее игра. Он бы не чувствовал, что хочет ее утешить, что снова хочет ее, – несмотря на то что в мозгу раздаются сигналы тревоги, несмотря на все то, что он о ней знает или о чем догадывается! Несмотря ни на что! Блейз вполголоса выругался. Теперь, когда он доказал свою правоту, пусть ее мучает совесть!

Но тем не менее Блейз наклонил голову и очень нежно поцеловал закрытые глаза Тристы, а потом эту чертову одинокую слезинку, которая еще не успела сбежать с ее лица. Почувствовав на губах вкус соли, он

повернул к себе голову Тристы и принялся целовать ее холодные, дрожащие губы до тех пор, пока они не потеплели, не раскрылись и из них не вылетел протяжный вздох.

Некоторое время Блейз только целовал ее. Медленно перемещаясь, он досконально исследовал строение и форму ее рта – каждую из губ, их уголки, крошечную впадинку над верхней губой. Потом он принялся целовать мокрые щеки Тристы, ее все еще закрытые глаза, виски с крохотными пульсирующими венами, затем шею, чувствуя, как внезапно участилось ее дыхание, стала быстрее биться жилка на ее горле.

Если она скажет хоть слово, даже пошевелится – все очарование исчезнет! В этот миг Триста не хотела ни о чем думать. Не стоит гадать, как и почему все вдруг изменилось. Они знают друг друга, помнят, что нужно сделать, чтобы доставить партнеру удовольствие, как будто всегда были любовниками... Только не думать ни о чем!

Тело Блейза двигалось очень медленно, а губы продолжали исследовать ее тело – его возвышенности, впадины, пики... Триста застонала, выгнулась и утопила свои пальцы в его волосах. Ищущие губы и язык Блейза уже дотронулись до всех самых сокровенных уголков ее тела, и Тристе казалось, что она вот-вот умрет от наслаждения. Уткнувшись лицом в его плечо, она дрожала и всхлипывала. Голос Тристы поднялся почти до крика, когда Блейз вошел в нее и застыл, чувствуя, как внутри волнами поднимаются и опадают волны напряжения. Очень медленно, очень осторожно он начал двигаться, не переставая покрывать ее лицо и грудь нежными короткими поцелуями. И Триста почувствовала, как откуда-то из глубины поднимается странное ощущение. Все ее тело, ее кожа запылала огнем. Но Тристу не заботило, сгорит ли она сейчас или умрет. В этот миг, когда Блейз принадлежал ей, а она ему, желание превратило их в одно существо и все остальное не имело значения.

Внезапно Триста почувствовала, как тело Блейза содрогнулось. Но она не отпустила его, а, наоборот, глубже вобрала в себя, снова и снова сжимая. Триста услышала его хрипкое дыхание, и, вместо того чтобы покинуть ее тело, Блейз продвинулся еще глубже внутрь. Оставаясь единым целым, они бесконечно долго лежали без движения, тесно прижимаясь друг к другу.

Но, как это обычно бывает, сон, длившийся, казалось бы, целую вечность, на самом деле занимает считанные секунды. Вы просыпаетесь утром, моргая со сна, смотрите на часы – и это становится совершенно ясно! Должно быть, она снова заснула, говорила себе Триста; и может быть, ей действительно только приснилось то, что она будто бы пережила. Единственное, что можно утверждать наверняка – нравится ей это или

нет, – но придется некоторое время терпеть присутствие Блейза Давенанта. Кстати, он уже постарался заверить, что ее общество будет ему тоже не слишком-то приятно.

Если у кого-то из них и были надежды – так только у нее, и то призрачные. Сначала он оскорбил ее, как только мог, а потом – наверняка потому, что Триста поставила под сомнение его мужские достоинства, – очень искусно совратил. Это лишний раз доказывает, какой он интриган. И в будущем ей надо быть крайне осторожной. Укладывая немногие вещи, Триста почти сожалела о том, что не может больше выдавать себя за мужчину. Она ненавидела платье, которое он велел ей сегодня надеть. Без всяких церемоний Блейз заявил, что после «вчерашнего представления» ей нужно выглядеть «скромно». Конечно, по его мнению, это значит, что она должна выглядеть как гувернантка. Хорошо еще, что Триста не взяла с собой платье из черного бомбазина, иначе ей, несомненно, пришлось бы облачиться в него: сей наряд как раз удовлетворяет его странные представления о приличиях!

Это платье было серым. Продавщица тогда умиленно всплеснула руками:

– Оно так подходит к цвету глаз мадемуазель! Оно просто идеально для покупок и утренних приемов...

Триста скорчила рожу своему отражению в зеркале. Серый шелк напоминает о военной форме. На плечах и рукавах темно-серая окантовка, белый воротник поддерживает гордо поднятую шею. И спереди серебряные пуговицы до самого низа...

Вспыхнув от гнева, Триста вспомнила, как Блейз, криво улыбаясь и вызывающе приподняв бровь, произнес:

– Эти красивые блестящие пуговицы – они ведь очень удобны, не правда ли, любовь моя?

– Черт побери, я совсем не ваша любовь! И оставьте мои пуговицы в покое – и меня вместе с ними! Более того... – Однако похоже, что он никогда не даст ей договорить.

– Ради Бога, давайте не будем снова устраивать очередное представление! – раздраженно прервал ее Блейз. – Поверьте: и вам, и вашим пуговицам с моей стороны ничего не угрожает... – Тут негодяй остановился и, гнусно усмехнувшись, добавил: – По крайней мере сейчас! – А потом ушел, оставив ее упаковывать не только свои, но и его вещи. На прощание Блейз нанес удар ниже пояса, еще раз напомнив о том, что она может выбирать между его сомнительным обществом с Сан-Франциско в придачу и капитаном Мак-Кормиком, его стальным взглядом

и намерениями кое-что с ней сделать.

Не желая больше думать об этом, Триста резко отвернулась от зеркала. Она вполне верила тому, о чем с присущей ему непомерной грубостью сообщил Блейз, и неудивительно, что ей теперь никак не удавалось унять дрожь. Нет! Даже отправиться в Сан-Франциско вместе с Блейзом Давенантом, несомненно, лучше, чем быть отданной на милость капитана. Лучше известное зло, чем неизвестное, думала Триста, не предполагая, что настанет день, когда она решит, что ошиблась.

Глава 22

Никогда в жизни Блейз Давенант не был так взбешен. И все из-за нее! Когда он впервые встретил Тристу, ему сразу бросилась в глаза ее безумная самоуверенность. Блейзу пришлось тогда несколько раз напоминать себе, что она еще ребенок, которому многому нужно научиться. А затем она сделала так, что он возжелал ее, – сначала неожиданно предложила ему себя, потом очаровала недюжинными ученическими способностями. Да, она всему училась быстро, иначе как бы смогла окончить один из ведущих европейских университетов с дипломом доктора медицины?

Блейз считал, что приобрел по отношению к ней иммунитет. Но когда он увидел Тристу одну на палубе, в плаще, с развевающимися по ветру волосами... Она походила на фигуру, какими викинги украшали нос своего корабля. И что-то против воли толкнуло Блейза к ней, заставив сначала только прикоснуться, чтобы убедиться, что это не сон, а затем повернуть к себе и целовать до тех пор, пока не наступит неизбежная капитуляция. Враг отступил – Триста вырвалась от него и побежала, как охваченное страхом животное, даже не заметив потери плаща. Она до сих пор не знает, что Блейз его подхватил и спас. Этакая туфелька Золушки! Правда, сейчас она отнюдь не невинная Золушка, и единственное, что между ними общего, – это взаимное вожделение. И ничего больше!

Когда Блейз возвращался в каюту, которую ему пришлось разделить с Тристой, он был в отвратительном настроении. Он злился и на нее, и на себя. На себя – за то, что уступил своим джентльменским привычкам (в существование которых, между прочим, Триста вообще не верила) и спас ее от последствий, к которым могло привести ее безрассудное поведение вчера вечером. Капитан, вероятно, заставил бы ее очень дорого заплатить за обман, тем более что дураком его выставили публично. У Тристы начисто отсутствует здравый смысл – да и у самого Блейза тоже, раз он так размяк из-за нескольких слезинок, пролитых от жалости к себе!

– Какого дьявола вы теперь-то запираете дверь? Пока вы тут лежали мертвецки пьяная, все, кому это было нужно, могли отпереть ее ключом Прюитта и сделать с вами все, что хотели.

Впустив Блейза в каюту, Триста демонстративно повернулась к нему спиной, но теперь она резко обернулась, окатив Блейза ледяным взглядом серых глаз. Губы ее были твердо сжаты.

– Боюсь, что дверь сама захлопнулась, когда я спала. А что касается

второй части вашей сентенции, сомневаюсь, что кто-то еще мог воспользоваться моим «беспамятством», в то время как вы уже им всюду пользовались, что и поспешили мне доказать! Причем полагаю, что, после того как вы вдоволь этим развлеклись, воспользовавшись моим беспомощным состоянием, вы вполне способны были развлечься еще больше, пригласив друзей и знакомых разделить с вами удовольствие!

Хотя Блейз не проронил ни слова, по его стиснутым губам и изменившемуся лицу Триста поняла, что, возможно, зашла слишком далеко. Но, несмотря на это, она выдержала его взгляд, ожидая, что сейчас вот-вот полетят искры, а затем с намеренно безразличным видом пожалала плечами и отвернулась – якобы для того, чтобы проверить, хорошо ли заперты чемоданы.

– Но после драки кулаками не машут. По крайней мере теперь я знаю, что мне не следует слишком много пить на пустой желудок. Мы еще не подошли к Сан-Франциско?

Триста чувствовала, что Блейз дышит ей в затылок и готов растерзать ее в любую секунду – особенно если она сделает глупость и повернется. «Чего-то я не понимаю! – внезапно подумала Триста. – Почему я всегда чувствую его, даже тогда, когда он ко мне не прикасается? Или, не поворачивая головы, могу ощутить, что он находится рядом со мной?»

Когда Триста произносила свою намеренно провокационную речь, Блейзу стоило огромных усилий сдержаться. А когда она посмела повернуться к нему спиной и через плечо снисходительно закончить свою тираду, Блейз чуть было не поступил с ней так, как она того заслуживает и как она, очевидно, ожидала, – как с дешевой шлюхой! Нужно было треснуть ее несколько раз, а потом заставить заниматься любовью – так, чтобы он лежал на спине и только говорил, что она должна сделать. И без всяких дурацких нежностей!

На это Блейз не отважился, но он решил избавить себя от раздражающего присутствия Тристы. Надо сейчас же, ни слова не говоря, уйти, оставив ее решать те проблемы, которые она сама себе создала – неблагодарная дрянь!

– Сколько еще осталось? – нетерпеливо повторила Триста, делая вид, что ее не беспокоит злое молчание Блейза. Все еще не смея обернуться, она пыталась что-нибудь разглядеть через покрытый солью иллюминатор.

– Я думаю, часа три-четыре, – холодно ответил Блейз. – Это если ветер не утихнет. Однако, пока еще светло, моя дорогая, нам стоило бы выйти на палубу прогуляться и посмотреть на закат солнца. Я уверен, что вам не

повредит свежий воздух, особенно после пребывания в этой норе – и, как я слышал, даже не первый день. Печально, что вы дали повод нашему капитану держать вас в заточении, хотя ваше счастье, пожалуй, что он не заковал вас в кандалы! Так что, идем?

У нее не было никакого выбора. Собственно, Блейз практически заставил сопровождать его. Они мучительно медленно прогуливались вдоль всей палубы – туда и обратно. Фланируя с Блейзом под руку (с отвращением, как гневно прошипела ему на ухо Триста), она была вынуждена выдерживать пристальные взгляды и многозначительные перешептывания леди, а также смущенное покашливание и плохо скрытые ухмылки джентльменов. Все они, очевидно, были свидетелями того представления, которое она вчера устроила.

Триста была готова провалиться сквозь палубу или выпрыгнуть за борт. Как может даже такой негодяй, как Блейз Давенант, быть настолько жестоким и бессердечным, чтобы заставлять ее терпеть подобные мучения? И более того, он время от времени наклоняет к ней голову и шепчет с притворной нежностью:

– Поднимите голову повыше и улыбайтесь, черт побери! Вы свалили дурака и теперь должны всех их провести – слышите? Слегка улыбнитесь – вот так. В конце концов, вы же всегда были неплохой актрисой, ведь правда? Так смотрите правде в лицо, а не прячьте голову в песок, душа моя! Держите себя понаглее. Это единственный способ спасти хотя бы какие-то остатки репутации. Заставьте их недоумевать – ведите себя так, как будто ничего не случилось...

Самым худшим унижением для Тристы было сознавать, что Блейз прав. Любой ценой она должна держаться гордо, демонстрировать безразличие, игнорировать взгляды любопытных глаз, а тем более мнение о ней их обладателей.

Блейз не преминул напомнить: если она сама не особенно заботится о том, что скажут люди, ей все же нужно считаться с репутацией своей семьи, ведь большинство пассажиров тоже будут выходить в Сан-Франциско.

– И должен вам сказать, что некоторые из присутствовавших джентльменов шепнули мне, что вы хорошо известны, разумеется, в женском обличье, как знаменитая парижская куртизанка, чье расположение могли купить только богатейшие люди Европы. А несчастные дураки дрались из-за вас на дуэлях!

– В самом деле? Даже не знаю, следует ли мне радоваться подобным слухам или оскорбляться! – Триста каким-то образом сумела безразлично

пожать плечами.

Она нехотя признала, что гораздо легче с вызовом смотреть в это непроницаемое лицо, чем заставить себя поглядеть на другие лица, выражение которых она легко могла себе представить. Лучше знакомый дьявол... или нет? Тристе внезапно пришло в голову, что она делает глупость. В самом деле, что ей могут сделать капитан да и любой другой? Особенно теперь, когда она отбросила маскировку и все знают ее истинный пол. То, что думают о ней и ее нравственности (или ее отсутствии), на самом деле не имеет большого значения. А то, что она женщина, даже обеспечивает ей некоторую неприкосновенность. Во всяком случае, Триста уже устала прогуливаться из одного конца палубы в другой в качестве наказания за грехи, которых вовсе не совершала! Если из них двоих кто-то действительно грешник и лицемер – так это Блейз. Этот мерзавец уже не раз пользовался ее слабостью!

Триста внезапно остановилась на полпути, напомнив Блейзу заупрямившегося мула. В таком случае помогает только одно средство... До сих пор Блейзу каким-то чудом удавалось сохранять самообладание. Но если она будет продолжать...

– Я пере... – начала Триста, одновременно пытаясь вырвать руку. Но в этот момент перед ними появился капитан Мак-Кормик. Его тонкие губы были сложены в некое подобие улыбки, плохо сочетавшейся с ледяным выражением глаз.

– А! Вот и наша преступница, если так можно выразиться! Как я уже говорил вашему мужу, мадам, я и в самом деле крайне раздражен. Своей шалостью – вы говорите, это было пари, мистер Давенант? – вы всех повергли в смущение. Ваше счастье, мадам, что муж так хорошо вас понимает!

«Муж! Как он подчеркнул это слово! Нет, то есть почему муж?»

– Дорогой капитан Мак-Кормик! – услышала Триста голос Блейза, как всегда, когда это было ему нужно, мастерски изображавшего южный акцент. – Я очень надеюсь, дорогой сэр, что маленькая эскапада моей жены останется между нами. – Он повернулся к Тристе, которая буквально застыла на месте, и пожал плечами, при этом больно стиснув ей руку. – Прощу прощения, душенька, но после твоей шалости мне пришлось во всем сознаться нашему доброму капитану, а также некоторым из удивленных пассажиров. Конечно, только затем, чтобы никто не мог превратно понять тебя, моя любовь, или неправильно истолковать цель тех маленьких спектаклей, которые ты так любишь устраивать, чтобы заставить меня ревновать! И этот дьявольский замысел тебе всегда

удается! – Пользуясь тем, что Триста до сих пор пребывала в шоке, Блейз оборвительно ей улыбнулся и укоризненно добавил: – Однако, моя драгоценная, не было никакой необходимости от меня сбегать! В конце концов, разве я не обещал оставить всех своих любовниц, если только ты будешь следовать моим наставлениям и станешь такой, какой бы я хотел видеть идеальную женщину?

Триста почувствовала, что кровь прилила к ее лицу. Не веря своим ушам, она внимала укоризненным словам Блейза. Несколько раз Триста пыталась заговорить, но звуки застревали в горле. Было невыносимо слушать эту ложь, эти бесстыдные насмешки! О, если бы она могла отплатить Блейзу, доказав, что он для нее не более чем случайный партнер, которого она не принимает всерьез...

Зачем он вообще сказал капитану, что они женаты? Тем более что Блейз не скрывает, насколько она ему не нравится – почти до такой же степени, как и он ей. Она прекрасно может сама о себе позаботиться. Но встретившись с ледяным взглядом капитана Мак-Кормика, Триста почувствовала, как холодок пробежал у нее по спине, мгновенно остудив вспыхнувший гнев.

Не задумываясь о том, что делает, она крепче ухватилась за руку Блейза и теснее прижалась к нему всем телом – так, будто искала у него утешения или защиты.

«Да какая разница, что она там чувствует или делает вид, что чувствует!» – с бешенством подумал Блейз несколько секунд спустя. Оказывается, капитан Мак-Кормик еще не закончил, и Блейз, не веря своим ушам, прослушал продолжение, сохраняя на лице наигранно-веселое выражение. Вот это да! Надо было сразу понять, что капитан так легко не сдастся. Особенно если его одурачили и расстроили его планы, а ведь очень многие о них знали или догадывались.

Из-за какого-то идиотского благородства Блейз вчера объявил, что эта маленькая шлюха – его сбежавшая жена. И капитану ничего не оставалось, как принять это заявление на веру. По крайней мере так казалось до сих пор. Из-за собственной глупости или из-за застарелого нелепого чувства вины перед этой дрянью Блейз попал в ловушку. А ведь на самом деле сучка, находясь в течке, просто предложила себя первому попавшемуся самцу! И почему только это был не Фернандо?

К несчастью, из создавшейся нелепой ситуации теперь не было выхода, разве что признать, что он солгал. А Блейз не собирался сознаваться ни в чем подобном. Тем более перед капитаном Мак-Кормиком, который не понравился ему с первого взгляда и которого Блейз невзлюбил

еще больше, когда кое-что о нем узнал.

Да, он попал в ловушку! Где же им с Тристой взять свидетельство о браке? А проклятый капитан тут как тут.

– В конце концов теперь, когда вы воссоединились с вашей женой, вам вовсе не повредит, если я выполню на борту корабля вторую брачную церемонию. Это не только напомнит вам обоим о ваших супружеских обязательствах, но и положит конец тем вопросам и – позвольте мне быть откровенным – нехорошим домыслам, которые гуляют среди пассажиров. Ведь вы не хотите, чтобы они распространились в Сан-Франциско или еще дальше?

Глаза Тристы только слегка расширились – и все. Серебристые глаза ведьмы, лишь отражающие свет, в глубину которых нельзя заглянуть. Вот сейчас она как раз могла бы что-нибудь сказать – не важно что – и дать им возможность сорваться с крючка. Это ее обязанность как женщины. Но она ничего не говорила, а только стояла, прислонившись к нему, как будто превратилась в статую. И только смотрела на него, и Блейз почувствовал, что время остановилось, а он все глубже проваливается в эти неведомые бездонные глубины.

– Мадам, я надеюсь, вы не возражаете против такой небольшой символической церемонии? – послышался еле слышимый голос капитана. Но глаза его оставались холодными как лед и в то же время жгли, как пылающие угли.

Что, черт возьми, с ней случилось? Она ведь всегда была готова дать отпор, так почему же сейчас она не может вымолвить и слова?

– Ну, моя любовь? Я знаю, что тебе будет неприятна церемония, которая вновь наложит на нас надоевшие узы, но...

Он дал ей возможность ускользнуть. Теперь ее очередь, думал Блейз, с волнением ожидая ее реплики. Но когда Триста заговорила, ее слова оказались совершенно неожиданными.

– Надоевшие? О, нет! Неужели ты полагаешь, что я могу так расценивать наш союз – особенно после того как ты приложил столько усилий, разыскивая меня? Тебе разве не кажется, что это чрезвычайно романтическая идея?

Глава 23

Откуда было знать Тристе, во что она встречается, произнося эти слова? Она-то хотела лишь досадить Блейзу и, может быть, преподать ему урок!

Триста была совершенно уверена, что он в конце концов как-нибудь выкрутится из той неловкой ситуации, в которой они оказались. Ведь до сих Блейзу это всегда удавалось! Конечно, он найдет выход, а до тех пор пусть прочувствует, что значит, когда тебя загоняют в угол!

Триста так думала до тех пор, пока внезапно не оказалось, что уже слишком поздно. Невозможное случилось. Все произошло как в плохом сне, когда после пробуждения вздыхаешь с облегчением. «Да, это просто кошмар!» – твердила себе Триста во время короткой церемонии, которую проводил мрачный капитан Мак-Кормик. На ней присутствовали все пассажиры и большая часть команды. И только услышав нестройные одобрительные возгласы, Триста поняла, что капитан действительно провозгласил их мужем и женой. Саркастическим тоном он тут же добавил, что теперь, когда они получили одобрение и благословение всех пассажиров, новобрачный может поцеловать свою супругу.

Дальше все было как в тумане. Блейз поцеловал ее с нескрываемой жадностью – да, это она помнит. И еще Триста помнит, как он пригнул ее чуть не до пола, как будто они были совершенно одни. А потом кто-то – кажется, его друг, с которым Блейз вместе садился на корабль, сеньор Куэвас – потребовал шампанского, и, конечно, самого лучшего! И еще она при каждом тосте осушала свой бокал – или каждый раз бросала его за борт?

Позднее Триста мало что могла вспомнить – какие-то лица и голоса, хаотично всплывавшие в памяти даже после того огромного количества шампанского, которое ей пришлось выпить.

Тристе казалось, что ее буквально вынесли с корабля. Да, точно, она пыталась освободиться, а ей сказали, что если она будет продолжать, то ее попросту бросят в воду. А там она может сколько угодно плавать, барахтаться или даже тонуть. Хитрая пьяная шлюшка с извращенным чувством юмора этого вполне заслужила!

– А вы все так же несправедливы и безрассудны, как обычно! Обвиняете меня в том, в чем сами виноваты. Это все из-за вашего вмешательства и из-за глупого мужского тщеславия. Как же – вам надо было публично заявить о своих правах собственности на меня, раз

обнаружилось, что вы оказались в одной каюте с женщиной и притом знакомой!

– Надо же, какая энергичная молодая дама! Какой вызов для мужчин, а, мой друг? Даже – гм! – я бы сказал, постоянный вызов и целая серия сюрпризов в придачу. Возможно, это как раз то, чего мы ищем в женщине, особенно если учесть... Нет, я не смею больше ничего говорить! Я уже узнаю это опасное выражение на вашем лице. Уверю вас, что больше не скажу ни одного слова!

Сеньор Куэвас лукаво подмигнул ей, но Триста уже и без этого решила, что он славный человек. И джентльмен, несмотря на то что плохо умеет выбирать друзей. По крайней мере он обращается с Тристой как с леди, хотя Блейз только что сунул ее приятелю в руки, как надоевший багаж. «Нет, скорее просто швырнул!» – со злостью подумала Триста.

– А теперь, после того как вы высказались, мой друг, надеюсь, вам легче будет перенести те сюрпризы, которые жизнь преподносит энергичным молодым женщинам. Я же постараюсь успокоить вашего обезумевшего братца, который уже, наверно, убил бы меня, если бы его не держала под руку хорошенькая жена. Черт возьми! Следовало ожидать чего-то подобного!

– Ну, вам не стоит... – возмущенно начала Триста слегка заплетающимся языком. Но тут сквозь алкогольный туман до нее начало кое-что доходить. Поморгав глазами, она обнаружила, что глядит прямо в разъяренное лицо Фернандо.

Не просто разъяренное. Нет, на нем была написана открытая ненависть. Чувствуя, как по спине пробежал холодок, Триста невольно зажмурилась. «Нет, я не должна бояться... я не дам себя запугать... я чувствую в себе силы...» Старые, старые слова – такие же старые, как болото, которое существует вечно.

Она услышала, как Блейз туманно объясняет, что вынужден был «спасти репутацию Тристы». Как еще мог поступить джентльмен-южанин, если он несколько ночей провел в одной каюте с молодым человеком, о котором позднее все узнали, что тот на самом деле женщина? Сладкоречивый, лицемерный подонок! Сейчас она им скажет, что ей наплевать на свою репутацию, от которой благодаря Блейзу остались одни воспоминания!

Бедный сеньор Куэвас, совершенно не понимавший происходящего, вдруг обнаружил у себя на руках некую мегеру. Нетвердым голосом она объявила, что выцарапает ему глаза, если он немедленно не опустит ее на землю.

– Надеюсь, моя дорогая, что свежий воздух немного проветрил вам мозги и вы теперь можете самостоятельно держаться на ногах и не падать? Я уверен, что Фернандо и Мари-Клэр уже и так шокированы. Не стоит разыгрывать здесь очередной спектакль, тем более что на нас смотрят наши бывшие попутчики.

– Вы... вы... – Пока Триста подбирала слова, которые были бы достаточно выразительны и в то же время обидны, она обнаружила, что уже стоит на твердой почве. Бедный сеньор Куэвас только что поставил Тресту на ноги, но, задохнувшись в жарких объятиях Мари-Клэр, она снова чуть не потеряла равновесия.

– О Триста! О дорогая, как ты могла? Здесь ведь не Франция и нужно помнить, что люди здесь очень любят сплетничать, особенно когда... О Господи, какая же я эгоистичная дура! Я ведь только хотела сказать, что я очень рада твоему приезду. Ты непременно должна обо всем мне рассказать...

– Сегодня мы будем ночевать в «Лик-Хаусе», поскольку последний дилижанс на Монтеррей уже ушел, – сдержанно сказал Фернандо. – Мари-Клэр, дорогая, может быть, вам с Тристой будет удобнее подождать в карете, пока мы с мистером Давенантом займемся ее багажом?

Ничего не поделаешь! Мари-Клэр уже обнимала Тресту за талию, забрасывая ее бесконечным потоком вопросов, на которые, правда, не давала ответить. «Ну и черт с ним!» – со злостью подумала Триста, увлекаемая прочь тропическим штормом по имени Мари-Клэр. Ей так и не дали возможности высказать Блейзу все, что она о нем думает. Глаза Тресты метали громы и молнии, но Блейз только подчеркнуто вежливо поклонился, насмешливо улыбнулся и вновь переключился на Фернандо, который прилагал громадные усилия, чтобы быть сдержанным.

Фернандо знал, что вокруг слишком много любопытных глаз, поэтому дать сейчас волю своему гневу – значит вызвать ненужные толки. Ну ничего – когда он застанет эту дешевую шлюшку одну, он преподаст ей такой урок, которого она всю жизнь не забудет! Сука! Похотливая, как ее мать, и такая же лживая. Что же касается этого Давенанта... то почему он так часто оказывается рядом с Тристой? И что-то он слишком много говорит – за что, видимо, Эрардо Куэвас его и любит. Ну ладно, посмотрим! Ведь ни Блейз Давенант, который якобы «спасал» Тресту, ни сама она не знают того, что знает Фернандо: ее настоящий муж приехал в отпуск в Сан-Франциско и остановился в том же самом отеле!

Перебирая в уме возникшие перспективы, Фернандо стал почти любезным. Развод из-за супружеской измены, погубленная репутация, и

Триста – падшая женщина. Тогда она с благодарностью ухватится за любую возможность выйти замуж или хотя бы намек на это – что и требуется! Да, придется рассказать майору Фарленду Эмерсону (разумеется, нехотя рассказать!) обо всем, что его жена делала в Париже и на корабле, который доставил ее сюда. Для человека чести не останется иного выбора, кроме как развестись с женщиной, столь открыто ему изменявшей. Нет, для такого темпераментного южанина, как Эмерсон, нет другого выхода – особенно когда начнут распространяться слухи и под угрозой окажется его доброе имя. И тогда!.. О да, у Фернандо множество планов в отношении этой путы, его сводной сестры. Ее вызывающий вид, свидетельствующий о готовности предаться любому виду порока.

– А как ваш падре, Нандо? – спросил Эрардо Куэвас. Его озабоченный тон вернул Фернандо к действительности. – Надеюсь, ему уже лучше? Ваша сестра очень беспокоится о нем...

– Да? Боюсь, что иногда она очень странно выражает свое беспокойство! – В голосе Фернандо звучала непонятная резкость, заставившая сеньора Куэваса задуматься об отношениях брата и сестры. Ревность? Или что-нибудь еще?

– Прошу прощения, если я позволил себе бестактность, – быстро сказал Куэвас. – Ваш отец, он не...

– Нет, нет, мой отец еще жив, но он при смерти. Доктора, наблюдавшие его, говорят, что ничего нельзя сделать... только положиться на милость Господа. – Затем, явно прилагая усилия, чтобы овладеть собой, Фернандо сжал руку старого знакомого и сказал в своей обычной, несколько саркастической манере: – Вы-то ни в чем не виноваты. Откуда вы могли об этом знать? А теперь, когда моя сестра-врач соизволила вернуться, может быть, она найдет какие-то новые способы облегчить боль, которая его постоянно мучит! И вообще – давайте сейчас не будем говорить о грустном!

В этот момент Блейз Давенант отправился за своим багажом, с мученическим вздохом заявив, что ему придется забрать и багаж своей «жены» («Думаю, будет немного странно, если я получу свои вещи и не заберу те, которые принадлежат ей!»).

Обратившись к Куэвасу, Фернандо понизил голос, предварительно оглядевшись по сторонам и убедившись, что их не подслушивают:

– Сегодня вечером собрание в «Белла-Унион». Конечно, в отдельной комнате наверху. Вам это может быть интересно или, переехав в Мексику, вы перестали интересоваться политикой? Кстати, какая необходимость привела вас сюда?

– Я приехал, чтобы уладить дела с наследством моего дяди Исидирио. После его смерти, как пишет моя тетка, некоторые английские семьи заявили свои права на лучшие участки ранчо. Так что... – Эрардо воздел руки ладонями вверх и пожал плечами. – Но может быть, – осторожно добавил он, – поскольку мне надо прийти в себя после качки на этом проклятом корабле, стоило бы перед отъездом на ранчо немного поиграть в карты, немного развлечься и получить урок политики?

– Мой друг, мне совсем не нравится чувствовать себя своего рода предателем, – извиняющимся тоном говорил Эрардо Куэвас Блейзу, когда они оказались одни в номере гостиницы. – Я знаю Нандо с детства, хотя мы никогда не были особенно близки, но в то же время... он сказал мне, что судья Дэвид Терри из Верховного суда позаботится о том, чтобы мою тетку больше не беспокоили. Думаете, это тот самый судья Терри, который, как говорят...

– Не просто говорят, мой дорогой Эрардо. Это именно тот человек, который вызвал на дуэль сенатора Соединенных Штатов Бродерика и убил его – и притом сумел выкрутиться! Он лидер тайных сторонников южан, или Рыцарей Золотого круга, как они себя называют, в этих местах.

Блейз Давенант покончил с багажом и подошел к шкафу, чтобы налить себе бурбона.

– Хотите, Эрардо? Или вы предпочитаете текилу?

– Грасиас! Текилу, если можно. Даже без соли и лимона. Но я не стану дожидаться еще одного вашего укоризненного взгляда. Я сразу признаюсь, что я уже согласился пойти на это проклятое собрание. Мне хочется составить собственное мнение об этих так называемых рыцарях и о том, можно ли их принимать всерьез. Это все очень смахивает на школьное тайное общество, амиго! Но должен признаться, что сегодня ночью я скорее предпочел бы разделить постель с какой-нибудь милой женщиной, чем с вами! – Сеньор Куэвас осушил бокал и со стуком поставил его на стол. – А вы?

– Я? Наверное, я лягу спать. Меня-то не приглашали ни на какие собрания, и я не так уж много спал последние несколько ночей. Может быть, после обеда немного поиграю в карты – «Белла Унион», вы говорите? И может быть, сделаю наброски, которые я должен на этой неделе отправить в «Лесли» и «Харперс уикли». – В ответ на недоверчивый взгляд друга Блейз мягко улыбнулся.

«Почему же я не спросил у него о том, правда ли, что его «жена» уже замужем?» – думал Эрардо Куэвас.

Да нет, Блейз Давенант не тот человек, кому можно задавать подобные

вопросы. Несмотря на его временами даже фатоватую и кроткую внешность (когда он желает таким себя показать), Блейз, если его потревожить, может быть так же опасен, как свернувшаяся в клубок гремучая змея.

И все же, знает ли Триста, за кого она вышла замуж? Если, конечно, считать, что они действительно женаты!

Глава 24

– Ты не возражаешь, Триста, если я заберу с собой Консуэлу? Без ее помощи я не смогу справиться со всеми этими корсетами и юбками, а у тебя есть Фарленд, который поможет тебе раздеться. Какое счастье, что у тебя такой чуткий, все понимающий муж! А Фернандо стал просто ужасно ревнивым и очень редко бывает дома из-за своих бесконечных собраний... – Голос Мари-Клэр осекся, она подавила зевок. – Но мы еще поговорим завтра, пока ты будешь собираться в Монтеррей, не правда ли? – добавила она, пытаясь придать своему голосу бодрый оттенок. – Ты наверняка тоже очень устала. Ты прямо-таки осунулась, бедное дитя. Еще бы – сначала это фальшивое замужество, а потом – Бог ты мой! – случайная встреча с настоящим мужем. О небо, что это был за вечер! Признаться, я рада, что он закончился и я могу прилечь! Должно быть, пройдут века, прежде чем Фернандо вернется, так что я успею как следует отдохнуть!

Мари-Клэр наклонилась и чмокнула Тристу в щеку.

– Ну, спокойной ночи! Фарленд, должно быть, ждет не дождется, когда сможет подняться к тебе! – сонным голосом пробормотала она, не замечая зловещего молчания, которым давняя подруга встретила поток ее слов. Именно в этот момент Триста окончательно поняла, что у нее нет ничего общего с Мари-Клэр – и никогда не было!

И в самом деле, что за вечер! Тристе очень хотелось с силой хлопнуть дверью, перебудив всех, кто спит в соседних комнатах. Хотя вряд ли кто-нибудь уже лег в столь ранний час, избегнув искушения предаться удовольствиям ночной жизни Сан-Франциско. Сама Триста тоже предпочла бы куда-нибудь пойти – в оперу или даже в знаменитый «Белла Унион», где имеется (как заметил Блейзу за обедом сеньор Куэвас) кабаре с очень смелыми номерами. И ее – всего на несколько часов – «муж» удалился, небрежно пояснив, что пошел делать зарисовки лучших и худших салунов и театров Сан-Франциско.

Уходя, Блейз ухмыльнулся и, отвесив шуточный поклон, пожелал Фарленду приятно и продуктивно (что именно это бесчувственное животное имело в виду?) провести ночь. Затем он простился со всеми и ушел, в то время как остальные мужчины продолжали курить сигары и пить портвейн.

– Как я его ненавижу! – громко воскликнула Триста. Тогда, за столом, ей очень хотелось треснуть Блейза по ухмыляющейся физиономии.

– В сложившихся обстоятельствах я сделал все, что мог, все, что джентльмен посчитал бы своим долгом! Ведь получилось неплохо – разве нет, Эрардо? Хотя ваше предложение вынести Тристу с корабля, пожалуй, было уже лишним. Конечно, это очень романтично, но довольно тяжело! Прошу прощения, Фарленд!

Значит, он просил прощения? Она еще и в самом деле заставит его извиняться! Пробормотав непристойное французское ругательство, Триста швырнула через всю комнату свой ридикюль, едва не разбив лампу.

Она ненавидела Блейза Давенанта и злилась на Фарленда Эмерсона, ее якобы «настоящего» мужа. Черт его принес в вестибюль «Лик-Хауса»! Хотя, по совести говоря, он никак не мог предполагать, что его так называемая «жена» только что прибыла из Европы и собирается ночевать в том же самом отеле. Несправедливость в основном заключалась в том, что Блейз Давенант наткнулся на Фарленда первым и подготовил его к встрече. А вот она была застигнута врасплох.

Шок от неожиданной встречи с Фарлендом разогнал тот алкогольный туман, который до сих пор позволял Тристе безучастно воспринимать язвительные замечания Фернандо и притворное сочувствие Мари-Клэр по поводу ее не совсем трезвого состояния.

– Боюсь, что это был единственный выход – устроить фарс с бракосочетанием в присутствии перешептывающихся пассажиров и капитана...

– Если бы мой друг Эрардо Куэвас не рассказал мне обо всем и не заверил, что этот так называемый брак был вам фактически навязан, я бы ни за что не поверил в такой вздор! – Голос Фернандо был полон едва сдерживаемого гнева и чего-то еще, что Триста в своем взвинченном состоянии не могла определить. – Твоя репутация – или то, что от нее осталось после столь откровенного пренебрежения приличиями, – могла быть окончательно подорвана. Наверное, даже до тебя дошли все возможные последствия подобного безрассудного поведения! И если тебя, как обычно, не интересует мнение других, то хоть немного позаботься о чувствах тех, кто тебе якобы дорог! Здесь Калифорния, а не Париж или Рим, и богемные привычки твоих друзей могут вызвать, мягко выражаясь, недоумение.

– О Фернандо, любовь моя, я уверена, что Триста очень-очень сожалеет. Но разве ты не видишь, что сейчас она чувствует себя не совсем хорошо? Сначала дай ей отдохнуть, и, я уверена, она сможет все объяснить... разве не так, дорогой?

– Со мной все в порядке. Просто я выпила слишком много

шампанского, чтобы... чтобы заставить себя молчать! И я не считаю, что должна кому-то давать объяснения, – так что, если вы ожидаете, что я буду пытаться вымолить прощение... Извини, Фернандо, но я не стану этого делать – по крайней мере по отношению к тебе! Тем более что ты уже вынес мне и обвинительное заключение, и приговор! Умоляю тебя: думай что хочешь, но только помолчи!

В общем, поездка от порта до гостиницы оказалась не очень приятной. Мари-Клэр пыталась успокоить Фернандо и заставить замолчать Тристу. Мрачная атмосфера ничуть не разрядилась, когда их карету обогнал шикарный английский фаэтон, которым твердой рукой правила столь же шикарная блондинка. Проехав мимо, она насмешливо помахала им рукой.

А это еще кто? Она, кажется, тебя знает – та дешевая пуль,^[6] которая нас сейчас чуть не перевернула? – Когда Мари-Клэр злилась или ревновала, она переходила на французский. – Она тебе знакома, да? С ней ехали твой друг Эрардо Куэвас и наш общий любимец Блейз Давенант! Что ты об этом думаешь, Триста? Несомненно, это ее сегодняшние клиенты! Ты тоже собираешься вечером поразвлечься, Фернандо? Это и есть твое собрание?

– Разве я не говорил уже, что тебе не пристало быть такой ревнивой, милая женушка? А что касается твоих нелепых подозрений – уверяю тебя, эту женщину я не знаю! Возможно, это одна из многочисленных подружек Эрардо: ему всегда нравились хорошенькие девицы, которые играют в карты, он же сам игрок. А теперь оставим эту тему!

Так, значит, это все-таки был Блейз! Несомненно, они с сеньором Куэвасом собираются насладиться всем, что может предложить Сан-Франциско. Ее же сначала силком выдали замуж, а через несколько часов выбросили как ненужную вещь! И теперь ей приходится выслушивать напыщенные проповеди и ненужные советы. Будь прокляты все мужчины! И почему она только сама не родилась мужчиной со всеми сопутствующими тому привилегиями?

«Это несправедливо! – возмущенно думала Триста. – Почему я тоже не могу немного развлечься? Мой дорогой братец Фернандо обвинил меня в гораздо худших грехах – и этот лицемерный подонок, за которого мне пришлось выйти замуж, тоже! Я должна... О, с какой радостью я тогда посмотрю на их лица! А почему бы и нет?»

Триста в возбуждении бросилась лицом вниз на узкую кровать. Многочисленные одежды и похожий на клетку криолин, которые приходилось надевать, чтобы не отставать от моды, нестерпимо мешали. Триста едва могла дышать. Одежда тянула ее вниз, в глубь зеленых вод, легкие заполнялись и заполнялись болотной водой... и вот Триста уже сама

стала частью вечного болота и всего, что оно дарит и что отбирает.

Несколько секунд Триста лежала без движения, слыша как бы со стороны собственное тяжелое дыхание. Пот лился градом по ее лицу и груди. Затем она принялась лихорадочно расстегивать высокий тесный воротник. Крошечные черные пуговицы разлетались во всех направлениях, усыпая пышный ковер. Они были пришиты по всей длине туго застегнутого лифа – до самой талии, – и Триста торопливо срывала их, стремясь освободиться и вдохнуть наконец полной грудью.

Покончив с пуговицами, Триста принялась расправляться с другими помехами. Она судорожно сдирала новое платье, множество шелковых, в кружевах, нижних юбок и, наконец, ненавистную железную клетку – нелепую конструкцию под названием кринолин. Больше она никогда его не наденет, пусть даже прослывет оставшей от моды!

Будьте прокляты также все корсеты, которые впиваются в тело и не дают вздохнуть. Зачем женщины доставляют себе такие неудобства лишь для того, чтобы по моде нелепо выглядеть? Если бы только можно было так же легко сорвать с себя туго зашнурованный корсет!

Но корсет был аккуратно зашнурован сзади, и Тристе было с ним не справиться одной. Она громко выругалась по-французски, вспомнив, что это работа Блейза – и сделал он это не далее как сегодняшним утром. Он специально зашнуровал ее так, чтобы она не могла освободиться без посторонней помощи! Блейз настолько обнаглел, что решил заставить ее таким образом дожидаться своего возвращения, хотя он может вернуться и под утро.

«Я найду кого-нибудь другого, кто расшнурует мне корсет, – только и всего!» – с вызовом подумала Триста. А почему бы и нет? Лучший способ излечиться от слабости, которую она испытывает, когда Блейз Давенант к ней прикасается, – это сравнить его с кем-нибудь другим. Нужно заняться любовью с каким-то другим мужчиной. Но с кем же? С незнакомцем? Нет, нельзя идти на такой риск. С кем-то, кого она знает и кто ей может понравиться? Внезапно ее озарило, и Триста вслух рассмеялась. Ну конечно! Симпатичный друг Блейза – Эрардо.

Он ведь говорил, что собирается сегодня рано лечь спать. Тристе внезапно очень захотелось оказаться в его постели. Бедный Эрардо так одинок, и она тоже одинока. А ведь наступает одна из тех туманных ночей, которыми славится Сан-Франциско, – когда нужно растопить огонь в каждой комнате, чтобы спастись от пронизывающего холода... «Обжигающе холодная ночь», как любила говорить тетя Чэрити, когда Триста была еще ребенком.

Почему она должна спать одна, не имея возможности ощутить тепло человеческого тела? Даже Фарленд, ее официальный «муж», без всяких угрызений совести оставил Тристу, чтобы отправиться в златные места Сан-Франциско. Даже не поинтересовавшись, как там бедная Джессика и его сын. Почему только все мужчины такие похотливые свиньи?

К чему об этом думать? Гораздо проще не колебаться, а действовать, дав волю инстинктам.

Триста выбросила из головы все мысли и принялась вытаскивать бесчисленные шпильки и крошечные заколки, которые скрепляли прическу. Тяжелая черная грива волос в беспорядке опустилась на плечи и на спину. Не пытаясь найти расческу, Триста нервно провела по волосам дрожащими пальцами. Затем она сняла со спинки стула отороченную шелком кашемировую шаль, которую надевала за обедом, и обернула ее вокруг своего почти обнаженного тела на манер женщин полинезийских островов.

Снаружи не слышалось ни голосов, ни шагов. Уже поздно, и поблизости никого не должно оказаться. В любом случае его комната всего в нескольких ярдах, и если она быстро пробежит это расстояние...

«Нет, я не струшу – я это сделаю!» – внушала себе Триста, открыв дверь и выглянув в пустынный коридор. Босые ноги мигом домчали ее до двери номера, который занимал Эрардо Куэвас. «Не мешкай!» – напомнила себе Триста и тихо постучала. Не дождавшись ответа, она постучала более настойчиво. Ей показалось, что она услышала сонное бормотание, но тут внезапно раздавшиеся на лестнице голоса заставили ее вздрогнуть. «Какое счастье, что здесь не заперто!» – подумала Триста, чувствуя, как дверная ручка подалась под ее похолодевшими пальцами. Быстро закрыв за собой дверь, Триста скользнула в спасительную темноту.

Он уже спит? Сейчас, в последний момент, у нее внезапно сдали нервы. Тристe вдруг захотелось повернуться и убежать, скрыться в относительной безопасности своей комнаты, прежде чем Эрардо успеет что-либо понять. Но было уже поздно. Голоса, которые она только что услышала, стали громче и звучали совсем рядом. В темноте раздался зловещий щелчок, от которого Триста похолодела.

– Надеюсь, вы не станете стрелять в перепуганную женщину, сеньор! – прошептала она срывающимся голосом. – Если бы я знала, что вы уже спите, я бы ни за что на свете не стала вас беспокоить. Я... я так смущена! – Почему он молчит? Пусть бы сказал хоть что-нибудь, чтобы она не чувствовала себя так неловко! Тристe показалось, что она услышала, как Эрардо вполголоса выругался по-испански. – Пожалуйста... я не знаю, как объяснить, – продолжала она, стараясь не терять смелости, – но я... я

не могу заснуть, потому что все время чувствую, что задыхаюсь! Некоторое время я не носила корсеты, и теперь...

– Корсет, сеньора? Я не мог себе представить, что мои самые смелые мечты станут прекрасной реальностью! Подумать только: я ведь мог разрядить в вас этот пистолет, не зная, что... Боже всемогущий! – Он столь страстно шептал по-испански, что Триста еще больше разволновалась. Но ведь она знала, на что шла, разве не так?

– Прошу прощения – мне не следовало приходить сюда, сеньор! Я извиняюсь за вторжение. Я не хотела... Что вы теперь подумаете обо мне? Надеюсь, вы забудете об этой... об этой глупости... О!

Когда он успел встать с кровати и незаметно для нее пересечь комнату? Внезапно Триста почувствовала на своих плечах его руки. Он развернул ее, шаль упала на пол, и в тот же момент она услышала сзади его шепот: «С вашего разрешения... прекрасная сеньора». Триста застыла на месте, ее босые ноги как будто приросли к полу. Она почувствовала, как теплые руки прикасаются к ее телу, безошибочно находя и развязывая в темноте нужные узелки. Внезапно между его руками и ее кожей не осталось ничего, кроме тончайшего слоя шелка, который только придавал прикосновениям новое, гораздо более чувственное и возбуждающее ощущение. Триста раньше не могла себе такого и представить: невидимые руки смело гладили и ласкали ее тело. Как зачарованная, она стояла, бессильно прислонившись, и знала, что сейчас не в состоянии ни в чем ему отказать – ни в чем...

Когда он поднял вверх тяжелую копну волос и поцеловал Тристу в шею, лаская другой рукой ее грудь и живот, у нее перехватило дыхание. Мучительно медленно мужчина спускался все ниже и ниже, и его прикосновения сквозь тонкий шелк были неописуемо эротичны. Ее возбуждение достигло максимума, когда невидимая рука скользнула в бездонные глубины узкого каньона.

Сказанные шепотом слова были едва слышны, хотя в их значении было невозможно ошибиться.

– En el piso, mujer! A rodillas...

Какая тут может быть ошибка, она же знает испанский. «На пол, женщина! – сказал он. – На колени...» И в то же мгновение руки, которые только что ласкали Тристу, стали пригибать ее книзу, нажимая на поясницу. Триста изогнулась, как кошка, и тут же, отбросив вверх шелковую завесу, мужчина резким, почти грубым толчком неожиданно вошел в нее. Казалось, он пронзил ее насквозь. Триста вскрикнула и закусил губу, ее лицо вжалось в грубую поверхность ковра. А он все двигался и двигался в

ней, пока неожиданно то, что сначала казалось ужасно болезненным, превратилось в наслаждение более острое, чем что-либо испытанное Тристой раньше. Волны блаженства накатывали на нее одна за другой, рыдания и стоны непрерывно сотрясали ее тело. Как Триста ни сопротивлялась этому чувству, оно было сильнее ее.

Наверное, именно тогда она поняла, кто он. Или она знала правду с самого начала?

Оправившись (хотя и не полностью) от первоначального шока, Триста смогла вновь мыслить почти рационально. Она пришла к выводу, что он продолжает верить, будто она считает его сеньором Куэвасом, которому отдалась с такой легкостью и готовностью. Неужели он в самом деле вообразил, будто сказанные шепотом испанские слова могли ее обмануть? Ну что ж – пусть остается при своем мнении! Он чуть было не растоптал ее гордость, так почему бы на этот раз не пострадать его мужскому тщеславию?

Он лежал на ней сверху, чуть сместившись на сторону и дыша ей в шею. Он взял ее на полу, приказав встать на колени, как будто она была...

– О Эрардо! – притворно вздохнув, срывающимся голосом прошептала Триста. – Как только я увидела вас, я уже знала, что ваше прикосновение заставит меня забыть обо всем – буквально обо всем. Мне так хотелось быть с вами – только с вами – по своей доброй воле, без всякого принуждения! Когда вы занимались со мной любовью, у меня все время перед глазами стояло ваше милое лицо! Только вам я готова подчиняться – и с наслаждением!

Ага! С мстительным удовольствием Триста почувствовала, как напряглось его тело, которое до сих пор спокойно лежало в ее объятиях. Все предупреждало Тристу об опасности. Каждый его мускул прямо-таки излучал бешенство, и это в любой момент могло закончиться насилием. Даже установившееся молчание, казалось, вибрировало, как струны арфы под руками неумелого музыканта. Чего она хотела добиться своей якобы безыскусной речью? И почему ей всегда нужно доводить его до бешенства?

«Я готов ее убить», – внезапно понял Блейз. Он действительно был на волосок от того, чтобы придушить ее. Эту ведьму, с волосами, черными как ночь, и серебристыми, как луна, глазами, на которой он имел глупость жениться. И уже через несколько часов после церемонии оказалось, что она пытается наставить ему рога с его же другом.

О Боже, какой же похотливой дрянью она стала! Превратилась в откровенную шлюху, которая старается получить удовольствие где только можно и потом даже не проявляет ни малейших признаков раскаяния.

Очевидно, она совершенно лишена всяких понятий о нравственности, и так было с самого начала. А он, Блейз, оказался первым из тех дураков, которых она ввела и продолжает вводить в заблуждение своей искусной игрой. Он действительно должен, просто обязан ее убить, подумал Блейз, и с этой мыслью протянул руки к шее Тристы и почувствовал, как лихорадочно бьется на ней крошечная жилка.

Почему же она не двигается? Ну попробуй освободиться или умоляй о пощаде – сделай же хоть что-нибудь! Не лежи так неподвижно, как будто чего-то ждешь!

Чего она может ждать, эта девка! И чего еще хотеть? Он бы... А почему бы и в самом деле не поступить с ней так, как ему хочется. Ведь она лежит здесь, явно согласная на все. Значит, ей нравится, когда ее берут силой? Берет человек, с которым она едва знакома, и все это, как она выразилась, «по доброй воле»! Пожалуй, настало время ей узнать, что с женщинами, отдающимися так легко и с такой готовностью, большинство мужчин обращаются так, как они того заслуживают. Она даже не достойна того, чтобы ее убили, ничтожная шлюха!

Блейз демонстративно убрал руки с ее шеи, положив их сначала ей на плечи, а затем на грудь. Небрежно помяв ее, он провел рукой по животу Тристы, просунул ее между ног и принялся грубо шарить там, не обращая внимания на вскрики Тристы и ее попытки освободиться. Раз она поступает как проститутка, то пускай знает, как с такими обращаются!

– Эрардо... не надо! – выдохнула Триста.

В ответ Блейз с притворной нежностью погладил ее шею и прошептал по-испански:

– Но ведь вы только что сказали мне, как рады подчиняться моей необузданной страсти. Эти слова совсем свели меня с ума, и теперь я хочу изучить каждую клеточку вашего тела – как снаружи, так и внутри! Сейчас уже не стоит изображать из себя невинность. Не надо меня дразнить. Так вам больше нравится? Вы были со мной так любезны, что я хотел бы вернуть вам долг, если смогу...

В ответ Триста, пытаясь вырваться, начала извиваться. Блейз потерял терпение и, убрав руку с ее груди, резко шлепнул Тристу по бедру, как будто она была непокорной, не приученной к дисциплине кобылой. Не обращая внимания на ее сдавленные крики, он демонстративно просунул руку еще дальше, погружаясь в теплое, вибрирующее тело, гладкое, как мокрый шелк. И вдруг совершенно неожиданно для себя Блейз обнаружил, что хочет ее снова – вопреки разуму и здравому смыслу.

Поняв, что она не сможет освободиться, Триста заплакала от отчаяния

и унижения. Он ведет себя так, как будто она всего лишь... всего лишь... мертвое тело! Только пользуясь своей грубой силой, эта скотина смогла заставить ее терпеть подобное издевательство – пусть он даже считает его наказанием за ее бесчисленные грехи.

Но что же с ней происходит? Почему, несмотря ни на что, Триста чувствует, как в ней поднимается животная страсть под стать той, которая сейчас охватила его? Освободившись наконец от того, что она сначала посчитала пыткой, Триста издала сдавленный стон, который тут же перешел в возглас удивления. Ее, будто кучу грязного белья, подняли с пола и швырнули на кровать. Блейз намертво зажал ее ноги у себя на плечах и вошел в нее глубоко, а затем еще и еще глубже. Сначала его движения были быстрыми, потом дразняще медленными, потом вновь быстрыми и вновь медленными – пока Триста не застонала, отчаянно желая, чтобы Блейз не останавливался. А затем остались только ощущения, вытеснив какие бы то ни было мысли.

Глава 25

Этой ночью все-таки наступил момент, когда они перестали притворяться. Это все равно стало невозможно, когда на сцене собственной персоной появился довольно пьяный сеньор Куэвас, ведя за собой сеньориту с пышными формами. Когда Куэвас увидел, что его кровать уже занята, он, мягко выражаясь, несколько удивился.

– Итак, у вашего Эрардо появился соперник, – проворчал Блейз. – И что вы теперь будете делать?

Тут Триста поняла, что настал ее час. Сейчас она покажет ему, на что способна!

Эрардо Куэвас поставил на шатающийся стол маленькую лампу, которую принес с собой. Никто не успел ничего сообразить, как Триста уже проворно вскочила на ноги. Даже не пытаясь прикрыть свое обнаженное тело, она спокойно прошла через комнату, подняла шаль, небрежно набросила ее на плечи и затем, улыбнувшись, попросила у сеньора Куэваса разрешения взять на время лампу, чтобы дойти до своей комнаты.

Шаль не закрывала практически ничего. «И она прекрасно это понимает, подлая шлюха!» – разъярившись, подумал Блейз, но вынужден был стерпеть ее возмутительную выходку. Нет, но какова наглость! Голая, она продефилировала по комнате с таким видом, будто разодета в шелка, у двери остановилась, послала всем воздушный поцелуй и ушла, не заботясь о том, что может на кого-нибудь наткнуться в коридоре. Эрардо и его временная подружка так и застыли с разинутыми ртами.

Почему обманутый муж всегда смешон? Особенно если он внезапно оказывается один в постели, которую явно стремится занять другая пара? Блейз сейчас пожалел о том, что сдержал свой порыв и не убил шлюху. Тогда бы ему не пришлось оказаться в такой нелепой ситуации. Несомненно, ей уже не в первый раз приходится обнаженной разгуливать перед другими людьми, даже совершенно посторонними. Да будь она проклята!

Пришедшая с Эрардо женщина принялась хихикать в кулачок. Ее любопытные глазки обшаривали комнату, не пропуская ни одной детали, включая валяющийся на полу корсет...

– О, пардон, Блас! – смущенно пробормотал Эрардо Куэвас. – Если бы я знал, что... Если бы вы мне сказали...

– Что сказал? – прорычал Блейз, вылезая из кровати. – Она искала вас,

амиго, и должен признаться, что я сделал все возможное, чтобы не уронить вашей репутации.

Так ли это? Потом Блейз будет проклинать свое недомыслие и свою проклятую гордость. Надо было идти к ней и сломать те барьеры, которые она по каким-то причинам специально возвела между ними, пусть для этого даже пришлось бы взломать запертую дверь номера.

А так все превратилось в заурядную сделку с Эрардо. Чтобы удовлетворить свою мужскую гордость, Блейз остался развлекаться с полногрудой и опытной Роситой, а Эрардо через некоторое время дал себя уговорить и отправился за три двери по коридору за теми удовольствиями, которые его там как будто бы ждали.

«Конечно, – думал Блейз, – уж ему-то не пришлось ломать дверь!» Столь же очевидно, что Эрардо встретил теплый прием, иначе он не оставался бы там с ней, сплетаясь в жарких объятиях, до полудня или еще дольше. «И сколько еще это будет продолжаться?» – гадал Блейз. Нет, она по натуре шлюха – это очевидно. И следует только пожалеть несчастного Эрардо, а не поддаваться неразумным порывам, которые требуют, чтобы он все-таки взломал эту закрытую, запертую на ключ дверь и застрелил обоих, послав каждую пулю точно в цель.

Как она смеет проявлять такое откровенное бесстыдство? И почему его так называемый друг так быстро дал себя уговорить обменяться партнерами по постели?

Сам Блейз уже давно отделался от прилипчивой Роситы, сделав более чем щедрый «подарок» для ее голодающих (по крайней мере так она говорила) родителей, и теперь расхаживал взад-вперед, как разъяренный тигр. Его мысли все больше и больше сосредоточивались на том бессмысленном акте насилия, который он готов был совершить. Нет, тем самым он только представит себя перед всеми ревнивым дураком и рогоносцем. В конце концов ради Чэрити он вытащил эту дрянь из очень неприятной ситуации. А теперь, раз она так решительно настроена бросать вызов общественному мнению, он может заняться делами, которые его сюда привели, и забыть о существовании этой неблагодарной, плохо воспитанной потаскухи.

Блейз спустился вниз по лестнице и следующие несколько часов провел, слушая рассказы о деятельности Рыцарей Золотого круга. В конце концов, он принадлежал к старой, уважаемой на Юге семье, хотя и был художником и, стало быть, белой вороной!

Лишь к концу дня Блейз встретился с Эрардо Куэвасом, который как раз его искал. С робким, извиняющимся видом Эрардо открыл рот для

объяснения, но Блейз же, в свою очередь, попытался решительно, раз и навсегда, объявить своему другу, что эта тема его несколько не интересует. Почему, черт побери, его должно интересовать, чем занимается эта потаскуха? Считается, что она жена Фарленда Эмерсона. Так вот пусть его и беспокоит ее поведение!

– Блас, amigo,^[7] я только подумал... я думал, что вы захотите узнать...

– Все, что я хочу узнать, – это что затевают «мокассиновые змеи».^[8] Я надеюсь, вам удалось что-то выяснить, прежде чем вы поддались чарам этой... как бишь ее зовут? Ну так?..

Будучи неглупым человеком, Эрардо заметил стальные нотки, звучавшие в нарочито небрежной речи Блейза. Тот явно был в опасном состоянии – как раскаленная добела кипящая лава, готовая извергнуться в любую минуту. Когда Блейз такой, лучше не перечить и заниматься делом. Это самое разумное!

Только сделав свое сообщение и уже собираясь уходить, Эрардо Куэвас вспомнил о том, что хотел сказать.

Дверь уже закрывалась, когда он повернулся к Блейзу и небрежно сказал:

– Ах да, чуть не забыл. Думаю, вы с облегчением воспримете весть о том, что ваша... что леди уже уехала из Сан-Франциско в Монтеррей.

Карета компании «Эббот энд Даунинг Конкорд», движущаяся по разбитой дороге, тряслась невыносимо, а уж о сне в ней нечего было и думать. Состояние и без того расстроенных нервов Тристы не улучшало и соседство Фернандо.

Мари-Клэр плохо себя чувствовала и, кроме того, скучала по детям. Но все равно она не выносила, когда кто-то болеет или умирает, так что ее присутствие только повредило бы. К тому же тетя Чэрити откровенно сказала, что если Мари-Клэр не может справиться со своими истериками, то пусть лучше сидит с детьми и не заставляет себя из одного лишь чувства долга тащиться в Монтеррей.

Фернандо постоянно извинялся за отсутствие жены и, к счастью, не распространялся о запутанных делах Тристы. Во время же казавшегося бесконечным путешествия Фернандо ее не беспокоил, и Триста, закрыв глаза, делала вид, что спит, хотя тяжелые мысли не отпускали ее ни на минуту.

Какой эгоисткой она была, какой бесчувственной, насколько занята собой! Она все воспринимала как должное – любовь и понимание папы, его

поддержку, – а он постоянно мучился и ничего об этом не говорил.

Слава Богу, Фернандо большую часть времени молчал, давая ей возможность оставаться наедине с собственными мыслями. Проклятая похоть и страсть к экспериментам заставили Тристу просить, как она предполагала, постороннего человека удовлетворить ее любопытство и взять ее. Да, это ее вина – только ее! И гораздо лучше вообще не думать об этом – и о Блейзе Давенанте, и о том, что он подумал, когда его «новобрачная» уже через двадцать четыре часа ему изменила.

Если что-то и пострадало, так это только его дурацкая мужская гордость, подумала Триста. Она сразу же постаралась отбросить всякие другие соображения, напомнив себе, что Блейз, вероятно, только рад избавиться от жены, являющейся одновременно женой другого. Во всяком случае, Триста твердо решила, что не хочет больше и слышать о Блейзе Давенанте. Особенно после того, как он столь ужасно обращался с ней прошлой ночью, подонок!

Должно быть, она уснула. А когда проснулась, то обнаружила, что карета уже достигла предместий Монтеррея.

Внешне ранчо дель Арройо казалось таким же мирным и полным покоя, как всегда. Только странная тишина окутывала его как туманом, придавая знакомому пейзажу странный, нереальный вид.

И пожалуй, лучше было вовсе не замечать тех перемен, которые произошли за последние несколько лет.

Слышался знакомый ровный шум океана, вид на который открывался с вершины скалы. Там все еще стоял глинобитный дом, построенный одним из первых поселенцев – тех, что пришли в Калифорнию с отцом Униперо Серра.

С веранды можно было видеть поля, простирающиеся до самого океана, там паслись кони, и слышать неумолчный гул волн, разбивающихся о песчаную косу, похожую на полумесяц.

– Он говорил... ну ты ведь знаешь, как он любит море! Он сказал мне, что... что, когда он будет умирать, последний звук, который он хотел бы услышать в своей жизни, – это рокот океана.

Тетя Чэрити выглядела постаревшей и очень усталой. Такой Триста ее еще никогда не видела. В пышных каштановых волосах проглядывали серебряные пряди. Но боевой дух не покинул ее, а язык не щадил ничего, что оскорбляло ее рассудок или вызывало раздражение.

– Ну слава Богу, ты наконец приехала! – Таковы были первые слова,

которыми она встретила Тристу. Отведя ее в сторону, Чэрити дала точный и неприукрашенный отчет о состоянии здоровья Хью Виндхэма. Чэрити явно смирилась с тем, что ее брат умирает. Триста же в первые недели никак не могла поверить в это.

Дни и ночи слились в одно смутное пятно. Триста утратила ощущение времени и не хотела его вновь обрести. О, если бы можно было вернуться в прошлое и многое там исправить! Папа не умрет! Она ему не позволит! Она не представляла свою жизнь без папы, он был ее опорой, придавал ей силу, дарил сознание того, что она любима, что она нужна. Почему он не сказал ей, что так болен? Почему он не позволил ей остаться с ним? Триста была врачом и привыкла к разным заболеваниям. Она сама проводила операции, в случае необходимости ампутировала конечности, старалась утешить друзей и родственников умирающего. Но только теперь она поняла, как мало стоят эти утешения и как тяжело свыкнуться с неизбежностью смерти дорогого тебе человека. Когда не остается надежды, не помогут никакие слова. Остается только страдать, глядя на то, как страдает и медленно умирает человек, которого ты любишь.

– Не стоит говорить мне о том, что я уже и так знаю, – в первый же день сказала Чэрити. – Но он будет рад, что ты приехала, а кроме того, ты можешь облегчить его боль. Это все, что ему сейчас нужно, понимаешь? Ради него ты должна быть сильной. Не смей при нем плакать, слышишь? Слава Богу, это глупое создание, на котором женился мой племянник, не приехало. Я ее просто не переносу! А тебе, учти, надо будет обязательно регулярно высыпаться. И не смотри как потерянная – доктор ты или нет? Иногда он тебя не будет узнавать или будет принимать за кого-то еще – ну и пусть. Для него сейчас лучше забыть о настоящем.

Тетя Чэрити была права. Иногда Хью Виндхэм узнавал Тристу и, пытаясь улыбнуться, похлопывал ее по руке худыми пальцами – кожа да кости. А иногда он пребывал, казалось, в другом времени и пространстве и хриплым, едва различимым голосом обращался к людям, о которых Триста совершенно ничего не знала. А когда она давала ему морфий, он часами находился в бессознательном состоянии.

Фернандо приходил и уходил, но явно не мог выдержать у постели больше, чем несколько минут. Он без разговора привозил те лекарства, которые заказывала Триста, но было ясно, что Фернандо под любым предлогом старается вырваться с ранчо. Большую часть времени он проводил в главном доме или в долине – якобы для того чтобы присмотреть, как там идут дела.

– Сколько это будет продолжаться? Черт побери, я привез тебя сюда

для того, чтобы ты хоть что-нибудь сделала! Ну и что толку, что ты стала врачом! Женщина-врач! Тебя никто всерьез не воспринимает!

В то утро Фернандо застал ее врасплох. Триста провела бессонную ночь, прислушиваясь к тяжелому, хриплому дыханию отца и его стонам, заставлявшим ее вздрагивать от жалости. О, если бы только она могла разделить с папой его боль!

– Я не знаю... Я чувствую себя такой беспомощной! Он... если бы можно было что-то сделать, я бы сделала! Пожалуйста, Фернандо, не надо!

– Что не надо? Чего ты ждешь? Знаешь, ты никогда не сможешь меня одурачить, даже если заставишь всех поверить в свою невинность! Насколько я могу припомнить, ты вешалась мне на шею, но вдруг решила, что приятнее меня дразнить. Разве не так? Ты меня завлекла, а потом сделала вид, будто я тебя насилую, хотя все время сама этого хотела, ведь так? Ведь так, лживая сучка?

Он схватил ее за плечи и с силой потряс. Нервы Тристы не выдержали, и она протестующе закричала, одновременно пытаясь вырваться:

– Нет! Оставь меня... оставь меня в покое!

– Фернандо! – раздался суровый голос тети Чэрити. – Думаю, что сейчас не время и не место для взаимных обвинений. Тристе нужно поспать, а ты, дорогой племянник, должен через час встретить своего брата. Или ты забыл, что он сегодня утром приезжает из Сан-Франциско?

Триста убежала, скрывшись в относительной безопасности своей крошечной, скудно обставленной комнаты. Какое счастье, что вмешалась тетя Чэрити! В глазах Фернандо было нечто, сильно ее испугавшее.

Почему он так ее ненавидит? Что она ему сделала? Конечно, все дело в ее матери! А когда пришли наконец долго сдерживаемые слезы, Триста стала думать о том, что папа не может, не должен умереть, оставив ее одну, без своей любви и заботы.

Она знала, что переутомилась. Недосыпание может сыграть с вами скверные шутки, вызвав галлюцинации. Но невысказанное желание было таким сильным, что не покинуло ее даже тогда, когда она, все еще всхлипывая, погрузилась в дремоту. Она явственно услышала голос Старухи с болот и даже почувствовала незабываемый запах застоявшейся воды и болотных растений.

– Тебе еще нужно многому научиться, нетерпеливое дитя! У тебя есть Сила, но ты слишком занята поисками правды. Никогда не злоупотребляй своей Силой... Будь осторожна... – А потом, когда знакомый голос утих, до нее донесся тихий, едва различимый шепот: – Ты придешь ко мне тогда, когда это действительно будет нужно, но не сейчас... Еще не время...

И Триста заснула тяжелым сном без сновидений и спала до тех пор, пока ее не разбудила тетя Чэрити.

– Прошу прощения, моя дорогая, я знаю, что ты только вздремнула, но отцу стало хуже. Ему так больно, что я едва могу это выносить! Триста, ты должна...

– Я могу дать ему морфия – сделать подкожную инъекцию. Это по крайней мере облегчит боль. Я пойду к нему прямо сейчас, мой саквояж здесь. – Триста слышала свой голос, произносила еще какие-то слова. К чему эти слова перед лицом страданий и отчаяния? Что хорошего в Силе, если ты не можешь ее использовать даже для того, чтобы помогать и исцелять?

– Да, возьми свой саквояж и морфий тоже... Сколько у тебя еще осталось?

Все еще пребывая в полусне, Триста взяла необходимое и устремилась за тетей. Сердце ее стучало, хотя Триста отчаянно пыталась успокоиться. «Неужели папа умирает? Нет, он не может умереть, не может умереть!» – упрямо твердила одна часть ее сознания, в то время как другая произнесла вслух:

– Я сделала запас, которого хватит недели на две или даже больше. Тетя Чэрити, пожалуйста, если папе станет хуже...

Когда Чэрити резко остановилась, Триста налетела на нее и упала бы, если бы тетка не схватила ее за руку:

– Хуже? Да что может быть хуже этого? Мы обе знаем, что он умирает... и умирает медленно, в страшных муках. Ты разве не слышала, как он вполголоса молился, чтобы все это кончилось? Разве мы позволили бы любимому животному так страдать? Ради Христа, девочка, скажи: ты желала бы себе такой смерти?

Триста не понимала или не хотела понимать, что предлагает тетя Чэрити. Морфий... В определенной дозе он на время облегчает боль и погружает в глубокий сон... А если увеличить дозу, то страдание уйдет навсегда – и наступит забвение.

– Я... я не могу! Меня учили исцелять, учили...

– Если ты не чувствуешь в себе сил освободить его, это сделаю я! Я должна это сделать ради него, ради моего брата Хью! Как он сделал бы это ради меня. Я надеялась, что ты меня поймешь, Триста, но, если тебе не позволяет на это решиться совесть, дай мне выполнить свой долг.

Глава 26

«Выполнить свой долг... Выполнить свой долг...»

Эти слова звенели в ушах Тристы как колокола церковной миссии, основанной еще отцом Униперо Серра.

Все были в черном, даже тетя Чэрити.

– Слава Богу, он умер во сне. Конечно, я сразу позвала Тристу, но он уже отошел...

Никто не ставил под сомнение ее рассказ и ни о чем не спрашивал. Триста, оцепеневшая от горя и чувства вины, оставила все объяснения на долю тети Чэрити.

Триста плакала так долго и так безутешно, что сорвала голос и могла говорить только хриплым шепотом.

– Ради Бога, не принимай все так близко к сердцу! – раздраженно сказала Мари-Клэр. Она прибыла на похороны в новом, с иголки, черном платье из шелка и атласа, отороченном кружевами. Мари-Клэр не собиралась ни на день сверх необходимого задерживаться в скучном провинциальном Монтеррее. Желание поскорее вернуться в город делало ее мрачной и раздражительной. Мари-Клэр считала, что Триста играет. В конце концов, когда она была в Европе, то не слишком скучала по своему отчиму!

– Теперь, я полагаю, ты отправишься в Бостон со своей дорогой тетей Чэрити? – сладким голосом спросила Мари-Клэр, собирая вещи на следующий день после похорон свекра. – Я слышала, что там разрешают практиковать женщинам-врачам – если ты действительно этого хочешь! Но, если желаешь знать мое мнение: тебе нужно остепениться и завести детей! Я уверена, что Эмерсоны будут просто вне себя от радости.... Да, кстати, а как твой муж? Тебе очень повезло, что он такой джентльмен и такой чуткий, дорогая! Но если ты будешь по отношению к нему так беспечна, то какая-нибудь вертихвостка вполне может увести его от тебя!

Триста почувствовала облегчение, когда Мари-Клэр наконец уехала, как она всем заявила, к своим детям, которые ужасно по ней скучают. Тот факт, что ее муж оказался равнодушен к ее поспешному отъезду и вообще практически игнорировал свою супругу во время ее полуторадневного пребывания в Монтеррее, нисколько не обеспокоил Мари-Клэр. Она была слишком занята собой.

– Я уверена: тебе не стоит объяснять, что я думаю об этой молодой

женщине. Пустая, эгоистичная... А, ладно, не обращай внимания! – Говоря это, Чэрити Виндхэм продолжала укладывать вещи в два небольших чемодана, которые привезла с собой в Калифорнию.

На мгновение она подняла голову и коротко взглянула на Тристу. Та сидела на кровати, глядя на тетку своими странными, серебристыми глазами, которые временами казались слишком большими на ее худом лице.

– Знаешь, лучше бы ты поехала со мной! В Бостоне ты могла бы практиковать или обучать других женщин, которые хотят быть врачами и которых мужчины отказываются учить. Для тебя это было бы серьезной практикой.

– Я не могу! – До тех пор пока Триста не выпалила эти слова, она не подозревала, что уже сделала свой выбор. – Тетя Чэрити, разве ты не видишь, что я не могу? На этот раз я должна идти своим путем, без чьей бы то ни было помощи. Я должна что-то сделать сама, обрести уверенность в себе. И я хочу использовать все, чему научилась, хочу быть полезной. На этой войне понадобятся врачи...

– Лучше скажи – сиделки! Ты думаешь, они признают женщину-врача? Ха-ха! Нет, тебя примут разве что как сиделку, но не более того. И тебе придется выполнять распоряжения какого-нибудь дурака, который называет себя врачом только потому, что прочитал несколько книг по медицине. Неужели ты собираешься довольствоваться этим?

На самом деле Триста сама не знала, чего хочет, – она еще не была готова так далеко заглядывать в будущее. Но, как она и сказала Чэрити, нужно по крайней мере попытаться. А перед этим она хочет некоторое время побыть одна – чтобы все обдумать.

– Ты всегда была упрямым созданием, даже в десятилетнем возрасте! – уже сдаваясь, фыркнула Чэрити. – Хотя, – задумчиво добавила она, – раз ты так полна решимости быть независимой и непременно пройти через все жизненные разочарования... Ты помнишь нашу встречу с мисс Элизабет ван Лью, когда мы были в Ричмонде? Вероятно, моя дорогая, если ты готова подвергнуться определенному риску, то могла бы помочь Соединенным Штатам.

– Быть шпионкой? Но это...

– Нет, не шпионкой, моя дорогая! Вовсе нет. Все, что требуется, – это вести наблюдение и очень внимательно прислушиваться ко всему, что говорят. А потом я найду возможность, чтобы ты передавала то, что узнаешь, через курьера. Ты, конечно, можешь лечить – если тебе позволят! А если кому-то не понравится, что ты женщина, ты ведь всегда можешь снова сойти за молодого человека, ведь правда?

Под степенной, чопорной, даже несколько ханжеской внешностью мисс Чэрити Виндхэм скрывается совсем другая личность, с удивлением думала Триста. Интересно, она действительно так предана своему делу и абсолютно безжалостна в достижении своих целей?

– Ты уверена, что не передумаешь и не поедешь со мной? Тебе будет неуютно, пока рядом болтается Фернандо, если, конечно, ты уже не испытываешь к нему нежных чувств! А если испытываешь, то вот мой совет: воспользуйся встречами с ним, чтобы собрать как можно больше информации об обществе, в котором он состоит. «Рыцари Золотого круга» – так они себя называют. Они хотят, чтобы западные штаты перешли на сторону Юга. Это будет серьезным испытанием для тебя, моя девочка!

Чтобы проводить тетю Чэрити на пароход, который отправлялся в Бостон и далее в Европу, Триста решила поехать в Сан-Франциско.

Триста не знала, радоваться или печалиться тому, что Фернандо вызвался быть их провожатым. Спутник-мужчина всегда полезен. А Фернандо всегда так предупредителен в отношении леди, которых сопровождает! Когда на дороге к перевалу Пачеко карета опасно наклонялась, он даже поддерживал Тристу, чтобы она, не дай Бог, не ударилась. Триста вынуждена была признать, что Фернандо действительно пытается быть к ней внимательным. Но когда тот услышал, что Триста не собирается сопровождать тетю Чэрити дальше в Бостон, его неодобрение стало почти осязаемым.

Неужели Фернандо состоит в каком-то дурацком тайном обществе? Хотя разве не все мужчины обожают подобные вещи? Триста была уверена, что по крайней мере в данный момент тетя Чэрити преувеличивает значение и влияние так называемых «Рыцарей Золотого круга».

– Куда это вы направляетесь? Я вот еду уже от самого Лос-Анджелеса и устала как собака!

Чересчур ярко одетая женщина улыбалась широкой, дружеской улыбкой. Бросив уничтожающий взгляд на своего внезапно ужасно побледневшего спутника, женщина вновь повернулась к Тристе:

– Как я вижу, у вас тоже мужества хватит на троих. Моего первого мужа убили индейцы прямо у меня на глазах; но он, бедняга, хоть пострелял перед этим! Ну, в этой поездке на нас вряд ли нападут эти краснокожие дьяволы. Вот подальше от побережья – там надо держать ухо остро и пистолет наготове! Я всегда вожу с собой двуствольный пистолет – просто так, на всякий случай, знаете ли. – Женщина коротко засмеялась, откинулась на спинку сиденья и заговорщически подмигнула Тристе – к

удовольствию тети Чэрیتی и к досаде Фернандо. – Женщина должна быть в состоянии сама о себе позаботиться. Особенно в Виргиния-Сити, куда я направляюсь. Я слышала, что там очень неплохое местечко и честлюбивая женщина может славно заработать. Вы не туда едете, случайно?

– Я еще не знаю куда! Как вы думаете, в Виргиния-Сити примут женщину-врача? Хорошего врача?

– Об этом, милая, я ничего не знаю – знаю только, что там нужны хорошенькие леди, которые любят карты! Вы умеете играть в «фараона»? В покер? В «двадцать одно»?

Возможно, потому, что Триста почувствовала, как напряглась рука Фернандо на ее талии и увидела, как помрачнело его лицо, она со смехом ответила:

– Не только это! Я могу еще играть в рулетку и в «баккара»! Но до сих пор я ни разу не слышала о Виргиния-Сити!

– Дорогая, это город золотых россыпей, там всего полно! Единственно, чего там сейчас не хватает, – так это женщин! Понимаете, что я имею в виду? Вы не найдете города более безобразного с виду и более безнравственного, чем Виргиния-Сити! Но там есть настоящий театр. Я слышала, что Лола Монтес поставила там свой «Танец паука», а Ада Менкен сыграла роль в «Мазепе» – на коне и все такое. На сцену бросали мешки с золотым песком, а вместе с цветами за кулисы посылали самородки.

Рыжеволосая женщина представилась как Мартина Жерар. Вскоре, обнаружив, что Триста свободно говорит на парижском диалекте и только недавно покинула Францию, она призналась, что немного скучает по родине, несмотря на то что живет сейчас в стране больших возможностей. Лукаво улыбнувшись, она по-французски сказала Тристе, что если та когда-нибудь передумает и не захочет больше заниматься этой скучной медициной, то всегда сможет приехать в «Серебряный башмак» в Виргиния-Сити. Там ей не придется слишком утруждать себя!

– Интересная женщина! – заметила позднее тетя Чэрیتی. – И настоящий клад информации, – добавила она. – Тебе так не кажется, Фернандо?

– Наша дорогая тетя постоянно испытывает мое терпение своими колкостями и сарказмом! – заявил Фернандо вскоре после того, как они проводили мисс Чэрیتی Виндхэм на пароход, отплывающий в Бостон. – А что касается той дешевой проститутки... Вступив с ней в беседу, ты тем самым признала, что ты ей чуть ли не ровня...

– Ради Бога, Фернандо! – устало запротестовала Триста. – Может

быть, мы хоть на этот раз не будем ссориться? Я понимаю, что мы оба по одной и той же причине чувствуем себя очень несчастными – у нас шалют нервы, – но давай пока заключим перемирие. Веришь ты или нет, но я любила папу – твоего отца – больше, чем могла бы любить родного отца. Фернандо, давай постараемся быть друзьями! Хотя бы ради папы... Я уверена, что он бы очень этому обрадовался.

– Вероятно, ты права, – с видимой неохотой согласился Фернандо, а затем в свойственной ему резкой манере спросил Тристу, что она теперь собирается делать.

– Заниматься медициной – где и как смогу. Если бы я только могла познакомиться с нужными людьми...

– Послушай, – грубовато сказал Фернандо, – я знаю, что я старомоден. Но если ты вбила себе в голову дурацкую мысль о том, что можешь заставить все врачебное сословие признать женщину-врача – кто я такой, чтобы тебя останавливать? Если удастся, я даже помогу тебе – только для того, чтобы доказать, насколько ты ошибаешься.

Фернандо тут же предложил представить Тристу своему другу, который тоже был врачом и мог ей помочь.

– Он турок и, на мой взгляд, слишком интеллигентен. Его зовут Али Ювуз, и его дом находится на пути к нашему – в Менло-Парке. Если он дома, я вас познакомлю, а там поступай как знаешь. – Фернандо внезапно расхохотался. – У моего друга Али есть только одна странность, – добавил он, искоса взглянув на Тристу, – он всем предлагает свой турецкий кофе. Он у него густой, как патока, и почти такой же сладкий, причем отказываться нельзя, иначе он обидится. Просто проглоти кофе, как касторку, и улыбнись – тогда он будет счастлив. Может быть, он поможет тебе – если ты еще не выбросила из головы свои глупые амбиции!

На этот раз Фернандо действительно старался быть любезным. Может быть, смерть папы на него повлияла и Фернандо все-таки решил относиться к ней как к сестре? А встреча с его другом и впрямь может быть даже полезной. Какой же смысл отвергать это предложение?

Триста застыла на краю кровати. Весь ужас происходящего только сейчас дошел до нее. Дом Али оказался лечебницей для душевнобольных, а она сама теперь стала его совершенно бесправной «пациенткой»! Звероподобный «санитар» по имени Нордстрем следит, чтобы она не убежала, Фернандо поливает ее оскорблениями. А что будет дальше?

Слезы наполнили глаза Тристы, придав им серебристый оттенок. Потеряв способность к сопротивлению, она ничего не отвечала. Но почему-

то именно ее молчание и отсутствие реакции на его язвительные замечания окончательно придали Фернандо решимости.

Она рождена сукой, которая нуждается в дрессировке. Все это время она дразнила его, завлекая полунамеками и скрытыми обещаниями, которые не собиралась выполнять. О, Мари-Клэр много чего рассказала о его якобы невинной сводной сестричке! Да и письма из Парижа от его тещи только подтвердили то, о чем Фернандо и без того догадывался. А венчал все рассказ капитана Мак-Кормика о ее совершенно вызывающем поведении на борту его корабля. Вот почему Фернандо привез ее сюда! Пусть благодарит Бога, что он до сих пор ее не убил, хотя в ближайшее время она, может быть, об этом еще пожалеет!

– Ты не хочешь отвечать или тебе нечего ответить, а? Я был слишком терпелив с тобой, Триста, а ты, видимо, принимала мое терпение за слабость. Ну, сейчас ты получишь урок, который запомнится тебе надолго, – ты слышишь меня? И я заставлю тебя признать, что ты такая, какая есть, – на все согласная шлюха! Дешевая проститутка!

Не важно, как он ее называет. Важно то, что он сделает с ней потом, когда закончит выкрикивать ей в лицо поток проклятий.

– Раздень-ка эту дрянь и как следует свяжи. По крайней мере этот урок она никогда не забудет!

От сильной пощечины Триста упала на колени. Нордстрем одним рывком поднял женщину на ноги и сорвал с нее одежду, оставив ее совершенно обнаженной. Ее руки были туго связаны за спиной – Триста знала, что если бы стала сопротивляться, то их бы сломали. А мучителям это только доставило бы удовольствие, они смеялись бы еще громче, чем сейчас, когда Фернандо принялся дергать и щипать ее за наиболее чувствительные места. Причем он явно наслаждался, причиняя ей боль, – каждым криком Тристы, каждым ее стоном.

Это было само по себе ужасно, но впереди ее ждало еще худшее. Триста оказалась распластанной на кровати лицом вниз, причем бедра и ягодицы были приподняты с помощью матраса, который тщательно скатал Нордстрем. Ноги и руки ее были закованы в металлические браслеты, глубоко врезавшиеся в тело. Тристу начали безжалостно избивать, она корчилась и рыдала от невыносимой боли и унижения. Мучители не отставали даже тогда, когда Триста, забыв о гордости, принялась молить о пощаде, готовая обещать все, что угодно и кому угодно, лишь бы прекратилась эта пытка!

– Ты такая же шлюха, как и твоя мать, ведь правда? Ну-ка, скажи об этом – я хочу услышать, как ты говоришь это вслух!

Боль огнем полыхнула между бедер, заставив Тристу закричать.

– Тебе так нравится? Ты хочешь, чтобы я снова погладил тебя плеткой вон там? – Фернандо захохотал, слыша нечленораздельные звуки, которые издавала Триста, пытаясь повторить те слова, что он заставлял ее сказать. Фернандо снова засмеялся, когда хлестнул ее кнутом там, где, как он знал, это причиняет самую сильную боль. А потом Фернандо принялся насиловать эту надменную гордячку, с наслаждением, снова и снова, заставляя ее издавать громкие крики. Теперь она была готова говорить все, что он хотел от нее услышать, как и подобает прирожденной шлюхе, – абсолютно все! Сука, такая же, как ее мать! Между ними нет никакой разницы!

Закончив с ней, Фернандо дал знак Нордстрему, до сих пор бесстрастно взиравшему на происходящее, – тот тоже может ею попользоваться, если захочет. И тут Фернандо осенила еще одна мысль, заставившая его улыбнуться. А ведь и вправду! Яблоко от яблони недалеко падает – гласит пословица. Сейчас Триста может только подавленно всхлипывать, безропотно подчиняясь, когда неуклюжее животное – так называемый «санитар» – изо всех сил старается войти в нее. В следующий раз ее вряд ли нужно будет связывать. Нет, такие, как она, входят во вкус, когда над ними издеваются, – и этим стоит пользоваться!

Глава 27

Мари-Клэр пополнела и стала очень раздражительной. Она заявила, что ей до смерти надоела затворническая жизнь, которую приходится вести в Калифорнии, тем более сейчас, во время этой нелепой войны между штатами, когда все мужчины стали такими возбужденными!

Быть замужем оказалось совсем не так приятно, как она ожидала. Хотя Фернандо и подарил ей дорогие бриллианты, о которых Мари-Клэр давно мечтала, он одарил ее – одного за другим – еще и детьми. Мари-Клэр была только рада как можно быстрее сбывать с рук няням и кормилицам эти кричащие, постоянно мокрые создания. А что хорошего в бриллиантах, если у нее так мало возможностей появиться в них в обществе?

Фернандо больше занимает политика и какие-то дурацкие тайные общества, чем светская жизнь. А люди здесь так старомодны, что она не может нигде показаться одна. Даже нельзя одной пойти в театр, конечно, если она не хочет, чтобы о ней пошли разговоры! Ну разве это не смешно?

– Но ты вполне можешь меня сопровождать, ты ведь друг семьи! И ты это сделаешь, правда, Блейз? Ну пожалуйста – все, кто хоть что-то собой представляет, будут в «Метрополитен», чтобы увидеть эту скандальную Аду Как-бишь-ее-там в «Мазепе». А кроме того, тебе, как и любому мужчине, очевидно, нравятся некоторые вещи – м-м-м? Например, как я предполагаю, вот это, а еще вот это...

За те часы, что они провели вместе, Блейз уже понял, что Мари-Клэр несколько не утратила своей квалификации в любовном искусстве. И сейчас ее жадные губы и нежный язык напоминали ему об этом...

Меньше чем за день она смогла заставить его почти забыть о своей «жене», которая оставила его, уехав со сластолюбивым мужем Мари-Клэр, Фернандо. Как поведала ее лучшая подруга, Триста всегда питала к нему тайную страсть.

– Конечно, они не могли пожениться, так как считались братом и сестрой, – пожал плечами, пояснила Мари-Клэр. – А я – я вышла за Фернандо, потому что не любила мачеху и хотела вырваться из этой дурацкой школы для девочек. В ней было все равно что в монастыре! Но я никогда не возражала, – прошептала Мари-Клэр, повернувшись к Блейзу и прижавшись к нему покрепче, – чтобы они спали вместе. Зачем? Пусть даже они в этот момент занимаются тем же, чем и мы. А тебя эта мысль не возбуждает?

Конечно, Блейз предпочел бы избавиться от своих мрачных мыслей, отдав себя в распоряжение искусных рук и губ Мари-Клэр. Пусть она доведет его до такого состояния, что желание вытеснит все остальное, лишив его способности думать.

К несчастью, как с бешенством обнаружил Блейз, в последнее время он оказался не в силах – как бы ни была искусна в постели его очередная партнерша – полностью избавиться от некоторых неотвязных воспоминаний. Точно так же, как не в состоянии избавиться от привычки думать или дышать!

– Дорогой, – вернул его к реальности голос Мари-Клэр, – ты меня слушаешь? Почему бы нам не уехать с тобой в Европу? Здесь так скучно! Нам будет очень хорошо вдвоем!

Издав хриплый рык, Блейз вскочил с постели. Напуганная Мари-Клэр инстинктивно схватила простыни и прикрылась ими, как бы пытаясь защититься.

– Что? – прорычал Блейз.

Увидев выражение его золотисто-зеленых глаз, Мари-Клэр съежилась от страха. Раньше она не замечала, что эти глаза могут так внезапно изменять свой цвет. Мари-Клэр еще никогда не видела Блейза в такой ярости.

– Я... я не думала, что ты рассердишься! Я полагала...

– У тебя, похоже, вообще нет привычки думать! Ради Бога, неужели ты не понимаешь, каковы могут быть для нас обоих последствия твоего каприза? Я не имею особого желания выступать в роли соответчика в скандальном деле о разводе, моя милая, какой бы прекрасной любовницей ты ни была!

Во всяком случае, он находит ее прекрасной любовницей! Это слегка успокоило уязвленные чувства Мари-Клэр. Она недовольно надула губы, а затем принялась в голос рыдать. Грубое, бесчувственное животное, в которое превратился Блейз, сначала облегчило себе душу ужасным ругательством, а затем сделало то, на что и надеялась Мари-Клэр, – уселось рядом на кровать, перестав метаться по комнате как раненый зверь.

Как только она крепко обхватила его за шею и притянула к себе – он оказался в ее власти! По крайней мере на некоторое время. Раньше Мари-Клэр считала этого человека всего лишь очень хорошим любовником и внимательным слушателем. Теперь же, внезапно открыв для себя совершенно новую, пожалуй, даже опасную сторону его натуры, Мари-Клэр испытала странное возбуждение. С опаской она подумала о том, как далеко можно зайти, дразня Блейза туманными намеками, чтобы не

разбудить таящегося в нем зверя. Это было все равно что просовывать палку сквозь прутья клетки, за которой лежит спящий тигр. Когда тигр переполнится яростью и проснется, прутья могут оказаться недостаточно прочными...

– Значит, под тем, что мой муж называет «женоподобной мягкостью», скрывается настоящее чудовище, да? Теперь, когда я увидела, каким ты можешь быть свирепым, я понимаю, что ты, вероятно, как здесь говорят, авантюрист. Ведь правда? Ты меня немного напугал, Блэз Давенант... хотя ты ведь не станешь заходить так далеко и меня убивать, ведь так? Только за то, что я хотела немного поразвлечься, желая перемен? Сан-Франциско в последнее время стал таким скучным!

Мари-Клэр, француженка по происхождению, всегда произносила его имя правильно, на французский манер, в то время как сам Блейз предпочитал именно американизированную версию. Но сейчас... Почему, черт возьми, некоторые женщины все говорят и говорят? Блейза совершенно не интересует, что она о нем скажет или что подумает. Поняв, как сильно он напугал Мари-Клэр, Блейз уже сумел несколько овладеть собой, и сейчас ему требовалась отнюдь не беседа!

– Да замолчи ты! – проворчал Блейз и обеспечил дальнейшее молчание Мари-Клэр, прижав ее губы к своим. Все, чего он сейчас хотел и в чем нуждался, – ощущения вместо мыслей и страстные восклицания вместо слов. Если бы только на ее месте была ведьма с серебристыми глазами...

Мари-Клэр походила на змею. Подобно самке питона, она, как кольцами, обвивала Блейза руками и ногами, стараясь вобрать его поглубже в себя. В конце концов Блейз сильно шлепнул ее по бедрам и развернул спиной к себе, поставив на колени. Он решил закончить это именно так – уж слишком она за него цеплялась. Кроме того, в этом положении женщины не слишком отличаются друг от друга – разве что одни ведут себя честнее других!

Правда, вынужден был признаться себе Блейз, кто он такой, чтобы осуждать других за нечестное поведение, если сам уже давно прибегает ко всяческому уловкам? Если Блейз считал это необходимым, он использовал людей так же, как использовал тот или иной вид оружия; и снова так будет поступать, если придется. То, что он делает это ради своих принципов, или, как некоторые говорят, идеалов, все же не достаточное оправдание. На самом деле плевать сейчас Блейзу на всякие оправдания, просто он злился из-за того, что потерял над собой контроль. Правда, Мари-Клэр, кажется, даже наслаждается той грубостью, с какой он ее взял. Но это вовсе не

радует его.

Если бы Мари-Клэр была проституткой, Блейз мог бы хлопнуть ее по заду и отпустить, дав большие чаевые, чтобы остаться наконец наедине со своими мрачными мыслями! Но Мари-Клэр, кажется, была о себе другого мнения, и в ее планы не входило давать ему слишком много спать.

– Ты так сердился на меня за то, что я проявила неосторожность и пришла к тебе сюда! Так вот теперь я не хочу рисковать и идти домой в это время. Вечером все, кого я знаю, выходят на улицу: дышат воздухом или направляются на ужин, в театр.

Когда Мари-Клэр скрылась за ширмой в дальнем конце комнаты, чтобы воспользоваться умывальником, Блейз с облегчением подумал, что она наконец-то собирается уходить. Но нет – Мари-Клэр явно намеревалась остаться. А от него она, несомненно, ждет повторения только что произошедшего между ними. Черт побери! Когда она только устанет или насытится! Чем же, интересно, муж одаряет ее, кроме детей – причем множества детей?

Однако сейчас, невзирая на нескрываемое недовольство Блейза, повернувшегося к ней спиной, Мари-Клэр снова направлялась к его кровати. Ее пышное тело прижалось к спине Блейза, а ее опытные руки уже требовательно шарили здесь и там. Не выдержав, Блейз почти оторвал от себя жадные пальцы Мари-Клэр, игнорируя ее протестующие возгласы.

– Ох, Блейз! Почему ты вдруг стал со мной таким грубым? Что...

Прежде чем Мари-Клэр успела договорить, Блейз резко повернулся к ней лицом. Его странные глаза отливали золотом.

– А что будет, сладкая искусительница, если твой муж неожиданно вернется и вздумает тебя искать? Я не могу его винить, если он станет ревновать такое сокровище! Но, видишь ли, я всего лишь художник, а не дуэлянт. Боюсь, что мне совсем не хочется быть застреленным ревнивым мужем, который поймает меня голым в постели со своей женой!

Приободрившись, Мари-Клэр захихикала:

– Я тебе говорю: он сейчас слишком занят другим! – И она снова засмеялась. – Например, как бы благополучно выдать замуж Тристу за того своего приятеля из Долины, который уже больше ни на что не способен! Разумеется, когда у Фернандо с ней все закончится. Полагаю, это как-то связано с ее наследством... Но меня это несколько не волнует, а тебя? Пока муж не вмешивается в мои дела, меня не заботит, с кем он спит! А если честно – мы с ним хорошо ладим. Он мне много рассказывает о своих делах, потому что знает: я все пойму. Я ведь прежде всего очень практичная! Как и ты. Разве не так, мой дорогой Блэз?

О да, он действительно очень практичен! И пожалуй, таким он был всегда, с тех пор как стал принимать самостоятельные решения и следовать своим собственным убеждениям. Может быть, это всего лишь идеалистические грезы – ну и что с того! «Цель оправдывает средства...» «Ты должен отвечать ударом на удар...» «Побеждай их их же оружием...» В конце концов во всем этом есть своя правда!

Блэз Давенант (как он был окрещен в честь своего французского дедушки), несмотря на свою внешность, не очень далеко ушел от своих индейских предков. Блэз часто ощущал, что в душе он в большей степени свирепый, ничего не прощающий апач, чем даже его мать, наполовину апачка. Его дед, несмотря на то что был охотником и жил в горах, происходил из хорошей семьи и благодаря мехам, а также торговле с индейцами скопил порядочно денег, чтобы послать дочь учиться в монастырскую школу. Его мать отдали замуж за молодого вдовца – отца Блэза, когда ей едва исполнилось шестнадцать лет, причем согласия девушки никто не спрашивал. Мать была очень красива. Немного смуглый цвет лица и золотистые глаза прекрасно сочетались с прямыми черными волосами. Мать очень молодо выглядела, а походка у нее была такой же гордой и величавой, как у королевы. Как бы она ни была сердита, она никогда не повышала голоса. Даже приемные дети в конце концов научились уважать ее и доверять ей. Это Блэз ревновал мать к ним, ему казалось, что она посвящает им слишком много времени. И конечно, сводные братья и сестры тоже его ненавидели, возмущаясь самим фактом его существования.

«– Грязное индейское отродье!

– Папа, я не хочу, чтобы он разговаривал с моими гостями! Иначе я вообще не стану их приглашать!

– Если он хочет научиться ездить на лошади, то пусть катается со своими проклятыми индейцами, а не со мной. Хотя он там скорее научится ездить на лошадях, чем ездить на них!»

Как прекрасно он до сих пор все это помнит! Самыми счастливыми днями в жизни Блэза были те, которые ему разрешалось проводить вместе с дедушкой. Раскрыв рот, он слушал рассказы друзей деда – крепких стариков, всю жизнь проживших в горах. Иногда это были небылицы, иногда нет. Маленький Блэз обнаружил, что у него есть двое дядей, которые предпочли жить с апачами и сами стали до мозга костей индейцами. Благодаря им Блэз узнал привычки и обычаи апачей, познакомился с индейскими мальчиками-ровесниками и прошел те же испытания, что и они. Вот там он действительно приобрел кое-какие

навыки, а вовсе не в тех школах и академиях, где его учили быть джентльменом.

Со временем Блэз также научился выдавать себя за другого. Для всех он был слабовольным, пустым денди и при необходимости даже трусом. Но иногда – мог убивать с улыбкой на устах. В Европе, куда Блэз, вызвав этим неопишущую ярость и презрение своего отца, отправился изучать искусства, даже самые завзятые, бесшабашные дуэлянты старались обходить его стороной.

– Вы знаете: Давенанту на все наплевать! – говорил один его английский друг. – Он стоит и улыбается дьявольской улыбкой, всем своим видом показывая, что ему все равно, кто будет убит – вы или он!

Но то была Европа. И когда Блэз, мечтавший о свободе, встретился там с пламенными националистами и революционерами, он стал заниматься не только искусством. Он верил тогда и продолжал верить сейчас, что нет большей несправедливости, чем рабство – порабощение человеческого тела, ума и мятежного духа. Недопустимо владеть человеком, как лошадью или собакой, и обращаться с ним даже хуже, чем с любимым животным, – отрицая его право на чувства и эмоции, не говоря уже о способности рационально мыслить.

Примерно к двадцати пяти годам Блэз объехал почти все европейские страны, а также многие экзотические места. Индия, Шанхай, Ява, Египет...

– Старик, тебе это не покажется несколько... ну, скучным? Я имею в виду – если ты вернешься к спокойной, уважаемой жизни в своей старой усадьбе? Или ты заболел золотой лихорадкой? Знаешь, бедная маленькая Саманта будет положительно потрясена! Не говоря уже о Франсине и...

Хотя виконт Новелл говорил все это совершенно серьезно, его приятель разразился смехом:

– Черт побери! Прощу прощения, Пел, но ты так забавно сказал о возвращении к спокойной и – как еще? – уважаемой жизни. Я, мой друг, можно сказать, паршивая овца в стаде! – Улыбка Давенанта показалась его приятелю более похожей на оскал тигра. – Но конечно, я ни за что на свете не пропущу свадьбу своей дорогой сводной сестры! – ворчливо добавил Блэз.

Именно тогда Блэз Давенант и вошел в «высший свет» Натчеза, а потом Чарлстона, Саванны и даже Ричмонда, штат Виргиния.

Он переспал со своей сводной сестрой во время ее брачной ночи, пока ее муж валялся мертвецки пьяный в своей гардеробной. В Чарлстоне он приобрел репутацию дуэлянта и обеспечил себе пропуск в самые лучшие

гостиные этого аристократического города тем, что вызвал на дуэль (и убил) человека, который считался лучшим стрелком в четырех штатах. Этот так называемый джентльмен сделал оскорбительное замечание относительно «французишек и выходцев из Техаса».

Вскоре после этого инцидента Блейз (как он теперь стал себя называть) впервые встретился с мисс Чэрити Виндхэм. Потом судьба снова их столкнула, а затем он уже сам искал ее общества – когда через несколько месяцев вернулся в Чарлстон из Техаса. Тогда все и началось – его участие в работе «Подземной железной дороги» и его нынешнее назначение специальным агентом по западным и юго-западным территориям с подчинением лично президенту Линкольну.

Подобно Мари-Клэр с ее чувственным бормотанием и нежными руками, которая все пытается вернуть ему боевую готовность, Блейз стал слишком большим прагматиком. У него есть более важные дела, чем думать о лживой ведьме с распущенными волосами, которая заслужила все, что с ней может случиться. И если она не моргнув глазом обрела сразу двух мужей – то это ее проблема, а не его! Слава Богу, она ушла из его жизни, а с этого момента он постарается изгнать ее и из своих мыслей.

Глава 28

Тиканье часов снова и снова отдается в ее голове, как те слова, что она должна выучить и повторять, повторять, пока не сможет все сказать правильно... Зыбкая граница отделяет боль от наслаждения – или это «наслаждение» на самом деле всего лишь облегчение после того, как кончается боль? Как бы то ни было, она усвоила то, чему ее учили. Тристе всегда говорили, что она хороший студент, который все хватает на лету.

После того самого первого «урока» Фернандо решил оставить ее для себя. Так что единственное удовольствие, которое получал от Тристы Нордстрем, – это возможность избивать ее, когда на то было соответствующее указание, или по собственной инициативе унижать ее как-нибудь по-другому.

Теперь наконец все это кончилось. Триста объявлена «излечившейся» от всех душевных заболеваний, которыми якобы страдала, когда была помещена в так называемый «Закрытый частный санаторий для умалишенных». Она излечилась от всего: от бывшего упрямства, былой самонадеянности и от всех своих иллюзий.

Триста произнесла свое тщательно отрепетированное «покаяние» перед двумя надутыми самозванными врачами, которые управляли этим заведением. С должным смирением и раскаянием она признала, что позволила своей слабой женской натуре ввергнуть ее в грех и распутство. Она сообщила, причем с подробностями, что вступала в сексуальные отношения и совершала всяческие другие развратные и бесстыдные действия с бесчисленным множеством джентльменов, чьи имена она даже не может вспомнить, – за деньги, драгоценности и «прочее вознаграждение». Она вела себя как проститутка и как падшая женщина. Триста даже подписала солидный с виду документ, в котором утверждалось, что она делала все это по доброй воле.

Но теперь у нее не было своей воли. Она знала и не пыталась подвергать это сомнению, что теперь принадлежит как рабыня своему сводному брату Фернандо и что только от его каприза зависит – причинить ей боль или доставить удовольствие.

Она принадлежала ему, и Фернандо принял все необходимые меры, чтобы жизнь ее состояла из ожидания его посещений. Триста ждала их со страхом, не в состоянии думать ни о чем и ни о ком другом, лишь о том, как он в следующий раз посмотрит на нее и что сделает. И о том, как

удовлетворить его, чтобы Фернандо не стал ее наказывать. Триста «исправилась», ее приучили к покорности и беспрекословному подчинению. И, как дрессированное животное в цирке, которое заставляют прыгать с тумбы на тумбу, она научилась делать то, что от нее ожидают. Исполнять трюки.

В присутствии других Фернандо предпочитал называть ее Терезой. Иногда он называл ее так и наедине. Теперь, когда ее дрессировка закончилась, Триста научилась отключать мыслящую часть себя и думать лишь о том, как угодить Фернандо.

– Теперь ведь ты понимаешь, почему я вынужден был тебя наказать, – чтобы привести в чувство! Это все для твоего же блага, пута! – Фернандо засмеялся, почувствовав, как Триста крепче прижалась к нему. «Она трется об меня, как котенок», – снисходительно подумал Фернандо, небрежно, похозяйски поглаживая нежную кожу Тресты. Время от времени он замирал, наслаждаясь ее довольным мурлыканьем или, наоборот, сдавленными стонами, когда Фернандо больно щипал ее. Но теперь Триста не пыталась отстраниться – не только из боязни, но и от того, что научилась наслаждаться всем, что Фернандо с ней делал. Это его пута, его ручная шлюха, и нужно было только, чтоб она поняла, кто ее хозяин!

– Ну? – еще раз спросил Фернандо, неожиданно резко потянув за шелковистые темные волосы Тресты и одновременно за сосок, который перед этим отвердел под его более ласковыми прикосновениями.

– А-а-а! – закричала она, и Фернандо почувствовал, как тело Тресты задрожало от боли, хотя, помня предыдущие уроки, она не смела отстраниться. – Фернандо, прости меня! – задыхающимся голосом пробормотала Триста, прижав к его бедрам свои округлые ягодицы. – Я это уже говорила... Я хочу сказать... я знаю, что все сделано для моего блага... и потому... потому, что я заслужила наказание... Мне нужно было исправиться раньше... пока не стало слишком поздно... а-а-а! Изменить...

Наслаждаясь своей властью над Тристой и чувствуя, как она дрожит, Фернандо удовлетворенно ущипнул ее за мочку уха.

– Ты вполне уверена в том, что говоришь? – с насмешкой спросил он. – В конце концов, тебя всегда слишком легко было увлечь гладкими речами и томными взглядами, не говоря уже о жизненных благах, а? Значит, ты все еще меня любишь? Сделала бы ты для меня хоть что-нибудь, если бы у меня не было клочка бумаги, позволяющего в любое время посадить тебя в тюрьму как обычную проститутку?

– Да, я знаю, что ты можешь это сделать. Но ты же всегда знал о моих чувствах – даже если излишняя гордость не позволяла мне выражать их

открыто. Ты должен был знать, что я тебя ревновала!

– В самом деле? А теперь – что бы ты сделала для меня теперь?

Она ответила внезапно страстно, что позабавило Фернандо и даже приятно его возбудило.

– Что бы я сделала? В первую очередь избавилась от Мари-Клэр! А затем... – Она повернула к нему голову и прижалась лицом к его плечу. – О, Фернандо! – бормотала Триста в перерывах между короткими, дразнящими поцелуями. – Разве ты не видел, как я сгорала от ревности? Я хотела только завлечь тебя, а потом отступала, чтобы подразнить. Чтобы ты сам начал преследовать меня – как я раньше бегала за тобой, помнишь? Ты меня еще не простил?

Уловив неожиданную страсть в ее голосе, Фернандо рассмеялся. Но тут руки Тристы начали путешествие по его плечам и спине, а затем одна из них опустилась между его бедер...

И хотя Триста в этот миг слишком напоминала ему Лоретту, Фернандо не смог устоять перед искушением. Да, несмотря на все, что он заставил ее вытерпеть, эта дрянь любит его, как все девки, которые попробовали кнута. Он заставил ее наконец в этом признаться, причем без всякого принуждения.

Избавиться от Мари-Клэр! Что ж, Фернандо действительно был не против, чтобы эти две женщины больше никогда не встретились или по крайней мере не встречались бы очень долго! А так как его сводная сестричка не просто хочет его, а страстно желает, несмотря на все, что он с ней сделал... Правда, азарт погони и сладость победы уже позади, и единственная разница между ней и всеми остальными, которых он имел, а затем бросил, только в том, что она дочь лживой и непостоянной Лоретты.

Лоретта – неужели она с самого начала только играла с ним? Каким юным и наивным он тогда был! Он ходил по пятам за Лореттой примерно так же, как ее дочь таскалась за ним, безмерно его тем самым раздражая. Тогда Триста была от него без ума, а потом научилась играть в те же игры, что и ее мать. Ну, за это он ее уже наказал и еще накажет, если сочтет нужным.

Фернандо брал ее грубо, больно шлепая по бедрам, чтобы она кричала. Он воображал, что перед ним Лоретта. Да, Лоретта, но ручная, на все согласная и больше не способная командовать. Его рабыня, которая громко и беспомощно стонет под ним от боли и удовольствия, не в состоянии ему перечить.

В конце концов, кто сможет и кто захочет ей помочь? Ей не к кому обратиться и не на кого положиться, кроме себя. Нет никого, кому она

рискнет довериться. «Мне это безразлично – безразлично!» – яростно повторяла себе Триста, двигаясь и улыбаясь, как механическая кукла.

Она была свободна и в то же время узница. И она была слишком запугана Фернандо, чтобы попытаться сбежать от него, рискуя вернуться в то место. В любом случае Тристe было некуда и не к кому бежать – с тех пор как Фернандо с грубой откровенностью сообщил ей, что назначен ее опекуном до тех пор, пока она вновь не выйдет замуж или не достигнет двадцатипятилетнего возраста.

– Это мой отец, а не твой! Надеюсь, что перед смертью он понял, какая ты непостоянная – какая безнравственная девка!

Триста не посмела возражать – тогда Фернандо избил бы ее. Но его слова ранили ее в самое сердце, ударив сильнее, чем любая плетка.

Особенно когда Фернандо сказал, отворачиваясь ухмыльнувшись:

– Я сказал папе, что ты вообще не приедешь, потому что слишком занята развлечениями в Париже, – и ведь я сказал правду, верно, пута? – А затем, вновь рассмеявшись, он добавил: – Ну ничего, в конце концов... в конце концов я сумел убедить отца изменить завещание и назначить меня твоим опекуном до двадцатипятилетнего возраста. Так что, как видишь, я имею полное право приучать тебя к дисциплине, что, правда, нужно было делать уже очень давно!

«Это ложь – еще одна ложь, сказанная только для того, чтобы причинить мне боль!» – кричало сознание Тристы. Но вслух этого сказать она не посмела. Она сказала то, что от нее ожидали услышать. Триста научилась играть – и скрывать свои, пусть очень горькие, мысли ото всех, пряча их за равнодушным выражением лица или фальшивой улыбкой.

«Я хорошо ее проучил, эту похотливую надменную шлюху!» – говорил себе Фернандо. Как быстро исчезла вся ее надменность, когда гордячку поставили на место, заставив на коленях умолять о прощении. Да, именно этого она заслуживает. Он снова, как и много раз до этого, вспомнил о Лоретте. О, если бы на месте Тристы оказалась ее мать – только научившаяся любить его и выполнять каждое его желание! Фернандо хотелось бы, чтобы Лоретта знала, что он сделал с ее отродьем и что он думает о ней! Обе они шлюхи!

Однако теперь, когда проклятая дрянь наконец приручена и готова лизать руки да и вообще делать что угодно, она уже больше не представляет для него интереса. К тому же она начинает дуться, если Фернандо проводит с ней мало времени, и даже ревниво выспрашивает, что он делает без нее – пусть он даже находится в обществе своей жены и детей!

Настало время, думал Фернандо, избавиться от шлюхи – от той обузы, в которую она превратилась, особенно с тех пор как стала за него цепляться. Теперь, когда ему уже опостылело ее чересчур доступное тело, пусть она принесет хоть какую-то пользу. Это называется «убить двух зайцев одним выстрелом». Пусть она воображает, что он будет часто ее навещать – и наказывать, если она вдруг перестанет слушаться.

Виргиния-Сити – быстро растущий, богатый серебром город, где не хватает женщин. И его друг судья Терри уже находится там, стараясь обеспечить поддержку делу Юга. Можно собрать и распространить множество полезных слухов – особенно с помощью привлекательной женщины, обученной доставлять удовольствие мужчинам. Они даже не заметят, что им задают вопросы. Если женщина, обладающая некоторым подобием ума, – такая, как его рабыня Триста, – будет следовать приказам, она сможет собрать очень много полезной информации. А она, конечно, будет подчиняться – Фернандо в этом уверен!

Так все и началось – по крайней мере для Тристы. Впереди забрезжила надежда, и Триста тщательно следила за своим выражением лица и поведением, стараясь всячески выражать покорность и униженную благодарность за свое предполагаемое освобождение. Ее всего лишь выпустили погулять, постоянно напоминала себе Триста. Точнее, погулять на поводке – как плохо прирученную суку. Фернандо в любое время, когда захочет, может вернуть ее обратно. Она всегда должна об этом помнить и терпеть его язвительные слова и презрительное обращение – даже на людях.

Она проститутка и в данный момент его собственность. Разве она не подписала соответствующего юридического документа? Что хорошего может выйти, если она станет это отрицать? Фернандо даже заставил ее одеваться как проститутку – в короткие кричащие платья из шелка и атласа, отороченные золотистой или серебряной бахромой. Вырез на платье должен был быть таким глубоким, чтобы Фернандо мог без труда запускать туда руку и вполне открыто ласкать груди Тристы и играть с ее сосками – даже у всех на виду.

Он не раз проделывал это не только в самых низкопробных казино Сакраменто и Пласервилля, но даже в почтовой карете компании «Уэллс Фарго энд компани Конкорд», которая везла их в Виргиния-Сити, штат Невада.

– Улыбайся, пута, – наклонившись, шептал Фернандо. – Улыбайся джентльменам, которые завидуют мне, видя, как твои соски твердеют и, кажется, вот-вот прорвут тонкий шелк твоего платья! Пусть они все видят,

как ты наслаждаешься моими ласками! Разве тебе это не нравится? Призывно улыбайся каждому смотрящему на тебя. Пусть они облизывают губы и возбуждаются, пусть они видят, какая ты опытная, моя ручная сучка!

– Конечно, я твоя – вся твоя, Фернандо! – шептала в ответ Триста. – Но я так ревную тебя, другие женщины так на тебя смотрят! Лучше я буду призывно улыбаться тебе!

Иногда он самодовольно усмехался. А иногда награждал Трису щипком или хлопал по заду:

– Всегда помни, что теперь командую я – поняла? Так что улыбайся и кокетничай, но только когда я тебе это приказываю! Все женщины, играющие в карты, умеют хорошо это делать, а я хочу, чтобы ты скоро стала одной из лучших! Именно так ты можешь доставить мне удовольствие, моя пута-бруха, и знай, что я больше не потерплю твоей ревности – заруби себе это на носу!

Много лет выдавая себя за мужчину, Триста научилась неплохо играть в азартные игры. Эти навыки сейчас ей оченьгодились. Триста действительно умела играть в «фараона», в «красное и черное», в «двадцать одно» и даже в покер. А призывные улыбки и кокетство, которых требовал от нее Фернандо, явно отвлекали внимание соперников от игры.

Триста почти все время думала о том, чего добивается Фернандо. Зачем он вдруг решил ее освободить – пусть даже не выпуская из виду? Он хотя бы не предлагает ее другим мужчинам – пока не предлагает, хотя постоянно напоминает Тресте, что она его шлюха и его рабыня.

«А я действительно стала в этом деле профессионалкой! – не раз с горечью говорила себе Триста. – Я научилась всем нужным трюкам и при этом вообще ничего не чувствую – хотя знаю, что играю очень неплохо».

Как и у любой проститутки, у нее не было прошлого, и она не осмеливалась заглядывать в будущее. Чтобы выжить, надо жить одним днем. Триста приучила себя вообще не думать во время представления, чтобы до конца вживаться в ту роль, которую заставлял ее играть Фернандо. Ей не к кому обратиться и не на кого положиться, кроме самой себя. Этот урок, среди множества других, Триста усвоила очень хорошо. Она слой за слоем наращивала защитную оболочку, скрывавшую от окружающих ее реальные чувства и эмоции, пока не стала той, какой должна была быть, – игроком, полностью сосредоточенным на игре, от которой зависит его существование. Нет ничего хуже, яростно повторяла себе Триста, того ужаса, когда грубо вторгаются в твое сокровенное, в твои надежды и мечты. Развращать, развращаться – какая разница? Теперь она

стала тем, чем стала.

Стать еще более развращенной, чем ее развратители, победить их на их собственном поле – на карточном столе, – а почему бы и нет? Ей уже нечего терять!

Не осталось ничего, что бы не было по-глупому растрчено, Тристу заставили рассчитаться с самым дорогим и сокровенным, не спрашивая ее желания.

– Так вот, значит, ты какая в действительности! Еще большая дрянь, чем твоя драгоценная мамаша! Дразнила, обещала, и затем в последнюю минуту убегала, а теперь посмотрите-ка на нее! Наслаждается всем, что я ей даю, а потом трется об меня, как котенок! – Фернандо коротко рассмеялся, но в его смехе прозвучала странная нотка, которую Триста постаралась не заметить. Она продолжала исполнять навязанную ей роль – быть хорошо обученной куртизанкой, от которой требуется только играть, не задумываясь о том, что она делает. И сейчас Триста знала, что нужно сказать. Она хорошо отрепетировала свою реплику:

– Но Фернандо! Я ведь тебе уже говорила: я только ждала, что ты... что ты меня возьмешь! Я думала, что это ты специально меня дразнишь, и пыталась заставить тебя ревновать! Ты же видишь, как сейчас я тебя ревную...

– Больше ни слова об этом, слышишь? Или я буду тебя бить, чтобы ты знала свое место, – вот так и вот так! И перестань визжать, иначе будет хуже!

Фернандо завернул ей руки за спину, больно ударяя рукой по обнаженному телу. Несмотря на все усилия, Триста не смогла удержаться от сдавленного стога.

– Вот так-то! – объявил Фернандо, внезапно освободив ее – так же внезапно, как и схватил. – Пусть это послужит тебе уроком! Ты всего лишь проститутка, твоя единственная задача – служить мне и делать то, что я скажу, поняла? И если ты в меня влюбилась, потому что я оказался первым мужчиной, который тебе показал, кто здесь хозяин, – тем больше оснований стараться меня ублажить и не надоедать своей дурацкой ревностью. А теперь повернись, как подобает дешевой шлюхе! На колени, тварь, и моли, чтобы я сделал то, чего ты больше всего хочешь!

Правда в том, что он до сих пор желает ее, особенно когда имеет так, как сейчас, или другими самыми унижительными способами, со злостью думал Фернандо. Но к сожалению, это не Лоретта – лживая Лоретта, которая научила его всему и заставила страстно желать ее, даже любить! А потом, не говоря ни слова, не извинившись, бросила его, оставив после

себя только ненависть, которая с тех пор пожирает его, словно раковая опухоль. Иногда Фернандо представлял себе, что перед ним Лоретта, – но они были слишком непохожи. Лоретта никогда не позволила бы себе так легко сдаться. Нет, Лоретта повернула бы все так, что сама стала бы победительницей и королевой. Лоретта никогда не смирилась бы с подобным обращением. Она скорее бы умерла или улыбнулась бы ему так, что... Но лучше не думать сейчас о Лоретте! Его месть Лоретте была бы гораздо мягче. А что касается Тристы, превратившейся в вешающуюся ему на шею девку, то Фернандо уже устал от нее. Тем более что она больше не сопротивляется и не протестует, как бы он ни унижал и ни бил ее. Фернандо действительно начал верить, что она наслаждается всем, что бы он с ней ни делал, воспринимая все его действия как проявления любви!

Лоретта тогда его любила – в этом он уверен. Как они рисковали! А ее дочь, которая сейчас под ним вертится и стонет и кусает свою руку, пытаясь удержаться от громких криков боли, она всегда преследовала его, следила за ним. С тех самых пор как Лоретта убежала, Фернандо строил планы, как поступить с ее отродьем, когда Триста станет для того достаточно взрослой. Благодаря вмешательству тетки и поведению самой Тристы ему пришлось ждать дольше, чем он рассчитывал. Но ничего – теперь она не откажет ему ни в чем, что бы он ни потребовал. Фернандо хотел, чтобы Лоретта об этом знала. Он хотел, чтобы Лоретта сейчас увидела, какой стала ее дочь – на все готовой, покорной шлюхой. И она еще увидит. Да, обязательно увидит! И узнает, что это месть Фернандо за то, что она предала его любовь.

Когда Фернандо был в таком состоянии, он всегда делал ей больно – больнее, чем обычно. Триста знала почему. Это из-за ее матери – опять из-за ее матери! Но, как и всегда в такие моменты, Триста пребывала уже в другом мире. Сознание уже покинуло ее тело, которое сейчас принадлежало не ей, а некоей актрисе, игравшей в какой-то дешевой мелодраме роль, не имевшую ничего общего с действительностью. Действительность настигнет ее позже – после того как представление наконец закончится.

Глава 29

Ее называли Серебряной, потому что она только улыбалась в ответ и качала головой, если кто-то спрашивал ее настоящее имя. И еще потому, что у нее были серебристо-серые глаза – под цвет серебряной отделке тех коротких черных платьев, которые она всегда носила. Город Виргиния-Сити существовал благодаря серебру, которое добывали в Ол’Виргинни и в Офире, а также золоту, находившемуся под Золотым холмом.

Здесь действительно был дефицит женщин – не считая проституток, хорошеньких официанток и актеров, которые давали представления в таких местах, как «Мелодеон». Мало кто, не разбогатевав по-настоящему, мог позволить себе привезти сюда жен, сестер и детей.

Так что в начале шестидесятых годов в Виргиния-Сити было очень мало жен и полно проституток – как первоклассных, так и дешевых. Официантки представляли собой что-то среднее. Что же касается Серебряной, то никто не мог сказать, к какой категории ее отнести, кроме того, что она одна из женщин-игроков и работает в шикарном казино. Даже в одном из шикарнейших! Однако мужчины, которые собирались вокруг ее стола, скоро обнаружили, что ее холодность вовсе не располагает к грубым манерам. Серебряная никогда не поднималась вверх ни с одним мужчиной, сколько бы ей за это ни предлагали. Хотя, черт побери, она была чрезвычайно привлекательной молодой женщиной! Черные как ночь волосы она всегда закалывала в пучок, а длинные локоны, выбивавшиеся из него, казалось, по чистой случайности, свободно падали на шею и плечи.

Серебряная. Множество мужчин мечтали о ней, в невыносимой жаре добывая руду глубоко под землей. Ее окружала атмосфера таинственности. Серебряная разговаривала как леди и вела себя как леди. Некоторые говорили, что видели ее раньше в варьете в «Мелодеоне», где она в чем мать родила играла леди Годиву. Однако в таком безнравственном городе, как Виргиния-Сити, никого не интересовало чужое прошлое. Только настоящее. А Серебряная никогда не обманула ни одного мужчину, хотя иногда могла немного подразнить или пококетничать. Ну и что? Здесь каждый живет одним днем. Если вы разбогатели, то тратите свои деньги и чувствуете себя королем. И тратите их на то, что вам нравится.

Во всем городе, пожалуй, не было мужчины, который не заплатил бы все, что имел, за возможность подняться с Серебряной вверх, заставив всех остальных ему завидовать. Хотя бы поговорить там с ней, хотя бы

посидеть на кровати – даже если бы все ограничилось только этим, ему бы все равно завидовали.

Она не была проституткой – по крайней мере вела себя так, как будто ею не была. Но Серебряная не была и той, кого называют леди. Загадка, головоломка. И если бы какой-то дерзкий новичок отважился ее оскорбить, его бы тут же линчевали или забили до смерти.

Для Тристы, которую знали теперь как Серебряную, это было время поисков. Поисков ответов на вопросы или, может быть, объяснений. В Виргиния-Сити, куда Фернандо привез ее и где (слава Богу!) оставил, Триста могла его не опасаться. По крайней мере на время.

Как легко оказалось стать другой, совсем другой личностью! Она стала Серебряной – холодной и загадочной. И все потому, что никогда ничего не просила и не предлагала. Возможно, еще потому, что она научилась не ждать и не надеяться. И не верить никому и ничему, кроме себя.

– Ты остаешься здесь с моими друзьями, – сказал Фернандо, с фальшивой нежностью глядя Тристу, как будто она и в самом деле была кошкой. – Они присмотрят за тобой. Но не забудь о своих обязанностях. Запоминай все, что услышишь, о передвижениях войск Союза^[9] и вообще все, что может быть полезным, поняла? Ради меня, милашка. А я вернусь как можно скорее, чтобы убедиться, что ты по-прежнему моя послушная маленькая шлюха. Как ты сама это признала. Я уверен, что об этом ты не забудешь, правда?

Конечно, нет – как об этом можно забыть? Как и обо всем том, что он заставил ее сказать и сделать!

Ей каким-то образом удалось выжить, отключившись от реальности, став актрисой спектакля, который вот-вот должен кончиться. О, как много ролей ей пришлось сыграть, сколько монологов пришлось выучить наизусть! Но больше это не повторится – нет, не повторится. Никто не посмеет поднять руку на Серебряную, недостижимую достопримечательность Виргиния-Сити, – даже Фернандо. В особенности Фернандо.

В Авроре, недавно возникшем городишке, в котором царили едва ли не более дикие нравы, чем в Виргиния-Сити, и который стал новым местом сборищ сторонников южан, называвших себя «Рыцарями Золотого круга», ее «выдали замуж». Это, конечно, была пародия на свадебную церемонию, где все присутствующие были в чем мать родила, а «мужем» Тристы стал дряхлый старик, уже сделавший Фернандо своим наследником. И все ради ее так называемого наследства, которое, возможно, уже перестало

существовать! Такой же фарс, как и то венчание на борту корабля!

Был ли у нее выбор? А какой выбор есть у рабов? Триста робко пыталась протестовать и тут же была избита, после чего, рыдая, «согласилась».

Никто из друзей Фернандо, присутствовавших на «свадьбе», даже не заметил ее красного, распухшего лица. Единственное, чему Триста была страшно рада, – когда ее положили в постель к «новобрачному», он сразу же уснул. А уже на следующее утро они отправились в Виргиния-Сити, где ее, как ненужный багаж, сдали на попечение мужчины и женщины, которых она никогда раньше не видела и о которых ничего не знала. С первого взгляда было ясно, что обоим нельзя доверять, хотя женщина, которую звали Вера, на первых порах старалась выказывать чрезмерную доброту.

– Ты пойдешь наверх с любим, кто может дать тебе какую-то информацию, поняла? – прошептал ей на ухо Фернандо перед тем, как расстаться. И оставил наедине с мадам и ее нынешним приятелем, которые разглядывали ее словно только что купленную корову.

– Какая симпатичная девушка! Видя, как на вас смотрит мой Роберт, я бы стала ревновать, если бы вы не были такой ужасно хорошенькой! Какие волосы, какие глаза – держу пари, что она сведет с ума всех мужчин и они будут готовы отдать все, что она ни попросит!

Бобби наконец перешел прямо к делу.

– Не думаю, что у нее достаточно большие сиськи, чтобы играть леди Годиву, – пренебрежительно проворчал он, – но боюсь, что ей придется попытаться хотя бы один раз, иначе нас разнесут в клочья. Мы ведь уже расклеили плакаты и все такое. Просто поддерживай их одной рукой, а другой будешь прикрывать свою киску, ясно? А как ездить на лошади, мне сказали, ты знаешь. Все поняла?

На один вечер Триста оказалась актрисой, которая должна была затмить и превзойти Аду Исаакс Менкен с ее знаменитой «Мазепой». Восседавшая на лошади Ада по крайней мере была одета в телесного цвета трико. На Тристе же, когда белая кобыла везла ее через казавшуюся бесконечной сцену, не было абсолютно ничего.

Только страх перед Фернандо, который мог за ней наблюдать и уличить ее в непокорности, заставил Тристу подвергнуться публичному унижению. Обнажаться под оценивающими взглядами Веры и ее «приятеля» было само по себе ужасно, но предстать нагишом перед толпой орущих мужчин – это было просто невыносимо!

После окончания представления Вера с раздражением заметила, что

Тристе не следовало прятать за волосами свое лицо – тогда на сцену полетело бы больше мешочков с золотым песком и самородков. Но, как будто Тристе было мало всего испытанного ранее, когда мадам якобы помогала ей надеть тонкий халат, руки Веры принялись шарить по ее телу. Именно тогда Триста почувствовала, что больше просто не вынесет. Нет! Чем бы ей ни угрожали, что бы ни пытались с ней делать, на этот раз она будет сражаться со всем отчаянием обреченного.

У Веры были крашенные рыжие волосы и чересчур полная фигура плюс неприятный запах изо рта. И руки у нее были хищные – как у Фернандо. Вера продолжала свои поползновения даже после того, как Триста попыталась отодвинуться.

– Моя дорогая, я слишком хорошо знаю, как грубы бывают мужчины! Они могут причинить столько боли, но мы, женщины, ведь знаем, как доставить себе удовольствие, а? То, что нам нравится...

– Нет! – услышала Триста свой резкий голос. Схватив полные руки Веры, она отвела их в сторону. – С этой минуты я сама за себя решаю – слышишь?

В глазах мадам Триста неожиданно заметила страх. Хныча, Вера отчаянно пыталась освободиться, а Триста безжалостно трясла ее.

Прекрасно! Наконец-то кто-то и ее испугался! Все еще держа Веру за руки, Триста ощутила, как в ней поднимается первобытное желание схватить мадам за горло и сдавливать, сдавливать его, глядя, как та задыхается. Большие пальцы уже чувствовали под собой ее сонную артерию...

– Я могу убить тебя прямо сейчас и ни капли не пожалею! Теперь ты это понимаешь, правда? – Видя, как побледнело обычно цветущее лицо мадам, Триста презрительно засмеялась: – И скажи своему подельнику, своему Роберту, чтобы он со своими потными руками держался от меня подальше. Я с удовольствием убью и его, если он хоть раз попытается до меня дотронуться, поняла? Я принадлежу только себе, и теперь только я решаю, что я буду делать, а что – нет! Надеюсь, до тебя это дойдет раньше, чем я переломаю тебе обе руки!

– Великолепно, дорогуша! Но какова все же причина такого неистового проявления ярости? И пожалуйста, постарайтесь не сломать руки моей бедной Вере, пока будете объяснять свое поведение. Иначе мне придется застрелить вас вот из этого маленького пистолета.

Поддавшись пьянящему чувству ярости, Триста в последние несколько минут утратила всякую способность думать и здраво рассуждать. Накопившиеся за последние месяцы гнев и отчаяние внезапно

выплеснулись наружу. Но сейчас, услышав за спиной веселый, с легким акцентом, хорошо знакомый голос, Триста почти мгновенно успокоилась. Презрительно оттолкнув от себя Веру, она демонстративно медленно обернулась.

Перед ней стояла ее мать. Все еще стройная, все еще красивая и по-прежнему чужая. Триста услышала собственный смех – резкий, неприятный звук, который ей самой резанул по нервам.

– Почему бы тебе не пойти дальше и не разрядить в меня этот миленький пистолет, маман? Это избавило бы нас обеих от неприятной необходимости выяснять наши странные взаимоотношения, не так ли? Или ты уже знаешь, что твой пасынок, которого ты сделала своим любовником в доме его собственного отца, превратил твою дочь в свою личную шлюху и готов предоставлять ее кому угодно? И только потому, что я имела несчастье родиться твоей дочерью и он не смог удовлетворить свою похоть с тобой! Это должно тебе льстить, дорогая маман!

Их взгляды столкнулись.

– Я всегда знала, что это когда-нибудь случится! – пожав плечами, сказала Лоретта. – Значит, ты Триста... Ты стала гораздо красивее, чем в детстве!

– Ну а ты почти не изменилась с того времени, что я тебя помню! Красивая, холодная и бесчувственная, как мраморная статуя, – по крайней мере по отношению ко мне, твоей некрасивой ненужной дочери! – К своему ужасу, Триста обнаружила, что ее глаза увлажнились, а голос дрожит. – Тем не менее ты послужила мне хорошим примером, особенно в последнее время. И меня хорошо обучил всему мой сводный брат, которого, как он сказал, наставляла ты! Так ты видела сегодня представление? Ты часто сюда приходишь, мамочка?

– Это заведение принадлежит мне – как и другие, расположенные по соседству. Несколько театров и казино в Виргиния-Сити. Сейчас я живу с одним просто бешеным, но очень богатым шотландцем, который построил мне дом и дарит драгоценности. – Лоретта слегка пожала плечами и выразительно выгнула бровь, раскуривая тонкую сигару, вставленную в инкрустированный золотом мундштук из эбенового дерева. При этом Лоретта наблюдала за сменой эмоций на лице Тристы. Когда-нибудь она, возможно, научится их никому не показывать – если, конечно, захочет учиться!

– Дело в том, – выдохнув табачный дым, небрежно сказала Лоретта, чье лицо было похоже на улыбающуюся маску, – что после твоего ошеломительного появления на сцене в роли леди Годивы Чарли полон

решимости с тобой познакомиться... и представить тебе некоторых своих друзей. Там будет... м-м-м... вечер, как он говорит, посвященный «играм и забавам». Я уверена: ты понимаешь, что он имеет в виду. Да нет, не беспокойся! Я найду для тебя какое-нибудь оправдание, и он выбросит из головы все свои идеи об «играх и забавах» сегодня ночью! Я предоставлю ему какую-нибудь новую девочку из тех, кого пока не слишком часто использовали его друзья.

Триста заметила, что улыбка на лице ее матери превратилась в недовольную гримасу.

– Во всяком случае, моя дорогая, – отвернувшись, сказала Лоретта и нервно погасила сигару, – я совсем не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что ты моя дочь – тем более такая взрослая! Я думаю, для нас обеих это будет неудобно!

– Уверяю тебя, что я вовсе не имею намерений... – холодно сказала Триста, но тут раздался ужасный грохот, дверь распахнулась от удара, и в комнату ворвалось несколько возбужденных джентльменов. Они немедленно окружили Трису, прижав ее к стене. Их ухмылки и похотливые взгляды сразу напомнили Тристине о том, что она очень легко одета.

– Черт побери, Лори! Мы слишком устали ждать! Это одна из новых девочек, да? Ты потратила столько времени, чтобы уговорить маленькую очаровашку быть полюбезнее с моими друзьями, а? Да ведь все ее уже очень хорошо разглядели – так что какая разница?

Рыжеволосый мужчина, который только что произнес горячую речь относительно доступности Тристы, очевидно, и есть последний любовник ее матери. Шотландец Чарли, который «просто бешеный», очень богатый и у которого слишком много приятелей.

Несомненно, Чарли готов щедро заплатить за досуг своих друзей! Однако, к удивлению Тристы, ее только что нашедшаяся мать вступила с Чарли в яростный спор. Наверно, ревнует? Ну конечно, нет – она же пытается защитить честь своей дочери!

Триста едва успела об этом подумать, как один из мужчин схватил ее за грудь и неуклюже попытался сдернуть тонкий халат. Грубое животное! Все они грубые, похотливые самцы, которые только и хотят возлечь на Трису и попользоваться ее телом. Что она испытывает, их не заботит. Наверное, они считают, что ей все равно некуда от них скрыться. Грязные, немые тела подступают к ней все ближе, загоняя в ловушку, пытаются пригвоздить к стене, как бабочку с перебитым крылом...

– Ну нет!

Триста даже не заметила, что громко выкрикнула эти слова. Ребром ладони она резко ударила одного, выбрав самое чувствительное и болезненное место. А когда тот тип отступил, крича от боли, почти парализовавшей его, Триста коленом ударила в пах второго наглеца и одновременно нанесла удар по адамову яблоку мужчины, стоявшего от нее справа.

Когда все отпрянули назад, с недоверием переводя взгляд с бледного, холодного лица Тристы на своих стонущих компаньонов, она спокойно заявила:

– Я очень боюсь, что вы... Я вряд ли могу называть вас джентльменами после такого проявления невоспитанности, верно? Ну, кто бы вы ни были, запомните, что я не продаюсь! Если пожелаю, я сама буду решать и сама выбирать, но только после того, как меня вежливо попросят! Никто меня не возьмет, – я сама отдамся, если захочу! Вы поняли?

– Готов поклясться, что у нее проглядывают клыки, да и говорит она, словно рычит! Черт побери, Лори, ты должна была нас об этом предупредить!

Игнорируя изумленные взгляды, Триста на негнущихся ногах направилась к двери и вышла, не оглядываясь. Она уже ни о чем не думала, целиком отдавшись своему гневу – единственному, что могло сейчас ее поддержать.

Глава 30

– Вы никогда не ощутите подлинного духа Виргиния-Сити, если не посетите все лучшие местные бары и бордели. Именно там вы встретите всех, на кого стоит посмотреть и, если хотите, зарисовать!

– Например?

– Например, загадочную женщину, которую здесь называют Серебряная. Вот будет для вас головоломка, как и для всех остальных, я думаю! Дает она вообще или не дает? Даст сегодня или нет? Согласитесь, это очень интригует! Эта дьявольская женщина – вечная загадка и вечный вызов. Ходят слухи, что она приехала сюда с «покровителем», который, так сказать, сдавал ее напрокат как проститутку. А затем она затмила «Мазепу» Ады Менкен, сыграв леди Годиву, и стала предметом разговоров, если не сказать достопримечательностью всего города! Когда она сидит за карточным столом в «Серебряной туфле», всегда одетая в черное с серебром платье, то производит сильное впечатление.

Сэм Клеменс, репортер «Территориэл энтерпрайз», уже доказал, что может быть занимательным спутником и весьма информированным проводником по значным местам Виргиния-Сити. Когда они, немного покачиваясь, вошли в пышно обставленный холл «Серебряной туфли», в пухлом альбоме Блейза Давенанта оставалось всего четыре чистые страницы. По словам Клеменса, внизу здесь круглые сутки играли и пили, вверху же находились отдельные номера: «Всегда приберегайте все лучшее напоследок!»

Лучшее? Блейз осмотрелся по сторонам. Традиционные зеркала и портреты пышных обнаженных женщин, непременно бренчащее пианино в углу, на которое большинство посетителей, сгрудившихся за карточными столами, не обращают внимания. Ну, слава Богу, это последний салун, который он должен сегодня посетить, с раздражением подумал усталый полупьяный Блейз. Сейчас ему хотелось только выспаться, чтобы завтра утром вновь отправиться в путешествие. На этот раз он поедет на Юг... хотя это слишком близко к дому и к воспоминаниям о прошлом, которые, казалось, уже давно исчезли из памяти. Нет, они все еще слишком живы и слишком горьки.

«– Индеец!

– А, вот и индейское отродье! Сколько же времени ты пробыл с дикарями?

– Говорят, что твой папаша купил твою мать у ее отца, а у него уже была жена индианка. Об этом все знают!»

Голоса прошлого. Почему они вдруг всплыли в памяти? И какое ему дело до них сейчас, когда он уже давно перестал быть тем робким мальчиком, каким был еще на пороге зрелости. Тогда Блейз был влюблен в молодую женщину на несколько лет старше себя. Наполовину мексиканка, выше и стройнее других девушек ее возраста, она казалась ему совершенно неотразимой и бесконечно желанной. А потом Блейзу пришлось внезапно вернуться к отцу и приспособиться к совершенно новому, непривычному образу жизни, который он с трудом постигал. Вот тогда его вождение, его страсть к этой девушке стали не только невыносимыми, но и почти неуправляемыми. Ее глаза, обрамленные черными ресницами, были цвета старого виски...

Нет, об этом не стоит вспоминать! Сейчас она, вероятно, стала толстой, безобразной и потеряла большую часть зубов. Чем думать о своей первой любви, лучше вместо этого вспомнить о Чэрити Виндхэм. Чэрити, милая Чэрити! Преданная подруга, готовая всем пожертвовать ради него, научившая Блейза быть заботливым, а иногда даже нежным. Он должен был бы жениться на ней – и несколько раз просил ее об этом. Пытался убедить, а один или два раза почти умолял. Но Чэрити всегда только качала головой, говоря, что у них обоих слишком много дел, чтобы думать о подобных вещах. А кроме того, оба они слишком независимы и слишком привыкли к свободе, и какие бы то ни было узы будут им в тягость.

А потом Блейз оказался настолько глуп, что позволил соблазнить себя чересчур пылкой племяннице Чэрити. Да что там – пошел еще дальше, женился на этой ненасытной девице! Он, видите ли, спасал ее репутацию, которая ей-то была совершенно безразлична! А она убежала со своим драгоценным братцем, выставив напоказ всему миру их отношения. В результате именно он, Блейз, оказался в дураках и получил репутацию рогоносца. Если он когда-нибудь встретит эту дрянь снова, то, вероятно, придушит ее – бесстыжую, лживую шлюху!

В своем раздражении Блейз не заметил, что уже опрокинул три порции виски. Когда он снова пододвинул стакан бармену, тот, извинившись, напомнил ему, что сначала следовало бы заплатить за предыдущие.

Нет, долой все эти ненужные, наводящие тоску воспоминания! Блейз бросил бармену через стойку золотую монету в десять долларов. Тот сразу широко заулыбался, достал чистый стакан и тут же наполнил его из другой бутылки – с другим, гораздо лучшим сортом виски.

Имея деньги, можно многого добиться – во всем мире дела обстоят

именно так. Смогли ведь они превратить дикаря в так называемого образованного джентльмена, обладающего при желании хорошими манерами!.. Но куда же это подевался Клеменс? Поднялся, что ли, наверх с какой-нибудь из хорошеньких женщин-игроков? Тоже своего рода забвение, и, чтобы получить его, не нужно напиваться до бесчувствия. Да, ему, чтобы забыться, нужна женщина – теплая, податливая плоть, готовая принять его и удержать рядом с собой час или два. Физическое облегчение без всяких чувств.

– Женщина-игрок, которую зовут Серебряная, всегда одетая в черное с серебром, – где я могу ее найти? За каким столом?

При этих словах улыбка на лице бармена почему-то исчезла.

– Э-э-э... ну... кажется, что... – запинаясь, начал он с явной неохотой. – Значит, мисс Серебряная... она сегодня одета по-другому. Я сам ее с трудом узнал! Она в том красном платье, которое мистер Чарли, то есть я хотел сказать, мистер Донелсон – заказал специально для нее. Он поспорил с ней, что она никогда не осмелится появиться в нем на публике. А мисс Серебряная, естественно, решила у него выиграть – чего мистер Донелсон и добивался! Но, мистер, я бы на вашем месте, даже если бы не дорожил своей шкурой, не стал бы ничего затевать в отношении этой малышки. Она все равно не станет подниматься наверх ни с вами, ни с любым другим джентльменом – сколько бы ей ни предложили!

– И что же, она зарабатывает себе на жизнь исключительно игрой в «фараон»? Скажите мне: кто ее покровитель? Вы или, может быть, тот мистер Донелсон, который покупает ей красные платья? Не беспокойтесь – пока я хочу только взглянуть на это чудо. Вы возбудили мое любопытство. Она, случайно, не красит волосы в красный цвет и не отращивает усы?

Конечно, она сидит за тем столом, вокруг которого столпилось большинство посетителей. Отпихивая друг друга локтями и обмениваясь сквозь зубы угрозами, они стараются пробраться поближе к женщине, которую зовут просто Серебряная.

Вероятно, она вовсе не стоит того, чтобы тратить на нее свою энергию. В том, что касается женщин, эти убогие городишки славятся полным отсутствием вкуса. В подобных местах бывает очень выгодно прикинуться глупой и беспомощной. Женщина, которая называет себя Серебряной, видимо, взяла на вооружение именно это обстоятельство. Скорее всего перед ним сейчас предстанет еще одна битая жизнью проститутка. Так к чему суетиться?

Пожалуй, единственная причина для этого – странное поведение бармена, который всего несколько минут назад улыбался и был очень

любезным. Сейчас, с преувеличенной тщательностью протирая стойку бара, он ничего не выражающим голосом сказал Блейзу, что приезжие очень скоро убеждаются в этом сами. И – «вот ваша сдача, мистер!»

Отойдя от стойки и от ставшего вдруг молчаливым бармена, Блейз Давенант сказал себе, что в зале есть множество точно таких же покрытых зеленым сукном карточных столов. И достаточно точно так же сдающих карты женщин-игроков, более чем готовых «подняться наверх», чтобы составить компанию мужчине после того, как закончится очередная игра. Чем тогда объяснить его любопытство именно к этой женщине, которая вряд ли сильно отличается от остальных, если работает в таком месте? Еще одна типичная шлюха, которая научилась дразнить мужчин только для того, чтобы их распалить и заставить потом платить больше. Если бы Блейз не обещал своему другу Ориону Клеменсу встретиться с его младшим братом Сэмом (который всегда в курсе всех последних сплетен), ему бы сейчас не пришлось проводить скучный вечер в Виргиния-Сити. И не пришлось бы пробираться через плотную толпу поклонников только для того, чтобы один раз взглянуть на женщину, называющую себя Серебряной.

– А! Вот вы где, Давенант! Надеюсь, вы простите меня, что я так внезапно оставил вас. Мне пришлось собирать кое-какой материал для статьи, которая должна выйти в «Территориэл энтерпрайз» на следующей неделе. Приходится, знаете ли, зарабатывать себе на хлеб с маслом. Причем надо ведь прибавить немного пикантности, чтобы у читателей слюнки текли при мысли о продолжении. Ну к чему я вам-то об этом говорю!

У Сэма Клеменса неотразимая улыбка и хорошо подвешен язык. Об этом предупреждал Блейза его брат Орион. Блейз пожал плечами и с вежливой улыбкой заверил Клеменса, что прекрасно понимает, каково это – быть представителем прессы.

– Ну, слава Богу, вы человек с понятием! И поверьте, я компенсирую вам этот простой! Собственно... А, я знаю, что я сделаю! Я вас представлю Серебряной, вот что!

Серебряная оказалась такой же элегантной и изысканной, как и тот металл, в честь которого она себя назвала. Серебристые глаза и копна вьющихся черных волос, которые никакая щетка и никакой шиньон не заставят покориться, волос, свободно падающих на плечи, виски и румяные щеки.

Триста! Распутная шлюха, в чьих красивых глазах равнодушно отражается блеск ламп.

Короткое ярко-красное платье оторочено золотыми лентами, пропущенными через черные кружева. Узкие ленты на плечах удерживали

тугой корсаж в границах приличия. Несомненно, что, кто бы ни купил Тристе это безвкусное платье, он должен был очень хорошо знать ее размеры! Возможно, он даже присутствовал, когда платье примеряли на голое тело, – этот мистер Донелсон, ее последний любовник! А сколько их было до него?

Блейз почувствовал, что его переполняет безрассудная ярость, заставляющая забыть о том, зачем он здесь находится.

Соблазнительная маленькая Триста с ее серебристыми глазами и податливым, чересчур доступным телом. Лукавая сука, которую он имел глупость сделать своей женой – ради того, чтобы ее «спасти». Должно быть, она находила это очень забавным – и Фернандо тоже. До тех пор, пока Триста не решила сменить его на другого, побогаче, – а потом еще на одного, а потом еще! Да, она прирожденная проститутка, чуть ли не с рождения интуитивно постигшая все те большие и маленькие хитрости, на которые так охотно клюют доверчивые дураки!

Сэм Клеменс, который, казалось, знал в Виргиния-Сити абсолютно всех, к этому времени уже сумел пробраться сквозь толпу к ее столу. Но еще до того, как его новый друг смог обратить на себя внимание Тристы и бегло «представить» их друг другу, Блейз получил возможность увидеть ее фальшивую улыбку.

Подняв глаза, Триста сначала почувствовала, что бледнеет, а затем кровь резко прихлынула к ее щекам. О Боже – только не Блейз! Его золотисто-зеленые глаза излучали ненависть, жалили, как жалит болотная змея... парализуя, убивая – как, должно быть, он того и хотел.

– О мэм, я готов поклясться, что мы уже встречались! Может быть, в Виргинии? Или на борту корабля, плывущего в Сан-Франциско? Надеюсь, вы простите, что я не забываю некоторых вещей!

В его нарочитом южном говоре слышались стальные нотки. И эта сталь глубоко вонзалась в Тристу, пронзая сердце. Внезапно ей пришла в голову мысль, что тот самый огонь, который сплавлял их воедино, навсегда связал их вместе. И этот огонь сейчас пожирал их снова.

Эта мысль в долю секунды промелькнула в сознании Тристы и пропала. На мгновение прикрыв глаза, она глубоко вздохнула и почувствовала, как к ней возвращается жизнь.

– Да? – с холодной небрежностью ответила Триста. – Ну что ж, вполне возможно. Мне пришлось так много путешествовать!

– О, я нисколько в этом не сомневаюсь, мэм! Для такой хрупкой женщины, как вы, должно быть, очень утомительно так... путешествовать!

Как же он ей ненавистен! Как она хотела бы стереть из своей памяти

любое воспоминание о нем!

Внезапно оба заметили вокруг себя какую-то суету. Пока Триста и Блейз пикировались, толпа около стола увеличилась.

Слова могут ранить больше, чем кинжал. Слова, которые предназначены для того, чтобы причинить боль и убить все чувства, которые оба, вероятно, все еще испытывают друг к другу. Зачем же их говорить? Но, думая об этом, Триста одновременно услышала свой голос, произносивший совсем другое:

– Как же вы мерзки! Я уже давно должна была это понять! – Она резко отодвинула стул и встала. – Вы тот человек, которого я искренне надеялась больше не увидеть! Прошу прощения, джентльмены, я чувствую себя совершенно больной!

Коллекция статуй с вытаращенными глазами и открытыми ртами внезапно ожила. Послышались вопросы, протесты и даже угрозы в отношении незнакомца, из-за которого Серебряная вынуждена так поспешно их покинуть.

– Неужели вы так больны, что не поднимитесь наверх со старым и очень близким знакомым, у которого достаточно денег, чтобы заплатить даже вашу цену? – Длинные пальцы с силой схватили Трису за руку, остановив ее стремительное и позорное бегство.

И тут инстинкт подсказал Тресте, каким образом она может отплатить Блейзу. Улыбаясь и с притворной застенчивостью хлопая ресницами, она спросила:

– Неужели у вас действительно хватит денег? Замечательно! Надеюсь, вы простите мое изумление – ведь раньше вы могли предложить мне очень мало! Возможно, ваши... м-м-м... активы с тех пор возросли? И нет никакой необходимости ломать мне руку, сэр, вы сумели возбудить мое любопытство. Пойдемте, нет нужды демонстрировать ваше превосходство в силе!

Недовольный шепот зрителей перешел в громкие угрожающие возгласы. Стоявшие вокруг бородатые мужчины весьма грубого вида были явно возмущены. Сэм Клеменс, застигнутый врасплох не меньше остальных, пытался разрядить обстановку, беззаботно пожимая плечами, натянуто улыбаясь и отпуская шутки. Однако разгулявшиеся страсти успокоила сама Серебряная.

– Все в порядке, мальчики, – быстро сказала она. – Вы же знаете, что я могу постоять за себя, не так ли? И кроме того... – Она нежно провела рукой по небритой щеке Сэма Клеменса, отчего тот замер. – Кроме того, вы ведь можете немного подождать, не правда ли, дорогой? Мистер Давенант

мой старый... деловой... партнер, и я совершенно уверена, что он не слишком меня задержит! Вы всегда так спешите покончить... со своими делами, милый Блейз! – Обращенная к Блейзу улыбка почти ничего не выражала, была застывшей, как у фарфоровой куклы. Была ли эта дрянь хоть когда-нибудь действительно искренней?

– Сколько мужчин за ночь обычно поднимаются с вами наверх? – Почти прорывав свой вопрос, Блейз тут же пожалел об этом. Черт побери, она ведь может решить, что он ревнует!

Триста поднималась по лестнице впереди, снизу были видны красные шелковые туфли на карикатурно высоких каблуках и ноги в шелковых чулках. Она остановилась, обернулась на Блейза через плечо и спокойно ответила:

– Естественно, столько, сколько мне захочется!

Как же она смеет столь откровенно демонстрировать, что она шлюха, охотно продающая свое тело тем, кто больше заплатит? С этой точки зрения Серебряная – очень удачное прозвище, хотя, пожалуй, Триста больше похожа на ртуть, которую столь же трудно удержать на месте. Но в конце концов даже закон признает за обманутым мужем право убить свою неверную жену!

– Ну вот мы и пришли! – неуверенно сказала Триста, закрыв за собой дверь. – Неплохая комната, верно? – продолжала она, с отчаянием глядя на излучавшее опасность лицо Блейза. – В красных и золотых тонах. Как видите, здесь даже есть зеркало над кроватью! – с деланным смехом добавила Триста. – Знаете ли, некоторых это возбуждает. Они наблюдают за собой во время... ну да Бог с ними! С моей стороны просто непростительно занимать вас болтовней, тогда как сначала следует позаботиться, чтобы вам было удобно! Ради Бога, почувствуйте себя совершенно свободно! И если вы желаете выпить, я с удовольствием...

– Сколько я должен? Я помню, что мы заключили сделку, не оговорив цены. Прежде чем я вступаю в отношения со шлюхой, я обычно узнаю, сколько следует заплатить и что я за это получу. Так что сначала разденьтесь и прислуживайте мне голый. Я предпочитаю бурбон – на тот случай, если вы забыли!

Едва не задев Тресту, Блейз бросил на туалетный столик две тяжелые золотые монеты. Увидев выражение ее лица, он саркастически усмехнулся:

– Ну что? Это пойдет как задаток? Снимайте одежду и распускайте волосы, леди Годива! А потом, если я захочу вас, вы можете проехать вместо лошади на мужчине, наблюдая за собой в это проклятое зеркало! Так что же? Чего, черт возьми, вы ждете?

Каждое слово Блейза доставляло Тристе страдание. Но с тех пор как она побывала игрушкой в руках Фернандо, Триста научилась не показывать своих эмоций. Зачем она вообще поднялась с ним наверх? Чтобы они опять причинили друг другу боль и возненавидели друг друга еще больше?

– А чего, собственно, вы ждете, дорогой? – Несмотря на всю сумятицу, творившуюся в ее голове, Триста сумела выдержать требовательный тон. – Вы должны знать, что здесь я только отдаю приказы, а не выполняю их! А теперь поскорее раздевайтесь, дорогой Блейз! Благодаря тому, что я проявила сентиментальность, в вашем распоряжении целый час. Но помните, что внизу меня могут ждать другие клиенты!

Теперь он наверняка ее задушит! Это явно можно прочесть в его глазах. Тем не менее Триста заставила себя гордо поднять голову и с вызовом встретить этот взгляд, не пытаясь бежать. Стоять на месте! Не уступать, не поддаваться ему и своей проклятой слабости.

Пусть он видит, как она его ненавидит и презирает, твердила себе Триста. Не давай себя обмануть, учись давать сдачи, дура!

Но когда Триста уже приготовилась к битве, Блейз только раздраженно повел плечами. Его лицо по-прежнему оставалось непроницаемым.

– Черт побери! Вы хотите сказать, что я должен заплатить за привилегию раздеться, в то время как вы будете просто стоять в стороне и смотреть? Прошу прощения, дорогая, но я предпочитаю делать все по-другому – вы меня понимаете? Может быть, ваш следующий клиент будет более покладистым и согласится потратить деньги на ваш каприз или какую-то странную фантазию! Но я не такой, милая. – Его улыбка была похожа на звериный оскал – приподнятая верхняя губа приоткрывала белую полоску зубов. – Я бы предпочел скушать вас целиком.

Почему Триста вдруг почувствовала себя Красной Шапочкой?

– Поскольку я не получил того удовольствия, которое ожидал получить в компании такой известной и высокооплачиваемой проститутки, я уверен, вы согласитесь с тем, что я вправе получить свои деньги обратно? – Короткий, неприятный звук, сопровождавший эту витиеватую фразу, следовало считать смехом. – Как я понимаю, вы согласны? – приподняв брови, насмешливо спросил Блейз. – В конце концов, моя дорогая, вы уже наверняка поняли, что, когда мужчина платит за удовольствие, оно должно этого стоить. Так вы согласны? – Блейз поднял со столика и небрежно положил в жилетный карман те золотые монеты, которые недавно с таким презрением швырнул, чуть не задев ее.

– Вы получили назад свои деньги, а теперь уходите! – сдавленным голосом сказала Триста. – Вы слышали, что я сказала? Убирайтесь! И

сейчас же, иначе я вас выброшу отсюда! Я вам ничего не должна, понятно? И будьте прокляты вы и ваше золото, которым вы хотели меня купить, Блейз Давенант! Никто никогда не будет владеть мной... или какой-либо частью меня, ясно? И менее всего вы – лицемер, который смеет обвинять и судить меня, даже не задавая вопросов. Вам хочется предполагать самое худшее, не так ли? Ну что ж, думайте, как вам угодно, – меня это не касается, потому что я надеюсь больше никогда вас не увидеть! – Повернувшись к Блейзу спиной, Триста оперлась о край украшенного резьбой туалетного столика, пальцы ее побелели от напряжения. – Да уберетесь вы наконец? Думаю, что теперь, когда вы получили назад свои деньги и сказали все, что хотели, мы в расчете! У вас больше нет никаких оснований...

– Нет? Но если мужчина не может купить свою собственную жену, он все же обладает супружескими правами – если считает необходимым ими воспользоваться. Очевидно, вы это знаете? В конце концов, чтобы переспать с вами, мне не нужно платить. У меня есть законное право взять вас, когда я вас захочу, если, конечно, захочу!

Триста замерла, как будто действительно почувствовала тепло его тела. Собрав все силы, она заставила себя повернуться и посмотреть Блейзу в лицо:

– Нет! Даже такой порочный человек, как вы, не станет...

– Нет? Но почему же, моя дорогая? Ведь вы уже называли меня «чудовищем» – так чему же удивляться, если я оправдаю это высокое звание?

Блейз прижал Тристу к туалетному столику, острые края врезались в ее тело, а руки Блейза перекрывали ей дорогу к бегству.

– Ну? Должно быть, вы многому научились с тех пор, как мы последний раз встречались! Кстати, хорошим ли наставником оказался Фернандо? Сейчас у вас как раз есть шанс показать, достойны ли вы той высокой цены, которую запрашиваете, или нет!

Прошло уже много времени с тех пор, когда Триста в последний раз чувствовала себя... беспомощной, слабой, зажатой в ловушку. Как она могла забыть все те жестокие уроки, которые ее заставили усвоить? А теперь Блейз... И он тоже.

Чувствуя прикосновение его тела, Триста закрыла глаза и постаралась точно так же отгородить себя от упорно пытающегося поглотить ее предательского чувства. Это просто мужчина, чужой мужчина. Когда-то она пережила с ним приключение, но уже давно те дни стали казаться полузабытой фантазией. А нынешний Блейз был реальностью, и довольно

грубой реальностью. Тристе хотелось горько заплакать, но она забыла, как это делается. Она слишком хорошо научилась скрывать свои чувства, в то время как ее лишенная эмоций оболочка действовала самостоятельно – так, как было нужно, чтобы выжить.

Именно инстинкт самосохранения заставил Тристу отвести в сторону лицо, чтобы избежать поцелуя Блейза.

– Ну, ради Бога, Блейз! – раздраженно пробормотала она. – Не нужно ломать мне спину! Я и так знаю, что вы намного сильнее меня. К тому же вы напомнили мне, что мы считаемся жена... В любом случае я не намерена спорить с вами, раз вы решили... предъявить свои супружеские права, как вы это называете. Какой бы предлог вы ни выбрали на этот раз...

– О Господи! – прервал ее Блейз, с трудом сдерживая раздражение.

Взяв Тристу за подбородок, он повернул и приподнял вверх ее лицо, чтобы заставить взглянуть ему в глаза. Блейз действительно испытывал сильное искушение сломать Тристе шею вместо того, чтобы искать достойный ответ на ее сказанные скучающим, безразличным тоном язвительные слова. Они выдали ее с головой. Да, она стала профессиональной шлюхой, требующей слишком высокую цену за свое чересчур часто используемое тело. Почему он не понял этого с самого начала? Почему не оставил ее попытать счастья с капитаном Мак-Кормиком?

– Вас когда-нибудь брали полностью одетой? Чтобы вы стояли задрав кверху юбки? – резко спросил Блейз и увидел, как широко раскрылись ее серебристо-серые глаза. Как будто ее шокировало это предложение! – Ведь именно так портовые шлюхи доставляют удовольствие своим клиентам.

– Перестаньте, ну пожалуйста, перестаньте! Разве вы не сказали уже достаточно и... и достаточно оскорбили меня? Вы же не знаете... Господь вас накажет... вы же меня совсем не знаете! И в то же время осмеливаетесь...

– Я думаю, что знаю вас достаточно хорошо, милая! Боюсь, даже слишком хорошо, чтобы на меня подействовали ваши истерики! Так что...

– Вы!.. – Переполненная яростью, Триста подняла кулаки и попыталась его ударить. Но, как ей было хорошо известно, Блейз мог с легкостью удержать ее. Усмехаясь прямо в искаженное гневом лицо Тристы, он завернул ей руки назад, вызвав невольный крик боли.

– Проститутки, которые любят дразнить мужчин, разыгрывая из себя недотрогу, могут обмануть только дураков, дорогая женушка! А я никогда не был склонен играть в шарады или другие подобные игры – тем более с вами!

«Я не стану кричать, не стану умолять о пощаде или пытаться что-либо объяснить – никогда!» – исступленно повторяла про себя Триста, чувствуя, как Блейз свободной рукой шарит у нее под юбками. Приподняв их вместе с кринолином и нижними юбками, он сдвинул все это в сторону.

Теперь, когда она была не в состоянии сопротивляться, Блейз отпустил покрывшиеся синяками руки Тристы и принялся, не обращая внимания на ее сдавленные протесты, безжалостно выдергивать из волос бесчисленные заколки и ленты. А затем запустил руки в ее черную гриву и стал приводить ее в беспорядок, пока не превратил в хаотичную, бесформенную массу. При этом Блейз так наклонил ее голову назад, что Тристе показалось, будто у нее сейчас сломаются шея и спина.

На ней было только тонкое батистовое нижнее белье. Поэтому совсем скоро Триста почувствовала раздражающие ее грубые пальцы Блейза. Она болезненно вскрикнула и тут же ощутила, что он вошел в нее всей своей плотью, в ярости пронзая ее тело, как будто протыкал кинжалом.

Он явно хотел причинить ей боль – каждым толчком. И с каждым толчком Блейз, казалось, проникал все глубже и глубже.

Что же случилось? Почему? Сквозь плотно закрытые веки Триста видела только багрово-красные вспышки, напоминающие языки пламени. Они поднимались и опадали, поднимались и опадали. Пламя горело в ней и вокруг нее, пожирая их обоих...

– Внутри тебя таится змея, которую одни называют силой, а другие – знанием, – мысленно сообщила ей Старуха с болота. – Но будь осторожна: приобретенное очень легко потерять, а то, что было дано, может быть с легкостью отнято. Помни об этом!

Но Триста не хотела ни о чем помнить. Некоторые воспоминания и полузабытые сны были слишком болезненны и поэтому были спрятаны в самых дальних уголках сознания. Взрывы, которые огненными искрами заполняют небо и дождем падают в густые клубы отвратительно пахнущего дыма... А потом вниз льются огненные реки, разрушающие и уничтожающие все, что существовало до сих пор. Все исчезает, весь мир... О Боже! Даже любовь!

– Нет, нет! Никогда! Послушайте! Я не хочу! Я...

Казалось, Триста внезапно сошла с ума! Слова лились из нее потоком, а голос, который стало трудно узнать, возвысился до дикого крика.

Единственный способ заставить ее замолчать, пока она не переполошила всех, – это закрыть ей рот своим. Хитрая, расчетливая девка

– шлюха, которая принадлежит ему, Блейзу, принадлежит Фернандо, принадлежит любому, кто может достаточно заплатить. Однако, несмотря на всю свою ярость, Блейз неожиданно обнаружил, что, вместо того чтобы всего лишь утихомирить Тристу, он начал ее целовать, чувствуя на губах соленый вкус слез. Блейз внезапно ощутил тепло ее обнаженных бедер, прижатых к его телу, и почувствовал, как в нем разгорается огонь желания. Душа Тристы с готовностью раскрывалась перед ним. Будь проклята эта ведьма, которая слишком хорошо знает (и должно быть, всегда знала), как заманить, поймать в ловушку любого мужчину, которого она наметила своей жертвой. И будь проклято его безрассудное поведение, из-за которого он стал этой жертвой!

Блейзу следовало бы продолжать без всяких угрызений совести пользоваться ее телом. Сделать свое дело и забыть о ней. Тогда почему же, черт побери, вместо этого он поднимает ее и несет на кровать?

Глава 31

При тусклом, колеблющемся свете лампы в зеркале на потолке отражался постоянно меняющийся калейдоскоп поз. Потные тела на багрово-красных простынях двигались и поворачивались, сплетаясь и отдаляясь, вздымаясь и опадая, подобно дрожащему языку пламени.

У них не осталось других желаний, кроме желания утолить горящее внутри пламя страсти, превратившееся в пожиривший обоих неудержимый огненный шторм.

Кроме вождения, Блейз ничего не чувствовал. Еще он, правда, ощущал некоторое любопытство: чему она научилась или ее научили за последние несколько месяцев? В любом случае Блейз всегда предпочитал обольщение. Покладистая женщина обычно доставляет мужчине гораздо больше удовольствия, чем та, которую берут силой.

Господи, какая же она распутница! Ее ложь и притворство смогли обмануть многих – включая его самого. Но больше этого не повторится. Теперь он знает, что она собой представляет и всегда представляла. Будь проклята ее черная душа ведьмы, заставляющая мужчину даже в ненависти снова и снова желать ее!

Блейз поднял Тристу и положил на себя, чтобы не только ощущать, но и видеть почти бессознательные ритмичные движения. Триста вцепилась в него, темная масса спутанных волос упала Блейзу на плечи и на лицо, почти ослепив его. Или же он сам закрыл глаза, почувствовав, что шелковые стенки, как шарфом окутавшие его плоть, начали конвульсивно сокращаться? Напряжение стало почти невыносимым, когда наступила развязка. Триста что-то бессвязно крикнула и упала на Блейза.

«Господи! – снова и снова повторяла про себя Триста. – Не дай ему... только не сейчас! Не дай ему сказать сейчас что-нибудь отвратительное! Пожалуйста! Только не сейчас, когда я осталась беззащитной, позволив ему проникнуть в ту единственную оставшуюся часть меня, которая может чувствовать. Ну пожалуйста!»

Она не сознавала, что беззвучно плачет на его плече, пока Блейз не издал раздраженное восклицание. Без всякого сочувствия он приподнял ее голову за волосы так, чтобы ему было видно ее залитое слезами лицо. Не желая встречаться с ним глазами, Триста сильнее зажмурилась.

– Вот черт! – сказал Блейз с отвращением, которое больше касалось его самого, нежели ее. Проклятые женские слезы! Всем этим дешевкам

обязательно нужно плакать или по крайней мере делать вид, что они плачут, чтобы заставить всех находящихся поблизости мужчин доставать носовые платки, раскрывать объятия и утешать бедняжек!

Не на того напали! Сейчас она явно играет: ведь всего несколько секунд назад она была вполне удовлетворена! А теперь она уже, кажется, готова раствориться в потоке слез, которые капают ему на плечи... В самом деле, что такое с ней случилось? Может быть, надо было ее все-таки изнасиловать, как он сначала и собирался? Возможно, ей так больше нравится. Тем более что она это заслужила, когда решила пренебречь его защитой и оскорбить его честь, сбежав со своим драгоценным сводным братом, которого якобы ненавидела. А потом сменила его на другого и стала менять мужчин как перчатки!

– Ради Бога! Единственное, чего я не переношу, – это хнычущих женщин! – резко сказал Блейз. При этом он со злостью думал об этих серебристых глазах, которые способны отражать дрожащий свет лампы, превращая его в мириады золотистых пылинок. Да, эти искры могут сжечь дотла, превратив плоть и кровь в пепел. Блейз почти видел этот огненный дождь, эти реки золотистого пламени...

Конечно, она ведьма. Бруха! В застывшей тишине Блейз слышал лишь собственное прерывистое дыхание. Как загипнотизированный, он смотрел в эти широко открытые глаза и видел в них странные мелькающие образы. Это длилось одно бесконечное мгновение, затем Блейз пришел в себя и постарался перевести взгляд на ее губы.

Он повернулся на бок вместе с Тристой, и она почувствовала, как по ее телу пробежала дрожь. Тристе показалось – может быть, действительно только показалось, – что на эти несколько мгновений между ними установилась связь. Он мысленно назвал ее ведьмой, а потом...

– Ты плачешь потому, что твое ненасытное маленькое тело хочет еще? Что может тебя удовлетворить, милая шлюха? Может быть, золото – много золота? Чтобы большие самородки входили тебе между ног, которые ты слишком часто и слишком охотно раздвигаешь? Мужского петушка для тебя уже недостаточно?

– Да! – Триста почти выкрикнула это слово, с презрением глядя на Блейза. Тело ее сотрясала яростная дрожь. Нет, она больше не будет терпеть, не будет молча выслушивать потоки грязных, незаслуженных оскорблений. – Да, черт побери! Да, для меня недостаточно и никогда не было достаточно одного только... «мужского петушка», как ты это называешь. Мне недостаточно, чтобы в меня его втыкали, не спрашивая, хочю я этого или нет... механически... как машина, без чувств, без ласки,

без... Даже не желая знать, какая я – или какая я была! В тебя когда-нибудь опорочились как... как в ночной горшок, Блейз? Заставляли всему подчиняться, не давая возможности протестовать или задавать вопросы? Да знаешь ли ты – со всеми своими благородными идеалами и делами, – что такое быть рабыней, вещью, которую можно использовать, можно пинать, бить, если хозяин так пожелает? Впрочем, откуда тебе знать! Конечно, ты этого не знаешь и не можешь знать, потому что никогда не был чьим-то имуществом, ведь правда? Пусть Господь тебя накажет! Как только ты смеешь судить меня, когда ничего, совсем ничего обо мне не знаешь? Ты... ты негодяй! Ты предпочитаешь верить только в то, во что хочешь верить. Подонок, подонок, подонок! Я презираю тебя! Ненавижу!

Триста бы еще продолжала выкрикивать оскорбления прямо в ничего не выражающее, каменное лицо Блейза. Но от напряжения и слез ее голос сел, поэтому слова звучали еле слышно. В полном отчаянии Триста замолчала, продолжая всхлипывать. Но тут Блейз, который во время ее гневной тирады застыл неподвижно, в почти угрожающем молчании, отодвинулся от нее и свесил ноги с кровати.

Их одежда была в беспорядке разбросана по всей комнате. Триста молча смотрела, как Блейз берет свои панталоны и надевает их. Что ж, она сумела наконец избавиться от его ненавистного присутствия. Для этого понадобилось лишь сказать несколько фраз, содержащих горькую истину. Но почему он молчит? Сказал хотя бы что-нибудь, черт побери! После всего, что между ними произошло, он не имеет права просто так встать и уйти. Сначала оскорбил ее в самых гнусных выражениях, потом принялся с жестоким безразличием ее насиловать. А затем передумал и обольстил, вероятно, чтобы еще больше унижить. Унизить своими дьявольскими ласками, на которые Триста не могла не ответить, и заставить ее испытывать такие ощущения, которыми она никогда раньше не смела наслаждаться.

– Полностью отдайся своим чувствам, милая! – шептал Блейз на ухо Тристе, и вскоре уже каждый ее нерв был натянут как струна и вибрировал, как будто тело Тристы было арфой. Инструментом, тщательно настроенным и готовым к игре, чтобы усладить его. – Вот так, моя распутная ведьма! А теперь вот так... Для меня ты как неоткрытый континент, ты – оргия наслаждения, воплощение всех моих фантазий. Господи! Ты почти заставила меня в это поверить... и поверить в те сказки, в которых ведьмы превращаются в прекрасных невинных принцесс... страстно желающих научиться тому, чего так жаждут...

Слова! Тщательно подобранные слова, которые должны возбудить ее

чувства. А она глядит в зеркало и видит, как сплетаются их тела, образуя все новые и новые фигуры; и отдается всему тому, что он делает с ней и заставляет ее делать для него. Так сатир завоевывал испуганную нимфу, которая добровольно приносила себя в жертву – так же, как она!

Да, это ее вина. Ее слабость! А сейчас он собирается уйти, не сказав ни слова, как будто она и в самом деле какая-то дешевая проститутка, которой он заплатил за час работы. Но ведь он такой ее и считает? «Милая шлюха». Потаскуха. И он упорно цепляется за свое мнение, вместо того чтобы выслушать ее и попытаться что-нибудь понять. Ну и ладно, ее это не волнует! Он...

И тут, уже начав застегивать рубашку, Блейз вдруг резко повернулся. Нахмутив брови, он несколько секунд молча смотрел на Тристу.

– Я прошу прощения, Триста, – тихо сказал он, – пусть для тебя это даже не имеет значения. Конечно, ты права. Я не вправе осуждать ни тебя, ни кого-либо другого – особенно учитывая мои собственные слабости и пороки, черт возьми! И я признаю, что вел себя с тобой несправедливо и грубо. Ты удовлетворена или желаешь, чтобы я ползал перед тобой на коленях? Как любой ревнивый дурак, я воображал все самое худшее и думал только о том, как бы уколоть тебя побольнее, чтобы отомстить за свою дурацкую гордость. Господи! Гордость и честь – это ахиллесова пята любого мужчины. Лживая женщина начнет плакать, и... Ну да к черту все это – и тебя тоже, моя дорогая колдунья с серебристыми глазами, очарованию которой невозможно противостоять! – Голос Блейза под конец стал более резким, как будто он хотел доказать, что не подвержен той слабости, в которой сейчас признался.

Не пытаясь скрыть смятыми простынями свою наготу, Триста приподнялась и села на кровати. Стараясь не отвести взгляда, она смотрела в эти глаза, которые слишком долго преследовали ее в кошмарах и фантазиях.

– Ты сейчас сказал мне, что просишь прощения, Блейз, – со вздохом сказала Триста, изо всех сил стараясь, чтобы ее голос звучал ровно. – Я тоже прошу прощения. И мне очень жаль, потому что... потому что мы оба где-то и как-то утратили то, что было раньше! – Ее короткий смешок прозвучал так же напряженно, как и голос. – Но в конце концов нет нужды цепляться за прошлое, – отведя взгляд, добавила она и небрежно пожалала плечами. – Теперь мы с тобой совершенно другие люди... по крайней мере я! Ты ведь именно так считаешь, дорогой Блейз?

Он тогда чуть не оторвал половину пуговиц, торопясь избавиться от рубашки и взять Тристу так, как хотел, – прижимаясь обнаженным телом к

обнаженному телу. Нужно было поступить с ней так, как он намеревался с самого начала! Но нет же – он по-глупому позволил завладеть собой определенным воспоминанием и смутному чувству сожаления и в результате даже извинился! Сейчас она сидит и про себя смеется, не сомневаясь, что провела его своими трогательными речами и потоками слез. Слезами, льющимися из этих загадочных серебристых глаз, в которых отражается все, что захочет мужчина, – только не подлинные мысли их хозяйки и не ее подлинная натура.

О Боже! Зачем только он тогда прикоснулся к ней? Ее доступное всем тело совратило его. Сегодня она даже ухитрилась превратить изнасилование в любовный акт, гневно подумал Блейз. Ему снова захотелось немедленно убить Тристу – задушить голыми руками, не давая больше возможности плакать и лгать.

На несколько секунд воцарилась звенящая тишина. Только огромным усилием воли Блейз снова овладел собой. Скользнув взглядом по обнаженной груди Тристы, он пожал плечами.

– Конечно, ты изменилась, дорогая! – равнодушно заметил Блейз. – Ты стала даже более лакомым кусочком, чем раньше. Должен признать, что твои последние учителя достойны похвалы. Пожалуй, ты почти заслуживаешь ту несуразно высокую цену, которую, вероятно, запрашиваешь!

Блейз отвернулся и начал быстро собирать свои вещи.

Таким образом он хочет показать, с болью и гневом подумала Триста, что его совершенно не волнует ее реакция на его слова. Наверное, он надеется, что Триста станет защищаться, ползать перед ним на коленях... Нет, никогда! Пусть думает о ней все, что хочет, и – Господи! – пусть он побыстрее уходит и больше не возвращается! Со временем Триста наверняка забудет его и то, что было между ними, забудет свои ощущения. Забудет его золотисто-зеленые глаза, напоминающие о высокой траве, которая растет на болоте. Сочной зеленой траве, отливающей золотом под лучами солнца. Она манит неосторожного путника, обещая ему безопасную прогулку... а потом становится уже слишком поздно, и топь засасывает очередную жертву, погружая ее в свою бездонную пучину и оставляя вечно лежать в мягком иле.

Вода и пламя! Двести лет назад люди верили, что ведьму нужно обязательно сжечь или утопить, иначе она не умрет. Так что же убьет Тристу – та необъяснимая боль, которая, как огонь, опалает ее сердце, или она утонет в море печали, соленом от ее слез? Слова... снова эти проклятые слова! Слова, которые они с убийственной точностью бросают

друг в друга, как острые камни, стараясь побольнее ранить – или уничтожить. Зачем?

Блейз со злостью заметил, что Триста внезапно стала молчалива и неподвижна, как каменное изваяние. На ее бесстрастном лице, в ее пустых глазах не отражалось никаких эмоций. Ничего не изменилось даже тогда, когда Блейз небрежно бросил ей две золотые монеты и вышел вон, с чувством хлопнув дверью, которая должна была разделить их раз и навсегда.

Книга третья

ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР

Западный ветер,
когда ты подуешь,

Роня на землю
дождь?

О, если б рядом со
мной сегодня

Была бы моя
любовь!

Глава 32

*Странички из дневника
1863–1865 годы*

Прошло уже много времени с тех пор, как я в последний раз доверяла бумаге свои чувства, свои беспорядочные мысли, все, что испытала и, надеюсь, из чего сделала выводы. А за последние полтора года произошло немало. Даже сейчас я не уверена, что вполне готова смотреть правде в глаза. Но если я не смогу хотя бы таким образом освободиться от постоянного напряжения, я определенно сойду с ума среди окровавленных тел и оторванных рук и ног, разбросанных где попало. А крики боли и отчаяния, которые, кажется, никогда не затихают, звучат в моих ушах даже сейчас.

Господи! Что я здесь делаю? Почему я всегда считала, что быть врачом – значит только исцелять? Почему не задумывалась о том, что врачу часто приходится причинять боль – кромсать тела несчастных, зашивать огромные раны, из которых вываливаются внутренности. Как тяжело смотреть в глаза, которые умоляют о чуде, особенно в глаза тех, которым, как ты знаешь, уже ничем нельзя помочь! Ты лжешь им, стараясь как можно быстрее перейти к следующему пациенту, и снова лжешь, и стараешься не замечать хруста разрезаемой плоти и костей, стараешься не слышать мольбу о помощи, переходящую в стон...

Хотя сейчас уже слишком поздно об этом говорить, но я сожалею о том, что тетя Чэрити все-таки нашла меня в Виргиния-Сити и мягко напомнила о таких вещах, как верность и долг. Меня сразу охватило чувство вины: слишком опасным было путешествие, которое она ради меня совершила, – особенно в эти беспокойные времена. И еще меня тогда, как и сейчас, терзали угрызения совести и сожаления по поводу своего безрассудного поведения.

Она ведь в самом деле любит этого подонка, Блейза Давенанта! Когда тетя упоминала о нем, ее голос теплел, а лицо начинало светиться. Она даже нетерпеливо поинтересовалась, не оставил ли он ей какое-нибудь послание, как обещал. И как только можно быть таким отвратительным лицемером? Сколько раз, думала я (причем в душе себя за это ненавижу), Блейз занимался любовью с моей тетей, называя ее «милой»? Какие обещания он ей давал? Если бы я только могла предупредить Чэрити о его вероломстве, его лживости, о жестокости, таящейся за его легкомысленным

видом, который Блейз так любит на себя напускать! Знает ли она о том, что он представляет собой на самом деле и на что способен? Или, может быть, он только со мной позволяет проявляться низменной стороне своей натуры: считает меня шлюхой и соответственно обращается? Даже сейчас, если Блейз не игнорирует вовсе моего присутствия или не поворачивается ко мне спиной, насмешливо улыбаясь, он начинает громко высказываться на тему о слабости и непостоянстве женского пола. Когда я в очередной раз слышу эти рассуждения, мне хочется вонзить в него нож или вызвать его на дуэль и прострелить ему сердце. Будь проклята злосчастная судьба, которая снова свела нас вместе, и санитарная комиссия в придачу! Только благодаря им я оказалась в этом раскаленном ущелье, где приходится заниматься мертвыми, умирающими и искалеченными остатками того, что еще недавно было людьми. И все это результат бессмысленных сражений, и для победы нужно положить еще несметное количество жизней.

Как я обнаружила, книги по истории и вдохновенные поэмы отнюдь не дают представления о том, что происходит в действительности. Я совершенно уверена, что тетя Чэрити тоже этого не представляла, когда с помощью самого президента Линкольна добыла бумагу, благодаря которой я нахожусь здесь и которая не раз помогала мне чудом избежать смерти! Как первой женщине, получившей официальное признание в качестве квалифицированного хирурга и доктора медицины, санитарная комиссия вручила мне специальное удостоверение. Оно дает мне право быть прикомандированной к любой добровольческой части в качестве полноправного врача, а не просто сиделки. Ха-ха! Никто, конечно, не ожидал, что Калифорнийская колонна, к которой я все еще официально прикомандирована (и где, по всей вероятности, меня считают дезертиром), будет когда-нибудь участвовать в каких-либо боях с мятежниками. Предполагаю, я должна была просто служить вдохновляющим примером для других женщин или стать полезным украшением вроде традиционной дочери полка.

Как я его ненавижу! Он – это, разумеется, Блейз. Как он только посмел вдруг вспомнить, что мы якобы женаты и под этим предлогом увезти меня, как какую-нибудь вещь? И мне наплевать, если он прочитает этот дневник! Так даже лучше – пусть успокоится, узнав, как я в действительности к нему отношусь. Пусть узнает, до какой степени он мне неприятен. Я едва выношу его присутствие, меня тошнит от его язвительных замечаний, которыми Блейз хочет разозлить меня только затем, чтобы продемонстрировать мне свое физическое превосходство и предьявить

«права» на мое тело. О, как я ненавижу и презираю этого человека! Я могу только пожалеть тех несчастных женщин, которые позволили ввести себя в заблуждение этими обходительными манерами и гладкими речами!

– Обещай женщине все, и ты всего от нее добьешься, не правда ли, любовь моя? – цинично заявил он мне не далее как вчера, улыбнувшись той странной кривой улыбкой, которой я уже научилась не доверять. – Но я уверен, что и ты, в свою очередь, поступаешь так же, – добавил он, стараясь уколоть меня побольнее. – Сколько ты обещаешь и сколько надеешься получить всего лишь за несколько искусных движений твоего тела! Я знал турчанок, исполнявших «танец живота», они проделывали все это гораздо лучше и просили намного меньше!

– Да неужели? – Я сумела заставить себя сохранить пренебрежительный тон. – Тогда зачем же тебе тратить столько времени на то, чтобы насиловать бесчувственный чурбан, – так, кажется, ты меня называл? Почему бы не заняться этим с турчанками, которые больше отвечают твоим требованиям, и не оставить в покое меня?

Блейз неожиданно расхохотался – коротко, грубо – и оглядел меня с ног до головы так, будто я была рабыней, предназначенной для продажи. Я не смогла удержаться и покраснела, что заставило его снова рассмеяться.

– Ну, не думаю, что ты действительно хочешь, чтобы я оставил тебя в покое, – сказал Блейз, проведя пальцем по моей щеке. – Вовсе нет. Я только лишний раз убеждаюсь в том, какая ты лгунишка!

Черт побери! Почему я так бурно реагирую на любые его слова? Точно так же, когда он берет меня физически, ему удается против моей воли вызвать у меня те чувства, которые я считала навсегда похороненными глубоко в недрах моей души. И тогда я забываю о тете Чэрити и обо всех других женщинах, которых он использовал и использует точно так же, как использует меня... Господи, да, к своему стыду, я забываю обо всем, кроме того, что происходит между нами. Внутри как будто разгорается пламя, в котором сгорает все: и воля, и рассудок, и совесть...

Отчего так происходит? Как это может быть? Почему временами я так сильно ненавижу его, а временами так же сильно люблю? Меня пугает это чувство, которое поднимается во мне из каких-то темных глубин, чтобы слиться с чем-то похожим в нем.

Откуда во мне эта проклятая слабость, почему я физически желаю человека, который все время лгал, обманывал меня и даже – приходится это признать – играл мной? При этом Блейз нисколько не считается со мной как с личностью. Его не интересует, что я чувствую, хочу я чего-то или нет. Да! Его я ненавижу, а себя презираю! Презираю за то, что, несмотря на все

доводы рассудка, позволила ему получить такую дьявольскую власть над своим телом. Правда, я все еще могу при случае сказать ему резкие слова, когда пытаюсь сопротивляться, чтобы не потерять остатков гордости. Но я не могу понять, насколько задевает его то, что я говорю, – какими бы злыми ни были мои слова. Иногда мне удается прогнать его, наговорив грубостей, но потом именно я часами ворочаюсь без сна, думая о том, к какой из женщин он ушел от меня. Пакита – это первая любовь Блейза, оказавшаяся настолько преданной ему, что вышла замуж за его лучшего друга! Однако мужчины, когда им это нужно, умеют для всего изобрести оправдания. К тому же какое мне до этого дело? Теперь, когда ее муж умер, Блейз может спокойно наслаждаться в объятиях своей душеньки, которая по обычаям апачей считается его женой – причем старшей женой!

Лучше бы я дала ему умереть от заражения крови или от гангрены, чем терпеть такое унижение! Я, хирург и доктор медицины, ради того чтобы выжить, вынуждена играть роль его скво! Обманом и угрозами Блейз Давенант вынудил меня стать его законной женой, но сейчас, когда я очутилась в этой отдаленной горной крепости, среди апачей, оказалось, что я к тому же вторая его жена! И мне приходится сидеть и ждать, когда он соблаговолит воспользоваться моим телом для удовлетворения своих оставшихся нужд! Причем беспринципный негодяй бодро заявил мне, что, если я не буду с достаточной готовностью ему отдаваться, он всегда может продать или уступить меня своему другу Бегущему Волку. Тот уже предложил сделать меня своей старшей женой и готов закрыть глаза на то, что я не девственница!

В последнее время я очень много волнуюсь. Я даже не знаю в точности, где мы находимся, да еще Блейз отсутствовал по меньшей мере две недели, оставив меня на попечение Пакиты. Так что я была не в состоянии аккуратно вести дневник и записывать в него в должной последовательности происходящие события – особенно те, которые привели меня сюда. Но когда я наконец собираюсь это сделать, то не знаю, с чего начать. Может быть, со злосчастной идеи тети Чэрیتی о том, чтобы я реализовала на практике свое медицинское образование? Все кончилось тем, что меня прикомандировали к Калифорнийской колонне генерала Карлтона, который, как и генерал Шеридан, «не любит юбок». А так как я уже знала, что юбки, очень громоздкие и неудобные даже в спокойной обстановке, в критические моменты становятся просто опасными, то снова надела бриджи – к своему большому облегчению.

Думаю, что я так легко поддалась на уговоры тети Чэрیتی отчасти из-

за моего чувства вины: я ведь действительно позволила себе покатиться по наклонной плоскости. Кроме того, я не хотела дожидаться возвращения Фернандо, не хотела, чтобы он снова обрел надо мной власть и превратил меня в запуганную марионетку. Наконец, я чувствовала себя неловко из-за того, что в последнее время Чарли Донелсон проявлял все большую заботу обо мне и о моем благосостоянии. Мне очень не хотелось принимать от него подарки и «небольшие сюрпризы», которые я стала получать почти постоянно.

Так что в конце концов я решила: для всех будет лучше, если я уеду – да еще под таким замечательным предлогом! Думаю, что и моя мать, несмотря на все ее внешнее безразличие, почувствовала некоторое облегчение. Интересно, что бы она подумала, если бы узнала, в каком положении я нахожусь сейчас – и по какой причине? Вероятно, Лоретта (я никогда не смогу называть ее мамой) закурила бы очередную тонкую сигару, засмеялась бы своим хриловатым смехом и сказала бы, что мне следует максимально использовать представившийся благоприятный случай и наслаждаться новизной ситуации.

«А почему бы и нет? – Я так и вижу, как она пожимает плечами. – Ты ведь женщина, не так ли? Пока можешь, наслаждайся тем, что имеешь, и извлекай из этого пользу – если ты достаточно умна и чему-то научилась от жизни и тех мужчин, которых знала!»

Сейчас мне хочется, чтобы я действительно побывала со столькими мужчинами, со сколькими я якобы переспала! Мне бы хотелось также научиться тому искусству, которым моя мать владеет, должно быть, с рождения, – искусству превращать в раба любого мужчину, улыбаясь и ровным счетом ничего не испытывая. Искусству использовать мужчину, дарить ему свое тело и при этом оставаться хладнокровной, как заводная кукла. Побывав в руках Фернандо, я думала, что научилась этому. Тогда почему же так произошло в тот жаркий день? Я только что сменилась с дежурства после двенадцати часов занятий так называемой «хирургией» – после того как я отпиливала руки и ноги, вставляла на место вывалившиеся кишки, зашивала липкими от крови пальцами зияющие раны, стараясь не обращать внимания на запахи и стоны... Почему он оказался там в тот момент, когда я была совершенно беззащитна? Он взял меня за руки, развернул и прижал к себе, разбудив во мне тайное и темное, поднявшееся из каких-то неведомых глубин... Есть много «почему», на которые у меня нет ответа, и есть несколько сомнительных «причин», с которыми нельзя согласиться.

Черт побери! Не для того я оканчивала одно из лучших учебных

заведений Европы, чтобы оказаться в роли индейской скво по другую сторону границы! Когда я перебираю цепочку событий, которые привели меня сюда – фактически на положение заключенной, – даже мне эта история кажется неправдоподобной.

Конечно, не следовало обращать внимания на его лживые речи, произносимые им вначале, не говоря уже о тех галантных словах и обещаниях, которые он давал позже. И прежде всего не стоило забывать, что я его ненавижу. И нечего было проявлять дурацкую гуманность и возвращать этого мерзавца к жизни, вместо того чтобы оставить его истекать кровью или умирать от заражения крови, как он того заслуживает.

Он воспользовался тогда моей усталостью, моей тщательно скрываемой слабостью. Даже тем потрясением, которое я испытала, когда меня схватили и резко развернули чьи-то руки, а потом я увидела его – человека, с которым я меньше всего ожидала встречи. Да, это было сильное потрясение. Должно быть, поэтому я и стояла в таком оцепенении, а он все целовал и целовал меня. Кожа горела от прикосновения его заросших щетиной щек, грубые пальцы сорвали с моей голову шапочку и распустили по плечам тяжелую, непослушную копну волос, которую я так старалась спрятать. «Да как он смеет!» – кричало мое сознание, а тело предательски прижималось к нему все крепче и крепче, с наслаждением ощущая, как его руки словно обволакивают меня. Его плоть напряглась, прижимаясь между моими бедрами, и безумие страсти на миг затмило рассудок, заставив забыть обо всем.

От дикого всплеска чувств закружилась голова.

– Какого черта вы пытаетесь прятать свою ведьминскую гриву? – прошептал мне на ухо Блейз. – Слава Богу, что на этот раз вы ее вообще не отстригли! Цирцея... Медуза! Вы заставили меня стать твердым, как камень, и беспечным, как кабан во время течки. Мне сейчас ужасно хочется овладеть вами прямо здесь – и пусть весь мир на это смотрит! Хотя мы не подходим друг другу ни в каких отношениях – кроме одного! Господи! – вполголоса проворчал он (или мне это показалось). – Если бы только я мог вас забыть!

Но я вполне могла и ошибиться, тем более что в тот момент я была совершенно не способна здраво рассуждать, подавленная его настойчивостью и решимостью без промедления взять меня, хочу я этого или нет. И он вполне был способен так и поступить – естественно, не волнуясь о тех последствиях, с которыми мне, возможно, придется справляться самой.

Именно эта мысль преследовала меня, когда я тащилась вслед за ним

под любопытными взглядами солдат, которые, по-моему, до сих пор не были до конца убеждены, что «док» действительно женщина. Как обычно, со злостью думала я, Блейз появился в самое неудачное время, чтобы все разрушить, включая мое душевное спокойствие.

– Что вы собираетесь делать? И как вообще сюда попали? – задыхаясь, спросила я, едва поспевая за ним. Крепко схватив мою руку, Блейз буквально тащил меня за собой. «Несмотря на все его претензии на джентльменство, он не лучше животного!» – спотыкаясь, гневно твердила я про себя.

– Я ведь корреспондент газеты – разве вы не помните? Я рисую и делаю фотографии сражений. Стараюсь запечатлеть умирающих, искалеченных, все эти застывшие лица с широко раскрытыми глазами, в которых отражаются ужасы войны, так называемых уцелевших, вроде нас с вами. Я ответил на один из ваших вопросов? А что касается другого... Ну, я думаю, что тут все очень просто! Вы моя жена – и к тому же женщина, не так ли? Мне как раз срочно понадобилась женщина, а вы оказались здесь! Должен признать, что и жены иногда приносят пользу. Даже если они ночуют в одном помещении с четверьям вполне половозрелыми молодыми людьми! – с угрозой добавил он.

Я благодарна судьбе, что Блейз тогда не заметил почти ослепивших меня слез. Я все-таки сумела их сдержать, не дав им скатиться по щекам и опозорить меня окончательно. Наверное, я сознательно привела себя в состояние апатии, как будто вдохнула пары эфира или сделала себе инъекцию морфия. После ядовитых слов Блейза мне уже было все равно, где он возьмет меня, что вообще со мной сделает и что обо мне подумает.

Или по крайней мере мне так казалось до поры до времени... О Боже, даже сейчас мое лицо горит от стыда и гнева, когда я вспоминаю, как именно он использовал меня – другого слова я не подберу! Совершенно не заботясь о моих чувствах и совершенно не принимая во внимание мое положение.

– Если я не ошибаюсь, здесь среди кустов где-то есть маленькая полянка, – сказал Блейз и резко потянул меня за руку. Зацепившись за камень, я чуть не упала и протестующе вскрикнула от боли. – А, так вы тоже спешите? – не веря своим ушам, услышала я. – Ну что ж, к чему тогда дальше откладывать наше страстное воссоединение? Сначала снимите ваш китель – на нем вы будете лежать. А мне сейчас хотелось бы увидеть вас с обнаженной грудью и набухшими сосками. Надеюсь, они по-прежнему хороши?

«Как это жестоко, как безжалостно! Почему он все время старается

причинить мне боль, когда мне и без того больно?» – подумала я. Помню, что я издала какой-то невнятный звук, развернулась и попыталась бежать. Блейз тут же схватил меня, бросил на спину в колючие кусты и, удерживая одной рукой, другой принялся мучительно медленно расстегивать все до одной пуговицы. При этом он гнусно улыбался, видя мое замешательство, – отвратительное животное!

– Ради Бога, Блейз! Здесь всюду расставлены часовые! – выдохнула я, когда он наклонил голову к моей обнаженной груди. Его губы, язык и даже зубы по очереди играли с каждой грудью до тех пор, пока я уже была не в силах переносить эту утонченную пытку. – Пожалуйста, Блейз, не надо! Вы должны остановиться... часовые... – Забыв о гордости, я буквально молила негодя о пощаде. Ответом был лишь короткий саркастический смешок.

Блейз приподнял голову, чтобы заглянуть мне в глаза:

– Часовые? Ну пусть бедные ребята посмотрят, если хотят! Может быть, они чему-нибудь научатся или по крайней мере их фантазии станут более приятными!

Он расстегнул последнюю пуговицу. Несмотря на все мои мольбы, я вновь почувствовала...

Все было очень похоже на тот самый первый раз, когда я по своей глупости и невежеству разбудила спящего дракона и принесла себя в жертву его огненному дыханию.

– Нет, Блейз, пожалуйста, не надо! – слышала я свой хнычущий голос, а мое тело уже выгибалось дугой – несмотря на его грубость, несмотря на то что за нами могли наблюдать... Проклятие!

– Ты законченная лицемерка, Триста! Лживая ведьма с волосами, черными как ночь! Ты похожа на черную кошку – так же приносишь несчастье всем, кто встретится на твоём пути. Сначала трешь об ноги, а в следующее мгновение фыркаешь и вонзаешь когти! Вот сейчас ты говоришь «нет!», а я чувствую, что ты уже ко всему готова! К этому, и к этому, и вот к этому, моя милая послушная жена – моя нетерпеливая шлюха!

Я не могла удержаться от стонов, вылетающих из моей груди при каждом его движении.

Почему он так со мной обращается? И почему я ему это позволяю? Но одно дело думать, а другое – действовать. Даже тогда, когда я продолжала ненавидеть Блейза, мое тело было покорно ему во всем. Я была не в силах сопротивляться тем ощущениям, которые все нарастали и нарастали во мне. Я корчилась и кричала, и тут все внезапно закончилось мощной вспышкой, принесшей мгновенное облегчение...

* * *

Почему я так хорошо помню все то, о чем предпочла бы забыть? Этот дневник должен служить мне утешением, а не напоминанием обо всех неприятных событиях, которые я хотела бы вычеркнуть из своей памяти.

Да, кое о чем остается только сожалеть! После того что случилось между нами в тот жаркий и душный день, который незаметно для нас перешел в вечер, мне следовало оставаться одной. Если бы у меня сохранились хотя бы остатки разума, я никогда не согласилась бы пересечь вместе с Блейзом границу, чтобы навестить его близкого друга, страдающего и чахнувшего от какой-то неизвестной болезни.

Однако к тому времени все уже знали, что я не просто женщина, переодетая мужчиной, но еще и замужняя женщина. Думаю, мне простили мой маскарад только потому, что все считали, будто я сделала это от невыносимой тоски по своему мужу. Да что там – я сама слышала, как негодяя, лукаво ему подмигивая, поздравляли с тем, что у него такая любящая и преданная жена. Если бы они только знали всю правду о наших отношениях и о том, какие я в действительности испытываю чувства по отношению к учтивому, обходительному мистеру Давенанту...

Я вспоминаю о тете Чэрити, которую так люблю и которой столь многим обязана. Почему именно Блейз Давенант стал ее курьером? Он встречался с ней, разговаривал... Даже сейчас я не могу не думать о том, что еще происходило между ними. У него же нет ни совести, ни чести! По-моему, у него вообще нет других мотивов поведения, кроме собственной выгоды!

Наверное, нет смысла задавать себе эти вопросы или подробно останавливаться на всех моих глупостях и ошибках. Но когда Блейз с дьявольской улыбкой пригрозил, что объявит меня – меня! – шпионкой, женой офицера-южанина, которая в свое время являлась близкой помощницей одного из лидеров знаменитого общества «Рыцарей Золотого круга»... О да, он, конечно, знал, какие неприятности может мне причинить, учитывая все эти слухи о женщинах-шпионках вроде «Мятежной Розы» и Белль Бойд, которые смогли одурачить не только солдат-северян, но даже их командиров.

Пусть лучше распространяются другие слухи – особенно после того как появились очевидцы произошедшего между нами. Между мужем и женой? Ну конечно, это можно понять и извинить, ведь у мужа есть свои права, а у жены свои обязанности! Как мне отвратительна и ненавистна

сама мысль об этом!

Если бы Блейз не стал мне мягко угрожать в своей отвратительной улыбочивой манере, я, вероятно, не оказалась бы здесь и не попала бы в ловушку. Мысли об этом меня смущают и пугают, потому что... Потому что, к моему крайнему стыду, я положительно не знаю, чего, собственно, хочу! То ли улететь прочь от того пламени, к которому меня тянет, то ли, как мотылек, беззаботно броситься в огонь?

Мне ненавистно то, что я свободна и несвободна, ненавистно то, что я не знаю и не понимаю собственных чувств – не понимаю себя. Чего я должна бояться и что мне нужно? Моя голова раскалывается, я уже столько написала, а решение так и не найдено...

Глава 33

Даже не заглядывая в свои записи, Триста еще долго вспоминала это время с гневом и отчаянием. Одно дело – фиксировать в дневнике свои чувства, чтобы облегчить тем самым душу. И совсем другое – воспоминания, когда в сознании оживают образы вместе со всеми звуками, запахами, ощущениями... Это гораздо реальнее, чем легшие на бумагу слова, хотя Триста по-прежнему бережно хранила свои драгоценные тетради в маленьком саквояже вместе с медицинскими инструментами и флаконами с веществом, приносящим забвение и избавление от боли или даже смерть.

Триста вспомнила о своем приемном отце, и ей внезапно захотелось плакать. Но плакать некогда – слишком много накопилось женской работы. Когда Триста была мужчиной, она наслаждалась чувством свободы, хотя постоянно рисковала. Но все же ей казалось, что быть мужчиной легче. Мужчину могут убить на дуэли или в бою, но именно на долю женщины приходится самое худшее! Голодать, видеть, как убивают твоих детей, или того хуже – быть изнасилованной убийцами. «И в то же время мы сильные существа», – со странной непоследовательностью подумала Триста, отправляясь вместе с Пакитой собирать дрова и растения.

Оказалось, что страстно ненавидеть Блейза очень легко, но вот к Паките Триста не смогла относиться с ненавистью, хотя вначале и пыталась.

В конце концов, Пакита ни в чем не виновата, к тому же она спасла ей жизнь, а возможно, и жизнь Блейза. Нет, данная ею «клятва Гиппократата» и настойчивость Блейза привели Тристу сюда, в тайную обитель апачей, где ей приходится выполнять обязанности скво, а не хирурга и доктора медицины.

Тем не менее Триста вынуждена была признать, что и здесь она узнала кое-что полезное с медицинской точки зрения об использовании дикорастущих трав. Когда выдавалась свободная минута, она записывала эти сведения, а Блейз в эти минуты ее рисовал – пусть даже насмешливо выгнув брови.

– Значит, ты все-таки чему-то научилась от «этих дикарей», как вы называете апачей? И значит, существуют способы лечения, которые не упоминаются в ваших медицинских книгах? Может быть, в один прекрасный день ты даже что-нибудь узнаешь о природе человеческих

существ, дорогая!

– Не забывай, что именно мои познания в медицине спасли твою ничтожную жизнь! – огрызнулась Триста.

Лицо Блейза на миг напряглось, затем он рассмеялся, потрепал ее по подбородку и насмешливо спросил, почему она посчитала себя обязанной это сделать.

– Ты еще не спрашивала себя об этом, ведьма-докторша? А надо бы! Или может быть, я должен был себя об этом спросить... – глядя на Тристу своими золотисто-зелеными глазами, тихо добавил он. И затем, как будто пытаясь стряхнуть с себя чары, Блейз резко убрал руку, отвернулся от Тристы и стремительно удалился. А Триста осталась стоять, потирая подбородок, как будто хотела стереть с лица его прикосновение.

Она не любила вспоминать о некоторых вещах. К чему это ей?

– Ты будешь искать травы и ягоды около ручья, да? А я соберу хворост. – Пакита на секунду заколебалась. – Но будь осторожна, Знахарка, – добавила она своим ровным, бесстрастным голосом. – Местами ручей очень глубок, а ты можешь поскользнуться на скользких камнях.

– Я буду осторожна, обещаю тебе! – Триста внезапно устыдилась того, что чуть не возненавидела эту женщину, которая беспокоится о ней, несмотря на то что по странной прихоти судьбы им приходится делить между собой одного «мужа».

Обутая в высокие, как носят апачи, мокасины, Триста легко зашагала по уже знакомой узкой тропинке. Палящие лучи солнца пробивались сквозь листву деревьев, чуть колебавшуюся под горячим дуновением ветра. Хотелось побыстрее оказаться в прохладе, у извилистого ручья, берущего начало высоко в заснеженных горах.

«Думай о ручье, о его исцеляющей прохладе – о чем угодно, кроме огня, кроме движущегося, всепоглощающего пламени! – твердила себе Триста, внезапно почувствовав, что ее шаги стали замедляться. – Нет, не сейчас... нет, теперь я стала сильнее... я достаточно сильная, чтобы...» Оборвав себя на полумысли, Триста выскочила из-под деревьев и упала на четвереньки у самого края бегущей воды.

Несколько небольших камешков, потревоженных ею, упало в воду, мгновенно исчезнув на дне. По отливающей золотом поверхности воды пробежали круги и тут же пропали. Невольно Триста заглянула в зеленую глубину и увидела то, чего не могла не увидеть.

Старуха, чье лицо появлялось и исчезало с каждым всплеском воды, мысленно говорила Тристе о том, что... что ей нужно достаточно долго побыть в покое, укротить себя, чтобы обнаружить в себе же... В себе?

«Опять этот солнечный удар! Но на этот раз меня не так легко поймать. Я не форель, которую сначала нежно гладят, а потом, успокоив, с легкостью хватают и уничтожают. Так вот, значит, почему я здесь! Но у меня есть собственная воля, есть сила, и я не намерена уступать!»

Лицо Старухи исчезло, но в мозгу Тристы зазвучал другой голос. С трудом подняв глаза, она увидела донельзя дряхлого, шамана, которому, как говорили, исполнилось уже сто десять лет. Лицо старика, сидевшего по-турецки на другой стороне ручья, было покрыто сетью морщин. Триста встречалась с шаманом – точнее, видела его – всего лишь раз, и то мельком. Родственники тогда поддерживали его под руки. Это он назвал ее Знахаркой, с одного взгляда поняв, что она, так же как и он, знает, как мало ему осталось. Что здесь делает этот шаман, заставляющий ее мысленно внимать его речам и не отрывающий от Тристы взгляда своих полузакрытых глаз?

– Я тоже один из Старых – ты это знаешь? Не стоит тратить такие драгоценные вещи, которые ты называешь «силой» и «волей», на борьбу с тем, чему невозможно противостоять. В своей тщетной борьбе ты только впустую растрачиваешь энергию, данную тебе Великим Духом. Но я чувствую, что ты и сама уже это знаешь. Ты знаешь, почему ты здесь, и знаешь, что найдешь то, что ищешь, только тогда, когда укротишь в себе мятежный дух.

Действительно ли она видит его или это только игра света и тени? Слишком много света отражается от воды, и, когда Триста смотрит на воду, она видит то, что не хотела бы видеть, – глаза Блейза... боль, страдание и смерть. Муж Пакиты, умирающий от рака, воодушевленно сражается, приветствуя собственную смерть.

«Один из Старых», как он назвал себя, заставил ее вновь увидеть и пережить тот ужасный день. Казалось, что ничего особенного не произойдет. Мятежники быстро отступали, и от колонны требовалось только занимать оставленные ими позиции. Почему бы действительно ей не отправиться в короткое путешествие вместе со своим мужем, соблюдая все предосторожности в отношении индейцев?

Триста не знала тогда, что генерал Карлтон назначил вознаграждение за каждую голову или скальп апачей, тем самым поощряя всех слишком алчных и жестоких негодяев стараться любыми способами «заработать» эти деньги. Триста до сих пор относилась к апачам так же, как и все остальные, – как к врагу, смертельному врагу, которому нельзя доверять, который без разбора убивает, пытается, грабит. Но то, что она увидела, совершенно противоречило этому расхожему мнению. Блейз, в чьих жилах

текла кровь апачей, помог ей во всем разобраться. Триста оказалась свидетельницей хладнокровного, преднамеренного убийства людей – женщин, детей, стариков и больных. И они угодили в самое пекло – она, конечно, последовала за этим упрямым, взбалмошным безумцем Блейзом, несмотря на его приказы не высовываться (а может, как раз благодаря этим приказам). Сам-то он с кровожадным криком тут же устремился в самую гущу боя! Так что же Триста должна была делать – прятаться в кустах? По крайней мере ей хватило здравого смысла спокойно застрелить несколько человек, прежде чем ринуться вслед за Блейзом вниз по холму с криком, звучащим не менее устрашающе. Ей также хватило ума скомандовать невидимому патрулю: «За мной, ребята, но сначала перестреляйте их, сколько можете!»

Она хоть и вела себя как идиотка, но не дала себя подстрелить, с обидой подумала Триста. А когда все кончилось, перебинтовала руку и ногу мужу, не дав умереть от заражения крови, хотя Блейз и не сознавался, что ранен и испытывает нестерпимую боль.

Блейз, вероятно, отправился бы вслед за мужем Пакиты. В той последней, безумной схватке несколько мгновений он прямо-таки казался непобедимым, а затем упал головой вперед прямо на тело только что убитого им человека. Если бы Триста не помогла ему, Блейз скорее всего тоже бы умер! Когда они с Пакитой покончили с последними из нападавших, Триста дала Блейзу достаточно эфира, чтобы он успокоился, пока она будет удалять пулю, прочищать и забинтовывать его раны.

– Ты женщина-воин! – сказала Пакита на своем ломаном испанском.

И только тогда Триста заметила, что ее шапка потерялась, а волосы свободно спадают на плечи и спину. Машинально Триста попыталась окровавленными пальцами связать волосы в пучок, размышляя про себя, почему Пакита никак не реагирует на смерть своего мужа.

– Я врач – не важно, женщина или нет, – коротко ответила Триста. – Думаю, что ты тоже воин, – не удержавшись, добавила она. – Можно ли что-то сделать для твоего мужа? Он был храбрым человеком.

– Я знаю. Воины не боятся смерти, особенно такой, какая подобает воину. А ты не боялась?

– Когда все это происходило – нет. Сейчас, пожалуй, немного боюсь. Как ты думаешь: они вернутся? Или другие, такие же, как они?

В этот момент вместо благодарности Блейз принялся ругать ее на всех известных ему языках.

– Сейчас их здесь будет очень много, может быть, они уже в пути, – проскрежетал он. – Мы должны выбираться отсюда, черт побери!

Триста с облегчением услышала, как он задохнулся и тихо выругался, кляня собственную слабость. А потом Блейз отвернулся от нее и принялся разговаривать с Пакитой на гортанном языке апачей. Голос его изменился, стал мягким, почти нежным.

Откуда она могла тогда знать, что это означает? Именно Триста помогла похоронить мужа Пакиды, и именно ей пришлось по очереди с Пакитой идти пешком, потому что во всей маленькой деревушке удалось найти только одну лошадь (причем обезумевшую от страха). Когда-то, в детстве, муж Пакиды был захвачен здесь в плен. Теперь он вернулся сюда, чтобы найти своих родственников и умереть вместе с теми, кого надеялся защитить от «солдат».

Она так и не услышала, стиснув зубы от ярости, вспоминала Триста, никаких объяснений насчет того, куда они направляются. Именно она, одетая, как мужчина, в ненавистную голубую форму, могла вполне получить (и чуть не получила) пулю от первого же зверского вида воина-апача, внезапно появившегося из-за камня, за которым вроде бы было совершенно невозможно спрятаться. Блейз был в лихорадке и бредил. Только мгновенная реакция Пакиды и ее властный тон спасли тогда их всех, и в особенности Тресту!

Вскоре они добрались до еще одного индейского поселения. Пакиита была сводной сестрой местного вождя и прапраправнучкой здешнего знахаря или шамана. Она также была первой любовью Блейза Давенанта, которую он, очевидно, никогда не забывал. Конечно, это была только отговорка – объяснить свою женитьбу на Паките индейской традицией: будто бы женщина после смерти мужа должна отрезать не только свои длинные черные волосы, но и пальцы. А потом порезать себе лицо и грудь.

Обычаи у них действительно ужасные, примитивные. Например, что за нелепость – жениться на вдове кровного брата или близкого друга! Или многоженство. Кроме того, были и другие традиции, заставлявшие Тресту скрежетать зубами от ярости. Особенно когда ей вежливо объяснили причину, по которой они должны были построить вторую хижину, поменьше, рядом с первой. Оказывается, во время определенной фазы луны женщина должна находиться отдельно от своего мужа. Зато все остальное время, на взгляд Тресты, они проводили даже чересчур близко друг от друга. Лежа на «постели» из шкур в пропахшей дымом грубо сколоченной хижине, Триста молилась, чтобы он не захотел ее – эта скотина, этот зверь, этот дикарь, в которого превратился Блейз! Пускай Пакиита, если это ей нравится, остается с ним. Все, что нужно Тресте, – это свобода, которую он обещал ей когда-нибудь предоставить...

В тот раз он отправился на охоту добывать дичь – причем его раны еще не вполне зажили.

– Ты... ты заслуживаешь то, что получил! Ты охотишься за людьми, одетый как апач! Ведь так? Ты хищник, лжец, неблагодарный, бесчувственный...

– А ты открываешь рот только ради того, чтобы подразнить или уколоть меня! Говоришь, что у тебя есть вопросы, но ничего не спрашиваешь и даже не слушаешь! Ты предпочитаешь сама делать свои отвратительные выводы, не так ли? Конечно, ты дрянь, и я должен был понять это с первого взгляда, будь проклята твоя черная душа! – Блейз с силой опустил руки на плечи Тристы, их взгляды встретились, высекая искры, но Триста не опустила голову и не уступила. Блейз внезапно убрал руки, как будто тело Тристы жгло его, и процедил сквозь зубы: – Ну хорошо, бруха, чего же ты хочешь за спасение моей жизни? Мое тело у тебя уже есть, теперь ты хочешь мою душу?

– Нет! Я ничего не хочу от тебя, Блейз Давенант, и будь проклята твоя душа! Я хочу освободиться от этого... этого рабства! От плена, в котором я оказалась из-за тебя. Ты слышишь?

– Слишком хорошо, моя дорогая. И я обещаю, что ты получишь свою свободу. Как только найдется место, где ты будешь в безопасности от таких, как я!

* * *

Но в безопасности ли ты от самой себя, детка? И от тех чувств, которые таятся под шелухой поспешно сказанных злых слов? Ты еще не усвоила, что однажды испытанное вернется к тебе вновь, если ты его не распознаешь и не поймешь? Собирай свои травы познания и мудрости, учись мириться с тем, что приходит к тебе, и мои крылья осенят тебя на обратном пути.

Несколько секунд Триста не могла сдвинуться с места, как будто и в самом деле ей было видение. Она лежала ничком, ее лицо находилось настолько близко к воде, что несколько выбившихся локонов плавало в бормочущем ручье. Когда Триста подняла голову и села, струйки ледяной воды побежали по ее спине и между грудей.

Холод вернул ее к жизни и почти привел в чувство. Триста помотала

головой и снова взглянула на другой берег ручья. Он все еще там или просто капли воды попали ей в глаза, вызвав галлюцинации?

– Я здесь... – в подсознании услышала Триста голос старца, и он снова возник перед ней. – Я здесь и буду наблюдать за тобой, пока ты собираешь травы, за которыми пришла. А потом крылья орла укроют тебя. – Ей показалось, что шаман слегка кивнул и его сморщенные губы снисходительно улыбнулись. – Иди же – ищи то, за чем пришла.

Глава 34

Все это ничего не значит – ровным счетом ничего! Просто она очень устала, ей нездоровилось, и шаман прислал свою праправнучатую племянницу с настоем коры какого-то дерева, чтобы излечить ее лихорадку. Он добрый и очень старый человек, научивший Тристу использовать некоторые травы и некоторые лекарства, в волшебное действие которых не поверит ни один из знакомых ей врачей! У нее была лихорадка, и она вообразила себе, что шаман был там и общался с ней без слов. Это лихорадка заставила Тристу также вообразить, что старец превратился в орла, чьи крылья укрывали ее на обратном пути. Это было всего-навсего облако – и ничего больше! А возможно, на нее так подействовал очень горький на вкус серо-зеленый кактус без колючек, от которого Триста чересчур смело откусила кусочек. Пакита, многозначительно и несколько осуждающе покачивая головой, сказала, что этот кактус называется «пейотль» и его не стоит пробовать тем, кто не знает его силы и не понимает смысла тех видений, которые он может вызвать.

– Но шаман говорил мне... – чуть было не выпалила Триста. Но тут же прикусила язык и не сказала ничего, лишь подумала с раздражением, не стала ли она жертвой какой-либо игры или, может быть, шутки.

Блейз вскоре вернулся из своей охотничьей экспедиции с антилопой и одиннадцатью кроликами. Тристе пришлось помогать Паките их свежевать и коптить то, что оставалось, про запас, а также заняться шкурами. Это было ужасно – запах крови и внутренностей слишком напоминал Тристе об операционной.

– Ты ведь это ешь, не так ли? – раздраженно заметил Блейз, когда она попыталась протестовать.

– А еще готовлю для тебя и стараюсь, чтобы тебе достался лучший кусок, масса Давенант! – огрызнулась в ответ Триста, отворачиваясь, чтобы не видеть его лица. Блейз тут же схватил ее за косу и развернул к себе.

– Если уж ты взялась играть роль рабыни, милая, то играй ее как следует! Мне нравится, когда ты говоришь мне «масса»... Подумай о том, что твой «масса» тобой владеет и может избить тебя, как непослушную собаку, или продать другому хозяину, если ты ему надоешь! Бегущий Волк говорит, что хочет тебя и готов заплатить большой выкуп, несмотря на то что ты, так сказать, слегка поизносилась. Ты хочешь, чтобы я продал тебя ему, Триста?

Как только Блейз произнес эти слова, он сразу же почувствовал раскаяние. Но он никогда в этом не признается, тем более сейчас.

Почему, черт побери, они все время стараются причинить друг другу боль? Блейз заметил, как побелело лицо Тристы, и приготовился к тому, что сейчас получит затрещину. Но вместо этого Триста лишь уперлась сжатыми в кулаки руками ему в грудь и постаралась отстраниться как можно дальше. Пристыженный, Блейз отпустил ее.

– Блейз, я не могу так жить и думаю, что ты об этом знаешь. Конечно, ты волен поступать как хочешь, но я должна напомнить тебе о твоём обещании. Нравится это тебе или нет, но ты обязан мне жизнью, Блейз Давенант! Ты мой должник и будь добр оплатить свой долг. Так ты собираешься платить или нет?

Сейчас, когда Триста стояла, наклонив голову, с раздувающимися ноздрями, она напомнила Блейзу кобылу, с недоверием и ненавистью принимающуюся к жеребцу, который должен ее покрыть. Она будет сопротивляться до последнего, а потом будет давать, давать – и брать... Черт бы побрал Тристу с ее маленькими хитростями!

– О, конечно, я заплачу! Я в целостности и сохранности доставлю тебя в то место, которое ты именуешь «цивилизацией», моя милая женушка! Какого черта мне тебя удерживать? – Голос Блейза был резким, его улыбка превратилась в гримасу. – Ты хочешь вернуться к Фернандо или к Эмерсону, своему так называемому мужу, который не потрудился даже составить тебе компанию в ту незабываемую ночь?

Блейз очень старался причинить Тристе боль и тщательно подбирал слова, которые с презрением бросал ей в лицо. И его старания были вознаграждены.

– Нет! Будь ты...

И Блейз безжалостно впился губами в ее губы, чтобы положить конец затянувшейся перебранке, как не раз уже поступал в прошлом, когда хотел заставить ее замолчать.

Но сейчас это оказалось не так легко. Пытаясь избежать его поцелуев, Триста в ярости крутила головой и бешено молотила его кулаками до тех пор, пока он не почувствовал, что уже почти зажившая рана на руке вновь стала кровоточить.

– Ты можешь кричать и визжать сколько душе угодно, и никто тебе ничем не поможет! – прорычал Блейз, когда отнес ругающуюся и кусающуюся, как пойманная волчица, Тристу в хижину и бросил ее на солому. – А если ты собираешься убить меня, то подумай о Бегущем Волке и о том, как он обращался бы с тобой, если бы меня не было поблизости!

Апачи имеют привычку отрезать носы у неверных жен – после побоев, конечно. Тебя это не смущает?

Каждый вздох и каждое слово Тристы звучали как рыдание.

– Ты... ты... обещал! Ненавижу...

– Можешь меня ненавидеть сколько хочешь, но перед тем как вернуть тебя туда или к тому, к кому ты так рвешься, я пересплю с тобой еще по крайней мере один раз! Потому что сейчас ты моя и только моя! Как в старое доброе время, не правда ли?

На Тристе было только украшенное бахромой кожаное платье из шкуры быка – подарок Пакиты. «Сейчас я слишком доступна для него», – с отчаянием подумала Триста. Блейз сначала забавлялся с ней, издевательски спрашивая, нравится ли ей то или это, а потом развернул Тристу к себе спиной и вошел в нее. Несмотря на сопротивление, вскоре она почувствовала, что готова закричать. Триста кусала себе руку, чтобы сдержать те противоречивые чувства, которые он заставлял ее испытывать – несмотря ни на что! А потом... потом сдерживаться было уже невозможно и Тристе пришлось... закричать, в то время как ее тело одна за другой сотрясали судороги.

Но только ли ее тело содрогалось от тех ощущений, которые волнами накатывали на нее? И показалось ли ей, что Блейз тихо прошептал:

– Будь ты проклята, проклята, чертова колдунья, и будь проклята моя слабость к тебе!

Его слабость? Это она проявляет слабость к нему, проявляет в самые неподходящие моменты!

– Это тебе на память от меня! – сказал Блейз, и это походило на рычание. Перевернув все еще трепещущее тело Тристы на спину, он начал возбуждать ее легкими, расчетливыми прикосновениями пальцев. Эти дьявольские прикосновения пальцев художника все больше и больше дразнили Тристу, внутреннее напряжение в ней росло и становилось почти невыносимым. Блейз хотел превратить ее (к тому времени уже освобожденную от последних остатков одежды) в живую палитру, раскрашивая кисточками из соболиного меха, просто пальцами и даже губами. Триста молила о пощаде и не находила ее. Судороги волнами вновь и вновь пробегали по ее телу.

Встав на колени, Блейз красной головной повязкой, которую надевал на охоту, связал Тристе руки и принялся вновь забавляться. Она плакала, с рыданиями умоляла его Христа ради закончить, но Блейз оставался непреклонен.

– К твоим соскам подходит голубовато-фиолетовый цвет. Вот – тебе

нравится? Как они напряглись, прямо трепещут! А пупок, конечно, раскрасим золотом с красной точкой в самом центре. Это будет похоже на фальшивый рубин, который вставляют себе восточные танцовщицы, если у них нет достаточно богатого поклонника, чтобы подарить настоящий. Перестань на минутку дергаться, душенька, я еще не закончил. Вот! Думаю, здесь надо добавить киновари – а ты как считаешь? Я окуну свою лучшую кисточку в этот цвет, он тут подходит больше всего. Пожалуй, я не устою перед искушением сразу же слизать всю краску. А вот это – приподними-ка чуточку бедра, моя любовь, – это мы выкрасим в бронзу. Ты согласна?

– Нет, остановись! Чудовище! Пожалуйста, пожалуйста, прекрати эту... эту пытку, Блейз! Не надо! Не надо... только не это... О Боже, я не могу больше! Я сделаю все, что ты хочешь! Ты ведь этого хочешь? – Триста слышала собственный голос, невнятно бормочущий те слова, которые вырывались у нее помимо воли. Прикосновения к коже влажной краски и мягких кисточек довели ее почти до безумия. До этого момента Триста не поверила бы, что способна испытывать такое. Слишком сильные ощущения были острее, чем боль. Триста больше не могла терпеть такую утонченную пытку. При каждом мазке, каждом прикосновении языка или губ все ее тело начинало вибрировать.

– Разве тебе не нравится, когда тебя раскрашивают и с тобой играют, моя милая, очаровательная жена? Разве Фернандо не ценил тебя?

– А-а-а-а! – На этот раз крик Тристы, полный ненависти и отчаяния, был таким громким, что мог поднять на ноги весь лагерь.

Не задумываясь, разгневанный Блейз заткнул ей рот рукой и тут же почувствовал, как в его ладонь вонзаются острые зубы. От неожиданности и боли он тоже вскрикнул:

– Проклятая волчица! Ты хочешь, чтобы у меня появилась водобоязнь? – Инстинктивно поднеся ко рту покусанную руку со следами зубов, Блейз другой, здоровой рукой дал Тристе пощечину, ее голова безвольно склонилась.

На одно ужасное мгновение Блейзу показалось, что он убил ее. Испытывая такие отчаяние и ненависть к себе, о которых до сих пор не имел даже представления, Блейз наклонился и прижался губами к покрасневшей и уже вспухшей отметине, появившейся на шелковистой щеке:

– О Боже! Боже мой, Триста, родная, прости меня! Проклятие! С тобой все в порядке? Триста, черт побери, я не хотел тебя ударить! Клянусь, я отвезу тебя, куда захочешь. Триста...

Она повернула к нему голову, посмотрела на него своими серебристыми глазами, из которых текли слезы, – и засмеялась.

Глядя на потрясенное, разгневанное лицо Блейза, Триста смеялась высоким, истеричным смехом.

– Ты меня ударил! – крикнула она, не в силах сдержать рыдания. – А вот Фернандо постоянно меня избивал или заставлял это делать Нордстрема, и это было гораздо больнее! О, гораздо больнее! Тебя когда-нибудь связывали и избивали как скотину, Блейз? Ты ведь именно это хочешь сделать, прежде чем пригласишь своих друзей – или даже случайных знакомых – поиметь меня? Но ведь я уже приручена, не так ли? Тебе не нужно меня бить – я и так сделаю все, что ты хочешь, и с кем угодно! Ты понимаешь, Блейз? С кем угодно?

Внезапно те сексуальные игры, в которые он играл с ней, показались Блейзу нелепыми и уродливыми и такими же отвратительными, какими, очевидно, казались Тристе. Ему следовало самому обо всем догадаться по намекам Чэрити, да и сама Триста не раз проговаривалась. Черт бы побрал его ревность! Блейз должен был поверить в то, что на самом деле всегда чувствовал. А теперь? Теперь слишком поздно. Поздно для них обоих – по крайней мере для того, чтобы быть вместе.

– Ты истеричка! Невозможно больше выносить такую визжащую, истеричную бабу! Раз пощечина тебя не вылечила, остается только один способ!

Строгий тон Блейза Давенанта не имел ничего общего с его подлинными мыслями и чувствами. Блейз стремительно завернул Тристу в одну из шкур и вынес ее из хижины. Внимательно наблюдавшие за происходящим соседи сразу же тактично отвели взгляды.

Только когда Блейз бросил Тристу в ледяную воду ручья, который шаман называл Ручьем Жизни, она перестала неудержимо всхлипывать и закричала снова – на этот раз от потрясения и ярости.

– Я... я... о-о-о! Черт тебя побери, отвратительный подонок! Черт...

Она не успела договорить, потому что Блейз хладнокровно засунул ее голову в ручей. Через несколько секунд Триста вновь появилась на поверхности, задыхающаяся от воды и от проклятий.

Уж лучше такая реакция, чем те слова, которые вырываются из темных тайников ее души. Теперь Блейз твердо знал то, о чем догадывался с тех пор, как впервые прижался губами к ее губам, чтобы вернуть Тристе дыхание. Ведьма она, шлюха – какая разница? Со школьных времен Блейзу запомнилась одна поэма – «Прекрасная дама, не знающая пощады». Она очаровала его, околдовала, и ради спасения собственной души он не

должен дать ей догадаться об этом... По крайней мере не сразу, если хочет сохранить свое эфемерное «я».

Пока Триста отплевывалась и ругалась, Блейз оттащил ее подальше от стремнины и положил на берегу. Ноги Тристы все еще колотили по воде, когда Блейз встал рядом на колени и вновь вошел в нее.

Шаман знал, что это должно было случиться. Увидев, что происходит, Пакита перебралась в маленькую хижину, заявив всем, что наступило то самое время.

Тристу уже ничего не беспокоило. Ей предстояло вернуться «домой» – что бы это ни означало. Вырваться из дикой реальности, когда все приходилось принимать как данность, а она сама превратилась в бесчувственное существо, вещь, которую мужчина, ее владелец, мог взять, а мог и отвергнуть.

Ее уже столько раз брали и использовали, совершенно не интересуясь ее чувствами! Что может изменить еще один раз?

После того что произошло между ними, Блейз почти перестал замечать Тристу. Он стал уделять гораздо больше внимания Паките. Иногда по ночам, пытаясь заснуть, Триста слышала, как они разговаривают.

Но ведь он поклялся в целостности и сохранности вернуть ее в цивилизованный мир. Собирается ли он выполнить свое обещание?

Тристе нужно бежать от него, или он ее уничтожит. Теперь Блейз брал ее, когда ему заблагорассудится, и Тристе ничего не оставалось, кроме как верить, что скоро – очень скоро – она освободится от этого рабства... этого бесконечного рабства души. Но почему, собственно, она должна в это верить? Он ведь спал и с Пакитой, грязный подонок, об этом она знает наверняка!

Неужели Пакита тоже беременна от него? Триста носит его ребенка, но никогда ему об этом не скажет, как и Пакита, которая предпочтет, чтобы Триста не стояла у нее на дороге.

Триста играла, но не подозревала, что и Блейз тоже играет. Его заставляла это делать чертова мужская гордость. Блейз это понимал, но продолжал играть.

Не зная в точности, что происходит, Пакита почувствовала неладное. Она прямо заявила, что Блейз должен сделать выбор, поскольку ясно: Триста не хочет делить мужа с другой женщиной.

– Если Бегущий Волк не захочет Знахарку, то он получит меня. Ты должен сейчас все решить раз и навсегда! – сказала Пакита. Глаза ее искали и не находили во взгляде Блейза того, что хотели бы найти. – Думаешь, я не знаю, к кому у тебя душа лежит? – чувствуя его нерешительность, более

твердо продолжила Пакига. – Ты ведь хочешь ее – эту женщину, которая спасла тебя, но которая может и навредить! Когда-то мы с тобой хотели друг друга – ты и я, – но это было очень давно, и наши чувства оказались не такими сильными, чтобы связать нас. А теперь ты должен поступить так, как говорит твое сердце.

А что на самом деле говорит его сердце? Триста, ведьма с серебряными глазами и черными волосами, выбрала его, хотя должна была поступить совсем наоборот. Блейз никак не может принимать ее такой, какая она есть.

Совершенно ясно, что Триста желает быть свободной, хотя Блейз всегда мог заставить ее испытать желание. Но желало только тело, а не разум и не душа.

– Я хочу освободиться от тебя! – часто повторяла Триста, даже в тот момент, когда ее тело жаждало его.

– Куда ты хочешь уйти? Или, точнее, к кому я тебя должен доставить? – насмешливо спрашивал ее Блейз.

И однажды Триста, не желая больше повторять то, что говорила раньше, ответила:

– Да куда угодно, черт побери! И к кому угодно!

Но думала ли она так на самом деле?

Глава 35

«Вернулся ли он к Паките?» – гадала Триста. А она сама – была ли она всего лишь эпизодом в его жизни, который легко забыть? Таким совершенно незначительным эпизодом. Но почему Триста должна о нем беспокоиться или вообще вспоминать о нем? Почему ее должна заботить его судьба, особенно после того, как он так бессердечно с ней обошелся?

Да будь он проклят! Как он мог так легко оставить ее... бросить! – после всего, что между ними было, забыв все те слова, что шептал ей, когда занимался любовью? Неужели он не понимает, что по пути с ней может всякое случиться?

– Теперь ты находишься достаточно близко от Нового Орлеана, чтобы заявить свои права на наследство или на то, что от него осталось. Я уверен, что генерал Бэнкс отнесется к этому благосклонно – он разумнее, чем Батлер, и более приятен в общении. – В завершение своей краткой речи этот подонок поцеловал ее, и едва не задохнувшаяся Триста оказалась не в состоянии даже выразить протест против такого произвола.

Триста нервно расхаживала взад-вперед по своей напоминавшей тюремную камеру комнате, чувствуя себя так, будто попала в средневековье. Девственница под охраной. Товар, который может пригодиться для сделки. Но она уже не девственница – несмотря на то что находится под чересчур мощной охраной!

Большой Дом – дом его родителей – действительно находился довольно близко от Нового Орлеана. А обширные владения Энтони Давенанта раскинулись на плодородной земле Луизианы, между Сабин-Ривер и Красной рекой.

– Я хочу познакомить тебя с моими родителями. Мама иногда меня понимает, отец не понимает никогда. Но он близкий друг Сэма Хьюстона, и у него с ним одинаковые взгляды.

Как хорошо (даже слишком хорошо!) Триста запомнила выражение лица Блейза, когда он говорил о родителях! Как хорошо она запомнила тот момент, когда Блейз небрежно предъявил ее, если так можно выразиться, – как будто фокусник вытащил кролика из шляпы! Рядом лаяли гончие и таращили глаза слуги.

– Моя жена – она любит, чтобы ее называли Тристой, поскольку ее многочисленные имена слишком сложно запомнить. Триста – мой отец... моя мать. – Блейз сначала обнял мать, крепко прижав к себе и держа так,

пока она не запротестовала, смеясь сквозь слезы. Отец долго испытующе смотрел на Тристу, затем церемонно поклонился и поднес ее руку к губам.

– О, все абсолютно законно – мы женаты. Кстати сказать, она наследница значительного состояния – ведь так, душа моя? Естественно, это единственная причина, по которой я на ней женился!

Как хорошо она помнит эти шутливые слова! К чему бы это?

Конечно, Блейз оставил Тристу на попечение своих родителей только для того, чтобы избавиться от нее. Бросил ее здесь страдать в этом ужасном кринолине, а сам отправился рисовать свои картины и писать беглые заметки о «сражении на Красной реке».

Он уехал... А ей пришлось остаться! Естественно, Блейз не предупредил, что она окажется в положении пленницы. Что ее будут тщательно беречь и охранять, как драгоценное имущество. Как вазу династии Мин или скрипку Страдивари, на которой можно изредка играть, когда есть подходящее настроение. Да, она для него всего лишь вещь. И теперь, оглядываясь назад, Триста с удивлением поняла, что была бы рада вернуться к апачам. Там жизнь в некоторых отношениях была проще.

Но где же Блейз? И почему он привез ее именно сюда, представив как свою жену?

Триста вскоре обнаружила, что его отец вовсе не такой неприятный человек, каким представлялся ей вначале. А мать оказалась очень похожей на Пакиту и держалась так же замкнуто – может быть, потому, что не одобряла внезапной женитьбы сына на женщине, которую до сих пор никогда не видела. Или Блейз нашел время, чтобы объяснить матери обстоятельства своей женитьбы? Ну все равно, Тристу это не волнует. Она уже решила, что любой ценой постарается обрести свободу – и будь проклят этот Блейз!

У матери Блейза были длинные прямые черные волосы с немногочисленными вкраплениями седины. Когда она распускала их, то волосы доходили почти до ее все еще стройной талии. Даже сейчас она была красивой женщиной, и Триста ловила себя на мысли о том, будет ли она сама так же хорошо выглядеть в... ну, в том возрасте, в каком сейчас может быть сеньора Мадалена.

– Вы любите моего сына? – прямо спросила она, когда пошла лично показывать невестке ее комнату.

Триста до сих пор не может понять, почему на этот прямой, резкий вопрос она ответила «да». Ведь на самом деле она ненавидит Блейза, о чем и должна была честно сказать его матери. Почему же она выпалила «да» вместо «нет»? И почему ее вообще должно волновать, чем занимается

Блейз и не грозит ли ему опасность?

Он сам прекрасно знает, что такое риск и какова бывает награда, нетерпеливо напомнила себе Триста. Он не станет слишком рисковать, он из тех, кто остается в живых, – прагматик, который в первую очередь думает о себе. Возможно, в этом причина и их несчастливого и несвоевременного брака, который уже принес ей столько несчастий!

Блейз сообщил своим родителям, что его жена – «докторша» (заработав себе этим убийственный взгляд), что она обманом проникла в самые знаменитые медицинские колледжи Европы, выдав себя за молодого человека.

– Да, это правда – к счастью для моего мужа, потому что не так давно мне пришлось повозиться с двумя довольно опасными пулевыми ранениями! Не правда ли, дорогой? Кроме того, – добавила она, – как хирург и врач, назначенный санитарной комиссией, я проводила ампутации и... лечила солдат, пострадавших в бою. А еще я могу ездить верхом и довольно хорошо стрелять из пистолета или винтовки. Боюсь, что я совсем не похожа на слабую и беспомощную женщину! Надеюсь, это вас не шокирует, сэр? – с вызовом произнесла Триста.

К ее удивлению, а также к удивлению жены и сына Энтони Давенанта, тот после небольшой паузы рассмеялся и приветственно поднял бокал:

– Я пью за женщину с убеждениями, которая не боится говорить правду! Должен сказать: я рад тому, что мой сын взял в жены отнюдь не какую-то жеманную девицу. Мне нравится, что вы не боитесь ему возражать и говорите откровенно. Значит, вы женщина-врач? А вы не в курсе, как лечить лошадей и скот? Когда-нибудь ездили на полудикой лошади?

– Да, ездила. У моего отчима было ранчо в Калифорнии, и я научилась ездить верхом раньше, чем ходить! Вот только юбки мне мешают, и я не люблю ездить в женском седле.

– Ну, положим, это меня не смущает! Ха! Моя Мадалена тоже не любит пользоваться женским седлом и никогда в нем не ездила – не правда ли, любовь моя?

Было ясно, что, когда Энтони Давенант называл свою жену «любовь моя», он говорил серьезно. А вот когда Блейз так обращался к Тристе, то в его голосе всегда звучали насмешливые нотки. Что она все-таки для него значит? И почему он всегда входит в ее жизнь в самое неподходящее время, когда Триста уже начинает забывать о его существовании? Думая о Блейзе, Триста чувствовала, что ее мысли путаются. Почему одно предположение о том, что он может вернуться к Паките, приводит ее в бешенство?

– Ради вашей собственной безопасности вы должны выезжать за ворота только в сопровождении – даже несмотря на то что умеете пользоваться ружьем. Сейчас плохие времена, и вокруг много нехороших людей – дезертиров, которые пробираются в Мексику и без раздумий хватают все, что подвернется под руку. Так что нам всем следует быть осторожными. Вы согласны?

Только сегодня, почувствовав отчаяние Тристы, мать Блейза, которая лучше говорила по-французски, чем по-английски, объяснила все это своей непослушной невестке. Ее светло-карие глаза напоминали Тристе глаза ее сына.

– Но я... Поймите, я не хочу показаться неблагодарной! Я чувствую себя бесполезной, ненужной. Я хотела бы хоть что-нибудь делать, вместо того чтобы просто сидеть и ждать! – Триста беспокойно расхаживала по комнате от окна к стене, не понимая, чего ей нейдет и отчего она чувствует такое напряжение, что не может ни секунды оставаться в покое. – Я должна что-нибудь делать! – сказала Триста, резко отвернувшись от окна. – И я привыкла сама за себя решать! Я... В Калифорнии меня называли бруха – что значит ведьма, и некоторые слуги боялись меня, хотя я никогда никому сознательно не вредила! Только потому, что я... когда я кое-что чувствую, даже если я этого не хочу, я должна... Прошу прощения, что я так путанно говорю и что рассказываю такие вещи, но я знаю, что вы меня поймете! Разве не странно, что я это знаю? Еще более странно, что я... что я... О! Я веду себя как безумная истеричка. Я действительно не хотела...

– Зачем бороться со своими желаниями? – тихо спросила Мадалена, в эту минуту больше похожая на апачку, чем на француженку. – Насколько я знаю, лучше этого не делать. И ты должна это знать, раз ты бруха, как и я. Так по крайней мере меня называет мой муж! Но ведь есть некоторые вещи – некоторые чувства и силы, – против которых даже мы не в силах бороться, да? Такие, как сильная любовь, против которой невозможно устоять. Думаешь, я стала бы с тобой так разговаривать, если бы не знала, что мой сын любит тебя и что ты любишь его, – хотя вы, как глупые дети, все время ссоритесь и что-то из себя изображаете? Ах, какая это глупость и какая потеря времени! – К удивлению Тристы, Мадалена внезапно рассмеялась. – Это я – я заставила моего мужа поверить, что он меня покорила, хотя ему было из чего выбирать! Вот так мы, женщины, и управляем своими мужчинами, и это очень легко, если точно знаешь, чего хочешь. А вы еще дети!

– Но... но это не... – начала Триста, но тут ее голос задрожал, и она

прижала к вискам сжатые кулаки. До нее дошла истина, которую Триста до сих пор не желала признавать. Она вовсе не ненавидит Блейза – она любит его. И если даже его мать, которая всегда была к нему так близка, говорит, что он ее любит... Он что, сам не знал об этом?

Даже проклиная Блейза, Триста всегда его любила – этого вероломного развратника! По крайней мере именно она сделала выбор – нравится это ему или нет.

Но где же, черт побери, он находится сейчас, в этот самый момент? У Пакиды? Или он путешествует по Красной реке, делая под обстрелом зарисовки? Почему сегодня ее нервы так напряжены?

Днем они вместе с Мадаленой и Давенантом-старшим выезжали верхом, и Триста наслаждалась свежим ветром, бьющим прямо в лицо.

– Вы чертовски хорошая наездница! А что вы думаете насчет того, как обращаться со скотом?

– Абсолютно ничего! – честно призналась Триста, за что удостоилась чести быть посвященной в планы Давенанта-старшего. Оказывается, он собирался вместе с еще несколькими скотовладельцами продать часть своего стада в ближайшем городе, где, говорят, за него дают хорошие деньги.

– А как насчет армии? – спросил Тресту свекор, искоса взглянув на нее, совсем как его сын. – Я слышал, что у них не хватает мяса, хотя я никогда не продам свой скот этим проклятым янки!

– Но тогда вы не сможете получить самую высокую цену, не так ли? – с невинным видом заметила Триста. – Как я понимаю, все деньги сейчас у янки.

Услышав эту дерзость, Давенант усмехнулся в седые усы:

– У вас есть характер! Мне это нравится в женщинах. И, как я понимаю, вы любите поступать по-своему, не так ли?

Они рано поужинали и рано разошлись по спальням. Казалось, что все остальные тоже испытывали чувство беспокойства, которое заставляло Тресту сейчас бодрствовать. Снаружи доносились голоса и стук копыт. Однако то, что происходит, ее совершенно не касается. Триста подумала было о том, чтобы сделать запись в дневнике, но тут же раздраженно покачала головой, глядя на свое отражение в зеркале. Легкая сорочка из тонкого хлопка просвечивала насквозь.

– Ради разнообразия я хотел бы, чтобы ты походила на женщину, – прорычал Блейз, бросив неизвестно откуда взявшийся сверток на кровать, которую Триста вынуждена была разделять с ним в дешевой придорожной

гостинице. – Вот! Должен сказать, что я предпочитаю, когда ты в коротком платье из бычьей кожи, под которым ничего нет. Но мой отец цепляется за условности и может этого не одобрить.

Да, она должна была действительно его ненавидеть – в особенности за то, как он обращался с ней. Он брал ее тогда и так, как хотел, не обращая внимания на ее желания и чувства – даже под родительским кровом. И самое ужасное, что он каким-то образом всегда заставлял ее наслаждаться этим!

«Это несправедливо, что я хочу его, несмотря на то что сейчас он, возможно, занимается любовью с другой женщиной!» – злясь на себя, думала Триста. Пытаясь отвлечься от воспоминаний, она отвернулась от зеркала, в которое только что смотрела. Можно подумать, что он действительно женился на ней из-за этого мифического (как она считает) наследства, от которого, может, уже ничего и не осталось... Господи, да какое это имеет значение!

Триста бросилась ничком на застланную белыми простынями кровать. Ей хотелось долго и горько плакать, но разве найдешь облегчение в слезах?

Ей хочется скакать в черноту ночи на диком скакуне. Ей хочется... Господи, ей хочется, чтобы он вошел в ее тело, хочется выгнуться дугой навстречу его медленным, тщательно рассчитанным движениям...

– Триста! Триста, надеюсь, ты не спишь – я видела свет под дверью. Ты срочно нужна!

Это Мадалена, ее голос тих, но очень настойчив.

Блейз! Что-то случилось – вот в чем причина ее тревоги. Нет, только не это!

Даже не накинув халата, Триста поспешила открыть дверь. Широко открытыми глазами она с тревогой смотрела на свекровь, но та только покачала головой:

– Это не то, чего ты боишься. Тут... тут было сражение, много раненых – и ни одного врача. Они южане, но я не думаю, что это имеет для тебя значение. Однако надо спешить. Я помогу тебе одеться... Обойдемся без юбок, да? Ты, наверное, с радостью снова станешь молодым человеком.

Пока Триста поспешно переодевалась и Мадалена помогала ей подобрать волосы, молодая женщина узнала, что около Сабин-Ривер состоялось сражение.

Конечно, она не станет надевать форму. Она врач, и не имеет значения, на чьей стороне воевали раненые, нуждающиеся в ее помощи люди. Она ненавидит только войну и ее последствия.

Среди раненых, покалеченных, умирающих были и солдаты Союза. И ни одного врача на многие мили вокруг. Это ее долг. Мадалена говорила очень убедительно и настойчиво. Она даже собиралась, пока муж ей этого категорически не запретил, сопровождать Тристу к месту сражения.

– Вы чересчур молоды для врача, а у меня слишком много людей в тяжелом состоянии, хотя мы и задали взбучку проклятым янки!

– Генерал! Сожалею, но у меня нет времени доказывать свою квалификацию. Мне сказали, что здесь есть раненые, которым нужна срочная помощь. Где они?

Генерал Тэйлор явно не привык, чтобы ему отвечали в таком тоне. Брови генерала сдвинулись, и он нахмурился так, что любой из его солдат или офицеров затрепетал бы от страха. Однако, черт побери, ему нужен врач! Старый или молодой – не важно. Хотя они снова победили федералов, но победа далась слишком дорогой ценой. Как долго каждая из сторон сможет сохранить свои преимущества?

Для колебаний и даже для раздумий не оставалось времени. Привыкнув к тому, что определенные виды медикаментов всегда имеются под рукой, Триста едва могла скрыть потрясение, когда узнала, что в ее распоряжении нет почти ничего – даже бинтов! Для всего надо было искать замену – если удастся.

– Я сначала позабочусь о тех, кто больше всего нуждается в помощи, – не важно, какого цвета у них мундир. Я здесь для того, чтобы исцелять, если смогу, а не затем, чтобы принимать чью-либо сторону в этой бессмысленной войне!

– Если бы вы были под моей командой, молодой человек, я приказал бы вас высечь за вашу дерзость и отдал бы под трибунал! – проворчал генерал.

– Но ведь вы не мой начальник? Пожалуйста, генерал! Позвольте мне исполнить свой долг, сэр.

Тристе удалось смягчить генерала. Заставив себя действовать автоматически, не думая, она смогла сделать максимум возможного в этой нелегкой ситуации.

От усталости и бурной череды впечатлений Триста пришла в состояние какой-то заторможенности. Может быть, это было и к лучшему – ни о чем не думать и ничего не чувствовать.

И потом, к чему видеть сны? Перед глазами и так сплошной калейдоскоп событий. А если кто-то и удивляется, что Док даже во сне не снимает с головы шапочку, – Тристу это не волнует!

О проклятие! Зачем вообще думать? Иногда легче не думать, особенно если оказываешься в роли пешки в смертельной шахматной партии – когда тебя передвигают взад и вперед по чьей-то прихоти. Теперь уже ясно, что молодой и розовощекий доктор знает свое дело по милости Божьей и «Эколь де медсин»!

Только откровенное признание Тристы, что она на самом деле женщина, спасло ее от насильственного «призыва» в армию генерала Тэйлора.

– Черт побери! Я сам должен был об этом догадаться! И почему вам только не сидится дома? Подумать только – женщина-врач! Хотя... нельзя сказать, чтобы вы плохо лечили – для женщины, разумеется... – У генерала Тэйлора был как раз один из его знаменитых приступов ярости, когда помощники старались не попадаться ему на глаза. Но Триста, не зная о том, что следует испугаться, только пожала плечами и провела рукой по волосам, явно не испытывая никакой озабоченности.

– Прошу прощения, генерал, но, насколько я понимаю, вам нужен был врач. А я окончила один из лучших и самых уважаемых медицинских колледжей Европы – разумеется, переодевшись мужчиной! – Не обращая внимания на грозный взгляд генерала, Триста посмотрела на него почти с вызовом. Пусть он запугивает своих подчиненных, для нее он не представляет опасности.

– А откуда, черт побери, мне знать, что вы не шпионка Союза? Ответьте мне на это, мадам! – Лицо генерала покраснело, он кричал так, как будто командовал парадом.

– Зачем же я тогда сюда пришла? Как я уже говорила, генерал, я врач... и стала им для того, чтобы спасти жизни людей.

Глаза генерала по-прежнему метали молнии.

– В самом деле? Наверно, из-за своего чересчур независимого поведения вы просто не нашли себе мужа! Вы очень похожи на аболиционистку с Севера – я человек прямой, мадам!

– Как замечательно! Как это достойно мужчины! В самом деле, генерал, вы удивили меня – и, должна сказать, неприятно удивили! Хотя меня привезли в Калифорнию после того, как моя бедная мать овдовела – ее мужем был Вильяреаль из Луизианы, – я никогда не забывала о своих корнях. Кстати, я замужем за джентльменом из Виргинии майором Фарлендом Эмерсоном – возможно, вы слышали о нем, сэр?

В конце концов, следует всего лишь сыграть нужную роль, думала Триста, наблюдая за тем, как лицо генерала стало из красного почти багровым. Но вскоре он справился с собой настолько, что сказал Тристе:

она свободна, и он распорядится о том, чтобы ее отправили обратно к ее друзьям в Техас на следующее же утро.

– Благодарю вас, сэр! Надеюсь, что если я буду путешествовать как леди, то вы дадите мне эскорт? Или я по-прежнему должна изображать из себя мужчину... поскольку считается, что женщины недостаточно умны или недостаточно сильны, чтобы лечить?

Триста очень устала, ее грызло отчаяние при мысли о том, сколько она не смогла сделать, сколько жизней не смогла спасти. Иначе она никогда не посмела бы так смело и так дерзко говорить с генералом, славившимся своим крутым нравом.

Как же она сразу не разглядела лица хищника – крючковатый нос и безжалостную линию рта?

– Вы говорите как девка, а не как леди, достойная уважения! Врач вы или нет, но ваше поведение очень напоминает поведение обозной шлюхи, и я уверен, что с вами надо обращаться так, как этот тип женщин заслуживает. Наверное, вы все еще тут, потому что пытаетесь меня соблазнить, хотя я ясно дал понять, что мне нечего вам больше сказать?

– Боже мой! Неужели я действительно могу соблазнить вас, сэр, несмотря на то что сейчас я скорее похожа на мужчину, и к тому же грязного? У меня и в мыслях такого не было! И мне все равно, верите вы мне или нет. Я пришла сюда только для того, чтобы... чтобы спасти людей и облегчить их страдания... О проклятие! Я плачу... это вы довели меня до слез, генерал! Мне не важно, что вы сделаете со мной, можете даже казнить меня, если это удовлетворит вашу дурацкую мужскую гордость! Я только хочу... о, как часто я хотела родиться мужчиной!

Как Триста ни пыталась овладеть собой, она не смогла сдержать рыданий. Слезы хлынули потоком, лишая ее последних сил.

– Вы истеричка, мадам! – резко сказал генерал. – Но... это очень типично для женщин, – добавил он.

Теперь, когда генерал увидел ее слабость, его голос несколько смягчился.

– Я не сомневаюсь в ваших добрых намерениях, – снисходительно заметил он, – но женщины должны знать свое место. Переодеваться мужчиной и жить в опасной близости с мужчинами – это совершенно не подобает порядочной женщине – даже врачу. Тем более жене джентльмена и офицера-южанина! Ведь, как я понимаю, вы замужем? – откашлявшись, уточнил генерал Тэйлор. – Наверняка какое-нибудь тайное, скоропалительное венчание, как это стало модно в военное время? Или нет? И вы принадлежите к старинному луизианскому роду, а? Ну если вы

перестанете на меня кричать и станете отвечать на мои вопросы, то, возможно, мы найдем выход. А я пока посмотрю, нельзя ли где-нибудь найти какую-нибудь хотя бы относительно приличную женскую одежду. И пока приставлю к вам охрану, чтобы не приставали, – сказал генерал таким тоном, какой в его устах можно было считать успокаивающим. – Но не забывайте, что, пока я вас не отпустил, вы должны подчиняться приказам! – более резко добавил он. – Моим приказам!

Интересно, что это могло бы значить? Но Тристу, измученную и плачущую, это сейчас не особенно волновало! Она без возражений приняла приглашение генерала «выпить бокал-другой красного вина и покончить с разногласиями». Более того, Триста была в таком невменяемом состоянии, что с благодарностью восприняла его предложение первой – как женщине – принять импровизированную ванну, которую подготовили для генерала его ординарцы.

– Я... я бы очень этого хотела. Но только...

– Моя дорогая мадам, я теперь знаю, кто вы такая! Я ведь офицер-южанин и, надеюсь, еще джентльмен!

«Мне тоже остается надеяться только на это», – сказала себе Триста, чувствуя, что сила, которой она обладала, покинула ее. Сейчас она слишком устала, чтобы отказываться от еще одного бокала вина или протестовать, когда генерал влез к ней в крошечную сидячую ванну и принялся там игриво плескаться.

– Вы не джентльмен, сэр! – невнятно пробормотала Триста, едва слыша его ответ.

– Но и вы не совсем леди, моя дорогая! Это ведь совершенно очевидно, не так ли? – Добавил ли генерал еще кое-что или ей это только показалось? – Однако если вы действительно та, за кого себя выдаете, вы можете, на этот раз как женщина, доказать свою лояльность Югу и послужить нашему делу независимо от твердости ваших моральных устоев! Еще вина!

Неужели его ординарцы все видели – что бы там ни произошло? Случилось ли то, о чем Триста не хочет и не смеет вспоминать? Или все же не случилось – так легче считать.

Что бы ни произошло – или все-таки не произошло, как надеялась Триста, – генерал внезапно стал любезным. Он объявил Тристе, что решил взять ее с собой, как будто этим оказывал ей услугу!

Ночью ее разбудили и приказали – приказали! – отправиться в генеральскую палатку. «Быстрым шагом, пожалуйста... э-э-э... сэр!» (Будь проклят этот ухмыляющийся ординарец, как и его генерал!) Правда в том,

со стыдом призналась себе Триста, что она стала очень бояться генерала Тэйлора с его холерическим темпераментом и безумными вспышками ярости, во время которых он мог сделать все, что угодно.

– Не беспокойтесь, киска, я уже отправил одного из самых надежных курьеров с посланием к вашим друзьям в Техасе! Они получают его к вечеру. А так как они, без сомнения, лояльные сторонники Конфедерации,^[10] я уверен, что они поймут и одобряют ваше присутствие здесь – пусть даже переодетой. Итак, теперь вам стоит отправиться в свою палатку и немного поспать!

Вот как генерал отпустил ее прошлой ночью. А на следующее утро, когда Триста чувствует себя так, будто вообще не смыкала глаз, ее вновь вызывают «быстрым шагом» предстать пред светлыми очами генерала – Бог знает для чего еще!

Должна она на этот раз изображать мужчину или женщину? А, какая разница! Все равно она слышит знакомые звуки, говорящие о том, что войско вот-вот двинется – и, без сомнения, снова в бой. Но на этот раз, когда Триста непослушными пальцами заплетала и скрепляла заколками свои волосы, она чувствовала, что вся дрожит – нет, не от страха. От предчувствия беды.

Глава 36

– Когда черное крыло пролетит над тобой – или, хуже того, заденет твое лицо, – ты всегда должна ждать беды. Но ты достаточно сильна, чтобы справиться с нею, когда настанет время. Выходи сражаться с этой бедой, вооружившись светом того яркого огня, который сияет из глубины твоей души. Ты слышишь мою мысль – да, слышишь. И когда настанет время, ты вспомнишь, как...

– А-а-а! – услышала Триста собственный крик. Сев, она почувствовала, что все ее тело, и даже платье, мокро от пота.

Но теперь она все поняла – и это стоило понять. Нет, на этот раз ее не поглотит огонь. Нет и нет! Потому что это ее место – милое ее сердцу, место, где она многому научилась. А снаружи ее ждет байю,^[11] темно-зеленый или янтарно-золотой под лучами солнца. Он существовал всегда, с начала времен, и всегда будет. Всегда будет таким же. Байю – кипарисовые болота и «качающаяся трава», как индейцы называют эти опасные места. Теперь Триста знает, зачем она пришла сюда – конец пути определяется в его начале.

Она вся тряслась и была мокрая как мышь, завитки волос облепили ей лицо, шею и плечи. В этот момент с искаженным от ярости лицом в комнату ворвался Фернандо.

Даже ему Триста показалась настоящей ведьмой – Медузой или... Да что случилось с этой дрянью?

Прежде чем Фернандо успел прорычать свои вопросы или для собственного успокоения несколько раз ударить Трису по лицу и груди, он, к своему ужасу, услышал, как она прошептала:

– Это... это болотная лихорадка! Видишь? Видишь, что она делает? Мне нужно... мне нужен мой медицинский саквояж... Если я умру, то и вы все умрете! Мне все равно! Все ра...

Фернандо не рискнул подойти к ней поближе, чтобы ударить. Триста дрожала всем телом, а на ее бледном лице красными пятнами выделялись скулы. Впору поверить, что она говорит правду. Проклятая шлюха! Это очень на нее похоже – перезаразить всех!

– Я принесу тебе эту твою дрянь! Но ты останешься здесь. Ты меня слышишь? Только скажи мне, что нам нужно делать, а уж я обо всем позабочусь. И черт с ними, с заключенными! Для нас всех будет лучше,

если они умрут, – и для самих проклятых шпионов тоже. Ты согласна со мной, querida?^[12]

Судороги, сотрясавшие тело Тристы, не проходили. Так ее тело реагировало на все то, что случилось. Бои за байю и крошечные городки превращали плодородную землю в пустыню. А потом появился Фернандо в качестве агента генерала Кирби-Смита. Фернандо, который фактически заправлял всем в кровавом шестьдесят третьем году и который был замешан в грабежах и убийствах.

О, Триста хорошо представляет себе, о чем он с улыбкой рассказал генералу Тэйлору, пустив в ход свое испанское обаяние! Она действительно наследница состояния – его сводная сестра, и, как говорят, «вышла замуж» за офицера Конфедерации, который числится в списках убитых или пропавших без вести. Однако она всегда отличалась плохим поведением и вступила на борту корабля в нечестивый брачный союз с одним каролинцем (который также является шпионом Союза), причем не разведясь с первым мужем! Да, без сомнения, она заслуживает расстрела... но, с другой стороны, она может оказаться очень полезной делу Конфедерации – конечно, находясь под строгим наблюдением и контролем. Она теперь не только наследница, но и владелица плантации Акадъенн в байю Теш. Леди с Севера может по крайней мере на время остановить янки и предотвратить их наступление в этой их проклятой «Кампании Красной реки». А благодаря отсрочке, считает генерал Кирби-Смит, они успеют запастись не только хлопком, но и боеприпасами и пленными. А «леди с Севера» пока будет заложницей, и ее покорность будет обеспечивать не только пистолет, приставленный к виску, но и мысль о том, что...

Блейз! О Боже, Блейз! Проклятый глупец! Зачем он рисковал всем, включая собственную жизнь, придя сюда за ней? В лихорадочном сознании Тристы ответ возник сам собой. Потому что он не может без нее, не может ее забыть, как и она его, – несмотря на все то, что уже произошло между ними, и несмотря на все, что еще произойдет. Разве он сам ей этого не говорил?

Они превратили ее наследство, ее плантацию, которую Триста помнила как мирное, спокойное место, в тюрьму и партизанскую базу! В минное поле, которое может взорваться от любого неосторожного движения. И ей придется изображать там хозяйку дома, говорящую с бостонским акцентом! Она это сделает, естественно, не из-за угроз и даже не из-за Фернандо. Из-за ее мужика – как говорят в байю старые люди. Да, ее мужика – пусть она временами ненавидит и клянет его! Придется притворяться – пусть Фернандо со злорадством и показал ей, как пытаются

Блейза и как его заталкивают в «горячую шкатулку», так со смехом выразились охранники.

– Ты можешь поговорить с ним. Посоветуй ему, чтобы он рассказал нам все, что знает, хотя сейчас ему может и не хватить дыхания!

– Может, я действительно смогу его уговорить? – О Боже! Раньше она могла бы сказать это спокойно.

– Словами или с помощью колдовских чар? – отвратительно засмеявшись, поинтересовался Фернандо. – Ну что ж, попробуй, дорогая Триста, моя сестра, моя шлюха! А? Ты хорошо все помнишь или уже забыла?

– Конечно, хорошо – разве я этого уже не говорила? Пожалуйста, Фернандо, – когда ты мне наконец поверишь?

О да, она сумела стать существом, которое молило и ластилось к нему даже после того, как Фернандо побил Тристу как суку, в которую ее превратил. Время повернулось вспять, но ненадолго – совсем ненадолго.

Вероятно, только тщеславие и самоуверенность Фернандо привели к тому, что он «позволил» Тристе (в ее же собственном доме!) провести несколько минут наедине с Блейзом, чтобы она попробовала его убедить. Фернандо, конечно, знал, что она не посмеет прикоснуться к Блейзу из-за опасения причинить ему еще большие страдания. Сквозь кожу на его спине были продеты крючки, как у воинов сиу во время ритуала «солнечного танца», руки связаны за спиной, ступни ног волочились по земле.

Глаза Блейза были закрыты, но он все же поднял голову, услышав, как Триста невольно ахнула. Затем он открыл глаза, свои золотисто-зеленые глаза, блестящие лихорадочным блеском, и прошептал слова, которые разрывали ее сердце:

– Понимаешь, все это не важно! Я... все равно должен был найти тебя. Серебристую Луну, которая отражается в серебряных водах... Спасайся сама, слышишь? Не имеет значения... Нет, пожалуйста, любовь моя... не прикасайся ко мне... Я не хочу...

И Триста с болью и ненавистью смотрела, как они били его плетью. Все его тело представляло собой сплошную рану. Если бы не Блейз, Триста сейчас принялась бы плакать и причитать. Если бы не Блейз и еще кое-что. Оно, это кое-что, поднялось и развернулось в ней, как змея, заставив Тристу почти спокойно сказать, не отрывая взгляда от глаз Блейза:

– Мне ведь не нужно прикасаться к тебе, понимаешь? И тебе ко мне тоже... Мы и так все знаем.

– О Боже! Моя Серебристая Луна, моя Серебряная Ведьма... Ты это знаешь... И знала, всегда знала! Теперь, пожалуйста, иди... Сейчас они

начнут... Ради Бога, иди... любовь моя.

«Любовь моя»... Она видела это в его глазах, и он видел это в ее глазах, и наконец...

– Мадам! Вот черный саквояж, мадам. Вы должны приготовить, как мне сказали, лекарство против ужасной лихорадки байю – желтой лихорадки...

– Это одна из твоих экономок, она говорит, что была здесь и раньше! – глядя бешеными глазами, крикнул с порога Фернандо. – Если ты можешь перестать трястись хоть на минуту, черт тебя возьми, то прими сама дозу, а потом дай ей для всех остальных, слышишь? Давай!

Хлопнула дверь.

– Тетушка Нинетт? – все еще дрожащим голосом спросила Триста. – А я думала...

– Тьфу на то, что ты думала! Каждый думает об одном и том же! Бедная тетюшка Нинетт! Она, должно быть, уже умерла. Бедная старушка... Ха! У меня десять сыновей и две дочери, а у моей несчастной сестры только одна! Так что – ты ведь должна спешить, да? Ну давай делай побыстрее то, что должна сделать, мадам докторша!

Старая Нинетт нетерпеливо смотрела на Тристу и даже притопывала ногой, напоминая Тристе о временах ее детства.

– Скорее, скорее! Ты хочешь, чтобы твой мужик умер? Сегодня ни еды, ни воды, но я – я дала ему немного. Быстрее! Я ведь взяла ключи!

Да, быстрее! Так, подбавим морфия в горький на вкус эликсир. Он не только снимет всю боль, но в смеси с опиумом погрузит любого, кто это выпьет, в глубокий, почти коматозный сон.

– Потребуется время...

– Да, знаю. Я могу подождать. И ты должна ждать! А до того как этот, плохой, придет, ты должна смешать что-нибудь горькое для себя и дать мне что-нибудь от боли для своего мужика.

Триста не рискнула спрашивать, что еще Нинетт знает и откуда. Это она выяснит позже, когда будет достаточно времени. А также выведает, почему тетюшка Нинетт вдруг появилась здесь со всем своим кланом... Ну, это, конечно, дело рук Старухи. Неужели она все еще существует? Неужели она вообще когда-либо существовала реально, а не только в детском воображении? Впрочем, какая разница? Прошлое – это одно, а то, что происходит сейчас, – это другое. К тому же нужно спешить.

Триста нервно мерила шагами крошечную комнату, в которой была заперта. Это помещение слишком напоминало ей «тюремную камеру», в которой она содержалась раньше, подвергаясь пыткам и избиениям. А еще

ее насильовали. Тогда казалось, что этому не будет конца. Наверное, так сейчас кажется Блейзу. Фернандо любит мучить людей, он любит мучить даже беспомощных животных. Нет, надо отключиться от мрачных мыслей и думать только о светлом, лучезарном будущем, в котором Фернандо не сможет их достать и не сможет им навредить.

Фернандо! Когда-то в детстве он представлялся Тристе рыцарем в сверкающих доспехах – ее сэром Ланселотом. Но потом она выбрала свою судьбу, выбрала Блейза. Блейз... Да, иногда между ними шли сражения, но каждый раз они заканчивались или приятным перемирием, или победой обоих!

«Я больше не могу ждать!» – отчаянно кричало ее сознание. Открыв дверь, Триста бросилась бежать, желая только одного – быть рядом с ним. Пусть даже в последний раз – но вместе!

«Вот что такое любовь! Вот что такое любовь! – стучало сердце Тристы. – Если я потеряю его сейчас... если я потеряю его снова – я не захочу больше жить, не захочу...»

И тут она наткнулась прямо на Блейза и вцепилась в него обеими руками. Триста обнимала мужа до тех пор, пока его неровное дыхание не подсказало ей, что Блейзу больно, и тогда Триста неохотно отстранилась. Соленая влага ее слез нестерпимо жгла его раны, хотя Блейз ни за что на свете не сознался бы в этом. Особенно сейчас, когда он смотрел в эти серебристые глаза и видел в них страдание.

– Я думаю, мы должны сейчас же ехать! Привет – я твой двоюродный брат Антуан. У меня есть пирога, но они скоро проснутся. Тут я одного плохого парня хлопнул по шее, чтобы он заснул.

После пребывания в «горячей шкатулке» Блейз едва волочил ноги. В норе, покрытой сверху куском ржавого железа, днем было невыносимо жарко, а ночью нестерпимо холодно. В жару он думал о прохладе ее серебристых глаз, а когда замерзал – о тепле ее податливого тела. Триста. Однажды он назвал ее Серебристой Луной. Блейз не знал, когда ему пришлось в голову это имя. Может быть, во сне, когда он был немного не в себе?

Сейчас он тоже был немного не в себе, когда держал Тристу за руку и даже вел за собой, потому что из-за слез она ничего не видела.

Черт побери, он ведь весь изранен, но все еще может ходить! Даже бегать, поскольку его пострадавшие мышцы требуют движения. А на поясе у Блейза торчит длинный охотничий нож, который леди, называющая себя тетушкой Нинетт – матерью Антуана, передала ему вскоре после того, как избавила от мучений, казавшихся уже бесконечными.

Но Блейз, который не то хромал, не то бежал, как лань, к ожидавшей их пироге, знал (не понимая, откуда ему это известно), что Фернандо последует за ними куда угодно и как угодно далеко. Он, правда, думал, что Антуан, возможно, знает об этом тоже, судя по тому, что тот то и дело оборачивался, бесшумными гребками посылая лодку вперед по обманчиво спокойной водной глади.

Байю впереди извивался как змея. С Фернандо еще придется встретиться. Не из-за того, что уже произошло на этой проклятой войне, и даже не из-за того, что Фернандо сделал с ним. Из-за Тристы. Его Серебристой Луны, которая светила ему, и только ему.

– Откуда он появится? – коротко спросил Блейз, скрежеща зубами от накатившей волны боли, которой он не мог и не должен был уступить.

– Сзади. Он идет за нами. Идет один, чтобы убить. Из-за женщины, да? Весь кипит от ненависти. Это видит та, чье имя нельзя произносить.

– Старуха? Та, которая мысленно говорила со мной? – Положив голову на колени Блейза, Триста внезапно подняла ее, как потревоженная змея, и едва не перевернула пирог. – Я не боюсь называть имена! Я... – И она снова начала рыдать, увидев то, что должно случиться, – так лягут кости. – Прошу прощения, кузен Антуан, прошу прощения, Блейз, любовь моя, – тихим голосом сказала Триста. Ее самоуверенность и решительность куда-то исчезли. – Антуан, может быть, мы ненадолго остановимся, чтобы положить мох и паутину на раны моего мужа? Вы оба правы: есть вещи, которые нужно преодолеть. Обычно это делают мужчины, хотя на долю женщин выпадает самое худшее – ждать!

Эпилог

ЭЛЬ КОНДОР ПАСА [13]

Образ жизни в байю и на болотах сложился в древности, почти у начала Жизни – как и в других местах. Но Старые были Всегда и Везде.

Приложив к ранам Блейза сырой мох и паутину, Триста отослала пирогу назад. Несмотря на боль непонимания, Триста знала, что не страх является твоим худшим врагом, а то, что стоит за спиной и вызывает желание оглянуться.

И теперь Триста ждала той развязки, которую предвидела Старуха, – древней как мир схватки двух мужчин из-за женщины. И она, неопытный новичок, с болью понимала, что лучший способ испытать вновь обретенную силу – это не использовать ее, пусть даже твое сердце разрывается на части...

Среди «качающейся травы» был маленький остров. Там они и встретились. Сердце Тристы бешено колотилось в ожидании.

Колотилось оно не зря. Силы соперников были явно не равны, даже учитывая то, что Триста заставила Фернандо выбросить пистолет, нацелив на него свой собственный. Зато Фернандо понравилась идея о том, что она будет безоговорочно принадлежать победителю и навсегда станет его собственностью.

– Какова мать – такова и дочь, а? – протянул Фернандо. Блейз молчал, стараясь сберечь силы. – Ну, я ведь имел вас обеих, не так ли? Любым способом, каким хотел! И вы обе меня любили – будь прокляты ваши черные души! Вы обе меня любили и говорили мне об этом! А теперь, после того как я отрежу яйца твоему последнему любовнику, ты будешь полностью моя и станешь делать все, что я захочу. Ты это обещала, дрянь! Говорила, что меня любишь, а? Говорила?

– Да, да – говорила. Я думала, что люблю тебя, Фернандо. Я... О Боже!
«Блейз, Блейз! Будь осторожен, любимый!» – Я произношу слова только затем, чтобы отвлечь его!

На этот раз Фернандо только слегка порезал ему руку. Но Триста, вздохнув с облегчением, вдруг поняла, что Блейз тоже стал внезапно слышать ее мысли, – по той кривой усмешке, которой он наградил ее, прежде чем полностью сконцентрироваться на Фернандо.

До сих пор Триста никогда не видела Блейза Давенанта в смертельной схватке, не говоря уже о битве на ножах. Совсем недавно его пытали, избивали и чуть не убили, и сейчас Триста с болью замечала, какие усилия Блейз прилагает просто для того, чтобы увернуться от яростных атак Фернандо и не обращать внимания на его насмешки, которые становились все более гнусными. Несмотря на всю свою решимость, Триста чувствовала, что ее щеки пылают.

– Худ-дожник! Думаешь, тот нож, который ты держишь в руке, похож на кисточку? Я вертел как хотел Квантриллом и Кровавым Биллом и снял кучу скальпов! Я слышал, что твоя мать наполовину апачка. Возможно, я и с нее сниму скальп, после того как употреблю несколько раз эту черноволосую шлюху и она мне надоест! Я так уже поступал – ты-то ведь это прекрасно знаешь, а?

Фернандо сделал выпад, и Триста прижала руку ко рту, чтобы не закричать.

На этот раз Блейзу удалось уклониться от удара и одновременно удержать равновесие. Он молчал – даже не ответил на последние грязные, низкие слова Фернандо. Только пристально посмотрел на него.

– Я вспорю тебе кишки, и, пока ты будешь тонуть, я буду брать твою женщину на твоих глазах – вот здесь...

– Не думаю!

Они ходили друг за другом кругами – Фернандо наступал, а Блейз в основном отскакивал назад. И вдруг, застав врасплох даже Трису, Блейз сделал смертельный выпад. Загнанный в угол леопард всю свою силу вложил в последний отчаянный прыжок. Сжатой в кулак рукой Блейз ударил Фернандо по кисти, которая держала нож, парализовав ее, другой ударил ножом прямо в сердце – или чуть пониже? – и резанул им вверх, а затем еще раз крест-накрест. А потом Блейз вытащил окровавленный нож, и качающаяся трава закачалась еще сильнее. На несколько мгновений вода окрасилась в красный цвет, и болото приняло в свою утробу то, что теперь ему принадлежало.

И Старуха улыбнулась. Внезапно солнечные лучи позолотили зеленые воды древнего байю. Подходя к своему мужчине, Триста всем своим существом ощущала улыбку Старухи. Блейз воткнул нож в сырую, очищающую землю и лег навзничь, прикрыв рукой глаза. Угасающее солнце на миг опалило воду и весь мир кровавым пламенем – и пропало.

Когда-то, давным-давно, они пылали в море кипящей лавы. Но теперь – теперь они заново открыли и наконец поняли друг друга. В другое время

и в другом месте.

Несколько мгновений Блейз лежал настолько неподвижно, что Триста в ужасе решила, будто он перестал дышать. Чтобы вдохнуть в него жизнь, она прижала свои губы к его губам.

И ахнула, то ли смеясь, то ли плача, когда Блейз обеими руками крепко прижал ее к себе и прошептал прямо в раскрытый рот:

– Разве не так все это начиналось? Раз уж ты врач, моя прекрасная и ненавистная, приводящая в бешенство и незабываемая любовь, то не лучше ли было бы тебе продолжить начатое... м-м-м... лечение?

Триста была врачом, была его женой, его любовницей – как еще она могла поступить? И не важно, куда они пойдут отсюда и где закончат свой путь, потому что с этой минуты они всегда будут вместе.

notes

Примечания

1

Печальная, грустная (исп.). – Здесь и далее примеч. пер.

2

Спокойной ночи, дорогая Триста! (исп.)

3

Блейз – пламя (англ.).

4

Уайз – мудрый (англ.).

5

Понимаешь? (исп.)

6

Потаскуха (фр.).

7

друг (исп.).

8

Прозвище тайных сторонников южан в Гражданскую войну 1861–1865 годов.

9

Армия северян.

10

То есть южан.

11

Заболоченный лиман на юге США.

12

дорогая (исп.).

13

Кондор пролетел (исп.).

Содержание

[Розмари Роджерс Распутница](#)

[Пролог](#)

[Книга первая ТРИСТА](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Книга вторая БЛЕЙЗ](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

Книга третья ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР

Глава 32

Глава 33

Глава 34

Глава 35

Глава 36

Эпилог ЭЛЬ КОНДОР ПАСА[13]

Примечания

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13